

An aerial photograph of a medieval castle perched on a steep, green cliffside. The castle features multiple towers, spires, and stone walls. The sea is visible in the foreground, and the sky is filled with dramatic, grey clouds. The overall scene is atmospheric and historical.

Нико Кнаву

Во имя рода
людского

Отделённые

Фаргрэн вместе с напарниками продолжает путь на север. Отряд сталкивается с необычайно сильным врагом, и оборотень понимает: он должен дойти до цели не только потому, что этого требует контракт.

Эйсгейр пытается распутать клубок странных дел, но на него сваливаются новые события, не менее странные и навевающие страшные выводы: кто-то стремится развязать войну. Кто именно? И что делать тем, кто не хочет ввязываться во всё это?

**Во имя рода людского. Отделённые. Книга 2 —
Нико Кнави**

Решение

Ты стараешься не думать о том, что сейчас произойдёт. И во время боя точно не будешь думать: в схватке мир уменьшается до лезвия меча и чувства воды. А вот после станет тяжело. Это даже кажется странным: ты уже столько убил, но сердце всё равно терзает тебя...

Ладно, этот приказ ты исполнишь. Хотя бы для того, чтобы потом ещё поговорить с юным Шэкветом.

План прост и ясен. Что смогут сделать эти наёмники против пяти очень сильных генасов? Ничего. Даже жалко несчастных... Вы, наверное, справились бы с ними вдвоём: юный Шэквет — самый талантливый фераген из всех, встречавшихся тебе. Он может буквально вырвать землю из-под ног противника. Когда он так делает на тренировках, тебе самому сложно с этим справиться.

Ты бросаешь взгляд на детей, которые пришли вместе со вторым Мастером. Семь и восемь лет. Такие малыши... Достаточно сильные, но бывают и посильнее. На задание их отправили в первый раз. Чтобы хотя бы просто посмотрели. Посмотрели на убийство. Хороши же уроки в Ордене... Ещё и снарядили не ахти: открытые шлема — это не очень хорошо.

Второй Мастер приказывает юному Шэквету начинать. Ты не возражаешь, пусть командует. Пусть. Большая часть вины будет лежать на том, кто главный.

«Всеблагая Дарительница жизни, прости своего слугу и за этот грех», — произносишь ты про себя, когда Шэквет расставляет ноги пошире и опускает голову.

Когда он закрывает глаза, земля содрогается. Дрожь катится вперёд, к противникам. Было бы неплохо, если бы после ничего не пришлось делать, но ты знаешь — так не выйдет. Всё-таки эти наёмники хороши — разогнали почти всех Тварей на своём пути.

Но им всё равно конец.

— Волна раскололась! — вдруг восклицает Шэквет.

Второй Мастер тут же выпускает огонь, командует одному из малышей повторить приём и отдаёт приказ:

— Атакуем сейчас же! — И вы бросаетесь вслед за пламенем.

Больше ты ни о чём не думаешь. Только меч и вода. Меч и...

На одного ребёнка кидается огромный чёрный волк, с диким оскалом и горящими от ярости глазами. Как видение из прошлого. Твой постоянный кошмар. Та волчица...

Поражённый, ты медлишь с атакой и видишь, как волк, который явно хотел ударить когтями малыша перед собой, резко меняет цель и кидается на второго Мастера.

Он не захотел убить ребёнка! Эта мысль разит словно клинок.

Ты заставляешь себя продолжать бой. Меч и вода, меч и вода. Но привычное в схватке состояние ума распадается на куски. Сомнения в такой неподходящий момент! Ты атакуешь, защищаешься, но не можешь не следить за волком: тот явно избегает детей. А потом бросается на юного Шэквета.

Решать приходится быстро. Он не должен умереть. Но и этих ты убить не можешь. Они лучше тебя. Хотя бы тем, что щадят маленьких.

Ты кидаясь к Шэквету и ударяешь его навершием меча в затылок. Ты знаешь, как бить не насмерть. На миг все застывают. И в этот самый миг по твоему телу разливается яд.

Скверное чувство. Ведь тебе казалось, будто в схватке никто ничего не поймёт...

«Прости меня, Шэкет», — думаешь ты.

Вы не поговорить о важном снова. Почему же ты так поздно понял, что это можно было сделать намного раньше? А теперь Шэкет останется один. Но сейчас надо постараться, чтобы он выжил.

Ты делаешь глубокий вдох, и мир снова сужается до меча и воды.

Часть VII. Доверие. Глава 1. Секунда промедления

Два дня отряд шёл вдоль новой границы Тёмных Чаш.

Они покинули Снежные Рощи незадолго до того, как зандератские войска вызволили селян. Кто знает, что могло взбрести в голову солдатам при виде наёмников? Как оставили бы на допросы и выяснение обстоятельств! И потерять верного напарника не улыбалось, а селяне точно бы рассказали об оборотне.

Чутьё Фара и навыки Мильхэ позволяли идти вдоль Чаш, не слишком приближаясь к ним, но и не слишком удалясь.

И если волчья половина Фара и фокусы ледяной ведьмы уже никого не удивляли, то теперь отличился Геррет: он выпросил у эльфийки бумагу с письменными принадлежностями и стал отмечать границу Чаш и их путь, ведь отряд шёл не по дорогам. Фаргрэн, как и все, глянув на записки коротышки, обнаружил в них красивый ровный почерк и явное искусство в рисовании карт. А ещё несвойственную обычному наёмнику грамотность. Ведь большинству требуется только худо-бедно понять условия контракта и поставить на нём закорючку согласия. Геррет же в своих заметках писал слова, значение которых ни Фаргрэн, ни близнецы уразуметь не могли. Что такое, например, «широта»? Нет, слово-то понятное, но коротышка явно употреблял его в другом смысле.

На очередную ночёвку отряд встал на лесной опушке, которую заранее разведаль Фаргрэн, поймав там парочку кроликов. Все сидели у огня. Хоть уже и начался последний месяц весны, но вечерами, да ещё и на севере Зандерата, было холодно. Геррет возился со своими записками, остальные вели разговор, для Фаргрэна очень неприятный.

— Да что тут ещё обсуждать? — проледенила Мильхэ, подбросив в костёр дров. — Обычная для таких случаев история, — добавила она со вздохом.

— Обычная?! — переспросила Ирма, и в голосе её пылал гнев.

— Я же сказала «для таких случаев». Когда люди растят оборотня. Они не знают, как обращаться со взрослеющим волком. Ваша семья не единственная.

— Он убийца!

— А как называть людей, которые растят ребёнка, в один прекрасный день обнаруживают, что он превращается в волчонка, который даже толком бегать ещё не умеет, и забивают его кулаками, палками и всем чем под руку попадётся?!

Ирма вздрогнула и смолкла.

— Может, хватит уже? — вставил Рейт, но Мильхэ не обратила на него внимания:

— Знаешь, сколько таких убитых волчьих детей?! Больше, чем детей, убитых подрастающими оборотнями! А знаешь, что пострадавших тоже иногда убивают? И матерей, родивших оборотней. Так, на всякий случай.

«Зачем она вообще пошла с нами?» — в очередной раз подумал Фаргрэн, глядя на девушку, которую считал сестрой.

Будь воля Фара, он бы отвёл Ирму... Ну, хоть во Всесвет, раз она так упорно отказывается от Эйсстурма. В любом случае — лучше бы ей находиться сейчас в безопасности, а не с наёмниками на задании.

Ирма хотела сказать что-то, но Мильхэ бесцеремонно перебила её:

— Всё, не желаю больше ничего слышать об этом, — проледенила она. — Или собирай вещи и утекай отсюда со всеми своими недовольствами.

Ирма надулась и замолчала, уставившись на огонь.

— Не надо было так, — тихо сказал Фаргрэн.

— А как надо было? — с неожиданной горячностью спросила Мильхэ. — Зачем она вновь и вновь поднимает эту тему? Правды ищет? Справедливости? Так нет здесь никакой справедливости. Есть лишь ужасная случайность и... С какой стати это вообще нужно обсуждать?

— Да хорош уже, — вмешался Рейт, прежде чем Фар ответил. — Что вы, в самом деле?

— Кстати, я тут вспомнил... — заговорил Лорин. — А Крэй Чёрный Хвост правда преступником был, как считали?

Фаргрэн удивился. Человек — и подумал, что ар-вахану не обязательно значит преступник. Хотя вот Геррет же относится к оборотням без предубеждений... Всё равно — удивительно!

— Правда. Его многие волки хотели прикончить, даже пытались несколько раз. Да только он силён был... И хитёр, как скорпикошка. Хорошо, что его повесили.

— А почему некоторые матери вдруг рожают оборотней? — Это спрашивал уже Рейт. — Бывает же, вроде человеческая женщина, а ребёнок, р-раз — и зверёныш!

— Потому что матери полукровки, — сказал Фар, чуть скривившись: ему не понравилось слово «зверёныш». — Половина тех, кто родился от человека и оборотня, в волков не превращаются. Но если полукровка сойдётся с оборотнем, то их ребёнок, скорее всего, превратится. Хотя бывает, и от двух полукровок превращаются... В общем, чем больше волчьей крови, тем вернее превратиться.

— Так, выходит, всё дело в том, что оборотни суют куда попало чле... — Рейт осёкся, кинув быстрый взгляд на Ирму. — Неаккуратны, то есть.

Фар снова скривился.

Мало кто из ар-вахану отличался высокой постельной моралью. Оборотни из племён — тоже. Вылезли из логова — и как давай развлекаться. Не все, конечно, но многие. Нет, люди-то и сами не ахти. Вон, наёмничья братия, так вообще.

Но у людей рождаются люди. А у оборотней... Почему бы не следить за тем, куда падает твоё семя? Все же знают, откуда берутся дети. Но нет! Развлекаются себе, а потом появляются новые ар-вахану. Если им повезёт и их не убьют в детстве: маленький волчонок редко может спастись от толпы озверевших людей.

— Даже если дело просто в этом, — фыркнул Геррет, — как ты им запретишь трах...

— Гер! — шикнули Фар и Рейт.

— А при мне, значит, — хмыкнула Мильхэ, — выражаться не стеснялись. Думаете, она не знает, что такое мужской член? Она травница, между прочим. Расскажи-ка, Ирма, с чем иногда приходят деревенские мужики к травникам?

Ирма заулыбалась, но ничего не ответила.

— Ладно, народ, пора баиньки, — сказал Рейт, тоже улыбаясь. — Лорин, ты следующий на часах.

Фар ушёл в кусты и, раздевшись, превратился в волка. Хотя одежда и обувь у него имелись, он предпочитал спать в шкуре. На всякий случай. Это полезно для их безумной философии «чуть не сдохнуть».

Он посидел, слушая, как ветер треплет верхушки деревьев. Сейчас они в обычном лесу, но если уйти вглубь на расстояние полёта стрелы, там начнутся Чащи. Слабые, как утверждала одна вредина, но всё же. Теперь его дом, его семья, его прошлое покрыты

чащобным туманом.

Ещё находясь в Снежных Рошах, Фаргрэн нашёл кладбище и могилу матери. Точнее, семьи. Их похоронили вместе. Могила выглядела заброшенной — несколько месяцев за ней никто не следил. Фар как смог привёл её в порядок и пообещал себе вернуться сюда ещё раз. Пусть даже здесь уже будут непроходимые дремучие Тёмные Чащи. Он вернётся.

Выйдя обратно к лагерю, Фар улёгся подальше от Ирмы: хоть недавний злой разговор закончился улыбками и шуточками, она его всё равно терпеть не может.

— Знаешь, в Унат-Хааре, наверное, смогут сделать особые доспехи, — тихо сказала Мильхэ, складывая его одежду в свой рюкзак, — чтобы превращаться прямо в них.

«Волк в доспехах? — подумал Фар, вильнув хвостом. — Точно целое состояние придётся отдать за такое».

Те же книжки-библиотечки, которые тоже делали в Унат-Хааре, Городе мастеров, стоили баснословные деньги. За такую ему пришлось бы работать не меньше года. А уж за доспехи... Но идея ему понравилась. С непривычки, конечно, будет неудобно, но можно натренироваться, да и полные стальные латы ему ни к чему. Защита нужна, но не слишком ограничивающая подвижность.

Если можно сделать доспехи, то и одежду тоже. Вот это точно не помешало бы — оказываться голым каждый раз не очень приятно. Фар всегда старался встать так, чтобы не смущать ни себя, ни напарников. Будь в отряде одни мужчины, было бы, конечно, проще. А теперь с ними не только Мильхэ, но ещё и Ирма.

Мильхэ провела ладонью по его чёрной шерсти. Фаргрэну казалось, будто волком он нравится ледяной ведьме гораздо больше, чем человеком. Фар позволил немного погладить себя, а когда решил прекратить эти кошачьи нежности, клацнул зубами. Мильхэ на это чуть улыбнулась, потом завернулась в одеяло и легла спать.

А Фар вдруг осознал — никогда до этого похода он не спал в отряде волком. Никогда раньше напарники не разговаривали с ним, пока он в шкуре. Троица безбашенных не гладила его, конечно, как Мильхэ, но они толкали и пихали его в мохнатый бок, хлопали по-братски по плечу, отпускали шутки по поводу шерсти, хвоста, ушей и вообще всего. С ним такого никогда не бывало. Впервые люди знают, кто он и что натворил, и при этом не просто не пытаются убить, а продолжают считать напарником. Да, близнецам потребовался пинок по гордости, да, у них ушло несколько дней на привыкание, но...

Фаргрэн дёрнул носом.

Ветер вдруг сменился и принёс с собой запах.

Кто-то совсем близко.

Не успел Фар поднять тревогу, как задрожала земля. Послышался глухой рокот. Никто толком ещё не уснул, и все тут же повскакивали. И увидели, как с восточной стороны почва ломается, будто лёд, поглощая камни, кусты и деревья. Геррет накинул щиты.

Но что можно сделать против такого сильного ферагена?!

Волна землетрясения почти настигла отряд. Внезапно она раскололась на две, и они прошли мимо под острым углом. Только кусочек земли под лагерьем, остался целым и ровным, будто его вырезали ножницами.

Удивиться этому никто не успел — с той же стороны, откуда пришло землетрясение, уже налетел огненный вихрь, и все звуки потонули в его рёве. Потoki пламени быстро свернулись вокруг стеной. К ней добавились камни и комья земли, поднявшиеся против силы тяжести.

Бежать стало некуда.

Геррет попытался разорвать круг, но огонь не давался ему.

Внезапно водяные плети Мильхэ раскидали отряд в разные стороны. А землю там, где они только что стояли, разорвали ледяные копы.

Фаргрэн перекатился, вскочил. И увидел противников, прошедших прямо через огонь.

Пятеро.

В бой!

Несколько прыжков — и рядом ближайший...

«Ребёнок!» — осознал Фар, уже почти ударив когтями.

Всего секунда промедления — но ребёнок не стал ждать. Сверкнул короткий, будто игрушечный меч. Фаргрэн почти успел уйти из-под удара, но сталь окрасилась кровью. Волчьей кровью.

Противник рядом был высок, не ребёнок, и Фаргрэн рванулся к нему. Земляная плеть — где фераген?! — схватила его за лапу. Фар споткнулся, тут же вскочил и снова ринулся к взрослому врагу. Тот встретил его огнём, сорвавшимся с рук. Фаргрэн увернулся. Шерсть всё равно опалило, но врага он достал. Волчьи зубы пробили генасу щит и вонзились в плоть, разрывая сухожилия и ломая кости на ноге.

Мужчина упал на одно колено. Из земли перед ним вырвались ледяные копы, и Фару пришлось отскочить. Больше, сколько он ни атаковал, достать врага не мог. Рейт, пришедший на помощь, — тоже. А их самих уже несколько раз задело и огнём, и землёй.

Кто из врагов фераген?!

Краем глаза Фар заметил, что Лорин и Геррет дерутся против второго взрослого.

Взметнулась волна камней и чуть не смела всех. В последний момент Ирма подняла ледяную стену, но та внезапно ощерилась лезвиями.

От них спасли щиты Геррета и тут же раскололись.

По земле пошли волны. Фар увидел, от кого они расходились.

«Не ребёнок», — решил он и кинулся к ферагену: с этим надо покончить первым.

Но ничего не успел.

Противник Лорина и Геррета внезапно метнулся к ферагену и оглушил его наверху мечом в затылок. Камни в стене огня с грохотом попадали вниз. Ферагена спеленало водой и отбросило подальше.

Все на миг застыли. Но только на миг — раненый генас прорычал что-то, и дети снова ударили стихией.

— Держите взрослого, — крикнул неожиданный перебежчик.

И Фаргрэн опять атаковал.

Он разорвал вражескому маагену наручи и ранил руку, а тот ударил мечом и огнём. Фар бросался на врага снова и снова: главное, чтобы тот не атаковал и не помогал детям.

Мильхэ с Ирмой пустили на них волну льда. Но дети устояли и атаковали сами. Один из мальчиков удержал лёд и метнул обратно, усилив удар. Мильхэ успела оттолкнуть Ирму в сторону, а сама попала под лёд.

Ирма же смогла подчинить его. Ребёнок был явно искуснее и опытнее, а ей приходилось полагаться лишь на грубую силу. Хватало только на то, чтобы мешать врагу управлять водой.

На помощь ему пришёл второй мальчик. Атаковал огнём. Смертельная волна, мгновенно испаряя лёд на своём пути, понеслась на Ирму.

Фаргрэн взвыл — до сестры было слишком далеко.

Сквозь ключья пара он бросился к мальчику-маагену. Хотя бы сбить его с ног! Тот защитился огнём, но Фаргрэн кинулся прямо в пламя.

Ему обожгло глаза, спалило шерсть, но лапы его настигли цель. Мальчик упал лицом вниз и закричал — от раскалённой земли под ним. Но Геррет уже не успевал отвести огонь...

В последний миг взрослый генас, помогавший им, поднял перед Ирмой щит, укрепил его льдом и бросился к упавшему мальчику. И не колеблясь ударил. Хлынула кровь.

Геррет и близнецы тем временем одолели взрослого врага. Тот, хоть и стоял на колене, даже одной рукой защищался яростно, отражая все атаки. Чуть не перерезал голени Лорину и почти проткнул Рейта, попав клинком между стальных пластин доспеха. Но силы его иссякали. Защищаться огнём он не мог — Геррет сразу вырывал контроль.

В конце концов меч Рейта достал до его шеи.

Остался один мальчик-иллиген. Ирма держала его в кольце льда — ей удавалось только это. А ребёнок всё равно умудрялся атаковать. И очень мощно — Геррет ставил щиты, и от каждого удара те раскалывались.

Все замерли, переглядываясь, — кто поднимет руку на ребёнка? Но генас, помогавший им, избавил всех от необходимости решать этот вопрос.

Глава 2. Пропажи

27 день 3 месяца 524 года новой эпохи

— Милорд, — раздался тихий шёпот, и Эйсгейр вздрогнув проснулся.

Над ним склонился камердинер с маленькой лампадкой.

— Простите, милорд, но вы просили сразу сообщить, если прибудет посыльный из Всесвета. — И показал конверт.

— В такую-то рань? — полусонно пробормотал Эйсгейр, глянув на окно: только начало светать.

Взяв письмо, рыцарь отослал камердинера и принялся читать.

Писала Нирия. Три дня назад Эйсгейр поговорил с ней о бедствующих селениях. Неизвестно как, но встречи с Тунором магистра добилась в тот же день и теперь сообщала: позавчера, двадцать пятого дня третьего месяца, лорд Зандерата отправил пятьсот солдат к Снежным Рошам. Причём согласился и на подкрепление от Всесвета — большую группу наёмников, опытных в хождении по Тёмным Чащам. Распутица, скорее всего, уже закончилась, поэтому через несколько дней, с учётом скорости обозов, они будут у Снежных Рош.

Эльфы тоже не остались в неведении. Дом Тавеллан тут же поднялся на все свои уши. Миррин был готов бросить все посольские дела и мчаться в Снежные Роши. И невероятно страдал, получив запрет из Светлого Леса. Арделор тоже хотела упорхнуть к месту невероятных событий, но и ей не позволили. Заниматься неожиданным открытием отправили других, оставив посла Тавеллан хорошенько оберегать леди Валиссин. В результате у леди испортилось настроение, а у посла — аппетит.

В письме Нирии обнаружилась маленькая приписка, в которой магистр извинялась, что не смогла сообщить обо всём сразу. Кроме того, она написала, что через два дня будет в Эйсстурме и останется в нём на неделю или даже больше. В ответе Эйсгейр не преминул похвалить Нирию за расторопность и пообещал встретиться, если у обоих будет время.

После этого он хотел полежать ещё, но ему не удалось. В коридоре послышался шум и лязг оружия. Пришлось быстро подниматься и облачаться в халат.

— Что там? — спросил Эйсгейр стражей, открыв дверь.

Те пожали плечами, переглядываясь и на всякий случай перехватывая мечи покрепче. Выйдя из комнаты, рыцарь увидел мчащегося к нему полуголового Миррина в сопровождении десятка эльфийских солдат.

— Арделор пропала! Дай мне своих людей.

«Одрин, начальника городской стражи ко мне. Сейчас же!»

Ему Эйсгейр приказал разворачивать поиски. Кроме того, рыцарь решил выделить эльфам бойцов из своей гвардии. Пока собирался отряд, Миррин, взвинченный до предела, успел одеться в то, что принесли его слуги, и рассказать о случившемся.

Пропажу Арделор обнаружила одна из её служанок. Рано утром она пришла приготовить одежду для своей госпожи и помочь ей собраться. Заметила странную тишину — обычно Арделор уже не спала к этому времени, — служанка заглянула в спальню леди Валиссин. Не найдя там никого, она вышла из покоев и спросила стражей, где Арделор. Когда обнаружилось, что никто не видел леди, после того как она пошла спать, эльфы подняли на ноги руководство академии и известили посла Тавеллана.

Миррин взял с собой своих солдат, людей Эйсгейра, и отправился в академию лично.

А рыцарь, уже сидя за столом и уныло ковыряя завтрак, как никогда ощущал собственную ничтожность. Подумать только: он — сильнейший стихийник на Иалоне, а помочь Миррину или самой Арделор ничем не может. Его сила — проклятие первого ранга, а не благословение. Если он пойдёт в академию, то испортит всю работу генасам, ищущим следы. После Эйсгейра ничего нельзя будет разобрать, какая бы сила там ни использовалась. Да и людей он будет зря пугать своим присутствием.

В кабинете Эйсгейр со вздохом взялся за донесения. Только это ему и остаётся делать: сидеть во дворце, читать и переключивать бумажки. Отдельно ото всех. Ар-вахану на другой лад.

Эйсгейр встряхнулся и заставил себя сосредоточиться на отчётах разведчиков. Часть он прочитал ещё вчера, не заметив ничего хоть немного необычного. Продираться сквозь потоки сведений было нелегко. Виркнуд оказался прав: охват слежки огромен. И ведь до рыцаря доходило только то, что главный разведчик счёл достойным внимания владыки. Подозрительные делишки имелись у всех благородных господ, но не всегда удавалось быстро определить, к чему они относятся: к козням против Светлого Леса или к тому, что находится под юбкой у какой-нибудь леди.

«Надо сужать охват ещё больше», — с досадой думал рыцарь.

Мысли его то и дело отвлекались на пропажу. Как это скажется на отношениях со Светлым Лесом? Он ведь лично обещал, что с головы Арделор и волос не упадёт, и тут такое. Через минуту Эйсгейр со стыдом осознал: о самой женщине он и не подумал. А вдруг её убили? Но кому это нужно? Людям? Или, может, эльфы сами постарались?

Рыцарь снова встряхнулся, отгоняя мысли, совсем бесполезные за неимением каких бы то ни было сведений, и вернулся к донесениям.

В дверь постучали.

— Милорд!

На пороге кабинета показался явно взволнованный Виркнуд.

— Гилрау забрал из тюрьмы двух молодых волчиц и увёз их куда-то! Парни из Эвенрата только что вернулись и доложили.

Эйсгейр нахмурился.

— И больше ничего не узнали?

— Ректор сначала приходил посмотреть на всех. А девочек забрал во второй раз. Увёз в своей повозке. Куда — неизвестно. Да и уже почти никто не помнит об этом. Два месяца ведь прошло, милорд.

— И что он с ними сделал? — пробормотал рыцарь риторический вопрос.

— Кто знает... Я послал волков в Бергнес, только, боюсь, уже поздно.

— И столичная тюрьма просто так отдала заключённых?

— Это же ректор! Он там со всеми важными шишками знакомство водит. Ну, или дал кому взятку. А за оборотнями никто и не следит, что с ними делают. За зверей же считают. Из пойманных уже никого не осталось в тюрьме: кого казнили, кого неизвестно куда дели.

Рыцарь вздохнул: две известные проблемы — ар-вахану и беззаконие среди власть имущих. И если на решение первой ещё можно хоть как-то надеяться, то вот на решение второй...

— И насчёт периамского, милорд. Гилрау говорит на нём. И вроде как ещё немного разбирается в двух-трёх наречиях, но каких именно не удалось выяснить. Об этом мало кто

знает, видимо, он старается не слишком афишировать. Или не так давно выучил.

— Значит, Гилрау вполне мог быть тем неизвестным в бергнесском доме солнца... Где сейчас наш ректор?

— В Эвенрате.

— Так, Виркнуд: за Гилрау следить пуще всех. Он, может, и не главный во всём этом, но слишком деятельный. Бергнес прочесать. Как и Королевскую академию и дом ректора в Эвенрате. У Тунора оставь одного парня, на других великих лордах — по двое, на Дайене с Шеланом — тоже. Гилрау — самый важный.

— И король, милорд.

— И король, — вздохнул Эйсгейр.

1 день 4 месяца 524 года новой эпохи

Миррина рыцарь увидел только на третий день после пропажи Арделор. Без сна и от тревог тот осунулся и будто постарел.

— Что делать дальше, Эйс? — со вздохом спросил он за завтраком. — Ничего. Совершенно ничего.

— Ведь и раньше пропадали Дети Леса, — осторожно напомнил Эйсгейр. — Многие сумели найти.

— Я знаю, но это... Это другое. Раньше оставались хоть какие-то следы. А сейчас... Пятьдесят отборных солдат ни в ухо ногой, как они умудрились проворонить свою госпожу. Ещё и одну из служанок найти не можем.

— Если Арделор из Виркай-тал, так, может, их похитили поэтому?

— Если так, то это сделали эльфы! Кого мне прикажешь подозревать? Я допросил всех Детей Леса, кто был в академии! Лично. Иллитар, это... Всё зря! — выдохнул он отшвыривая вилку.

А Эйсгейр подумал, что Миррин реагирует на пропажу слишком уж остро. Дети Леса и раньше пропадали, становились жертвами убийц, насильников. И не только в Северных землях. Но в этот раз посол был... В отчаянии? Будто Арделор ему не безразлична, хотя, может, так оно и есть. Или всё это задевает Миррина потому, что бросает тень на него самого и Эмиэля, Первого советника?

— Миррин, не первый раз ищем, — попытался успокоить друга Эйсгейр. — Не может же вообще никаких следов не остаться, что-нибудь да найдётся. Не сразу, но...

— Ты не понимаешь! — воскликнул Миррин. — Не понимаешь! Арделор может рожать! — и резко замолчал: болтнул лишнее.

Потом скомкал салфетку, бросил её на стол и поднялся.

— Извини, я пойду.

— Скажи, чем я ещё могу помочь?

— Сиди во дворце и не порти нам следы, — грустно усмехнулся Миррин и ушёл.

«Да уж... — подумал рыцарь, — это я умею лучше всего».

Оставшись один, Эйсгейр перелился в свою любимую комнату поразмыслить над нечаянными словами друга.

Арделор может рожать. Значит, другие эльфийки не могут? Все или способных к деторождению осталось мало? Как это связано с событиями столетней давности? С безумием короля?

Эйсгейр в раздражении забарабанил пальцами по подлокотнику кресла. Кракен сожри

эту эльфийскую скрытность! Без сведений можно только бесполезно трепыхаться, как рыба без воды. А с другой стороны, даже если он и будет всё знать, что изменится? Какую помощь предложит? Прошло больше ста лет, и эльфы привлекли лучшие умы к решению проблем, какими бы те ни были.

Зато теперь ясна причина, по которой Дети Леса стали меньше выезжать за пределы своей родины. И почему так охраняли Арделор. С каким скрипом и треском ей разрешили работать в Эйсстурме! И в наёмники эльфы записывались меньше и меньше по этой же причине.

Эйсгейр вздохнул.

Безумный король без наследника и предположительная бездетность...Проблем у Детей Леса — океан, даже если их всего две.

Первая угрожала безопасности Светлого Леса. Вторая поднимала вопрос о будущем всего его народа. Эльфы могли, конечно, запереться внутри своих границ и сидеть там сколько угодно, пытаясь восстановить рождаемость. Но только при условии, что сила их короля никуда не денется. А это снова возвращало к первой проблеме.

И к тому разговору в королевском дворце. В одном рыцарь уже не сомневался: «некоторые мероприятия», о которых упоминал Гилрау, — убийство Милихэна, а упомянутое Миррином «нечто» — попытки это сделать.

Гилрау, как глава Высшей коллегии учёных, напрямую связан и с поправками к закону. Быть может, его рукой они и написаны. С его помощью кто-то готовится к будущему падению Светлого Леса. Точнее, готовит это самое падение. Кому же так хочется ввергнуть в пучину войны весь Иалон?

Весь! Не только Королевство людей. Начнётся-то всё, конечно, с него. Благородные отпрыски прежних королей потянут ручонки к сокровищам и вспомнят, будто королям положено побольше. Те, кто столь голубой кровью похвастаться не может, возмутятся: а какого кракена эти недокорольки возомнили о себе невесть что? И все начнут грызться словно звери. Как стервятники на падаль, придут орки — поживиться если не эльфийским, так людским добром. А потом уже и на Западе вспомнят, будто неплохо бы с Периамом поквитаться за его имперские грехи.

Эйсгейр бросил взгляд на часы и спохватился: ему предстояла встреча с ярлом Айсена, на которую рыцарь уже опоздал. Ярл ему за это, конечно, ничего не сделает, но вот попортить крови его людям может. Педантичный и дотошный Вёльоф был способен довести до тошноты всех вокруг.

«Игнир Драконья Погибель, узри своего потомка, — усмехнулся про себя рыцарь, переливаясь в кабинет. — Узри и восплачь!»

Вёльоф, в чьих жилах текла кровь прославленного воина, ратными подвигами похвастать не мог. Ратными мышцами тоже. А уж победой над драконом — тем более. Зато в горном деле ему не было равных. Там, где почти восемьсот лет назад Игнир железным молотом бил драконов, его тщедушный на вид потомок железной рукой управлял рудниками, плавильнями и кузницами. И преуспевал. Айсенская сталь успешно соперничала с унатхаарской. Доспехи и оружие с клеймом Айсена уходили точно горячие пирожки на рынке. У мастеров айсенских кузниц заказов имелось на год вперёд.

В свои неполные сорок лет Вёльоф считался самым богатым человеком Северных земель. После Эйсгейра, конечно.

Ярл вскочил при появлении рыцаря.

— Прошу прощения, Вэльоф, у нас тут беда в эльфийском посольстве.

Тот с достоинством кивнул, принимая извинения, а потом заговорил:

— Я не могу достать гремучую соль, милорд.

Как и Эамонд, он не тратил времени на словесные расшаркивания.

Проблема ярла оказалась неожиданной. Эйсгейр порадовался: не Общество Знающих не троица наследничков — уже хорошо! Но всё же странно. Гремучая соль не была настолько ходовым товаром, чтобы вдруг пропасть совсем. Её использовали в разных областях, но в основном для удобрений. И в горном деле, после того как в Айсене несколько лет назад додумались использовать её вместе с талантами генасов. Ферагены управляли взрывами, усиливали их, гасили нежелательные толчки и ударные волны в земле. Маагены предупреждали ненужные возгорания.

В военных делах применять соль опасались — даже слабый вражеский мааген мог устроить зверскую свистопляску, уничтожив и боевые припасы, и тех, кто находился бы рядом с ними. Да и... Не было военных дел. Но, узнав о выдумке горняков, Эйсгейр распорядился держать в арсеналах Северных земель запасы гремучей соли и едкой воды, от которой соль становилась в несколько раз опаснее. Ведь рано или поздно сообразят, как воевать, используя это! У самого рыцаря, хоть он вообще водородённый, имелись кое-какие мыслишки.

— Разработка двух новых рудников остановилась, милорд, о начале подрывных работ на третьем и думать не приходится, — излагал проблему ярл Айсена. — Три месяца назад я получил от своих поставщиков только половину требуемого, а месяц назад они сообщили, что не могут отправить даже этого. А в других местах, которые я нашёл, и вовсе отказались. Говорят, выработали всё чуть ли не на пару месяцев вперёд и распродали запасы. Кто-то всё перекупил!

— Три месяца? Почему это стало проблемой сейчас?

— У меня тоже имелись запасы, милорд. Я думал, перебои временные, да и никогда такого не бывало, чтобы нельзя было найти соль. Кое-какое количество получилось раздобыть у других ярлов, но мало кто держит больше, чем требуется по указу милорда.

— А едкая вода?

— О, её достаточно, но толку, если нет соли? В Айсене остался только неприкосновенный запас. А мои ферагены не справятся без гремучки. Они и так уже выдохлись. Не мог бы милорд дать мне соли, пока я не выясню в чём дело?

— Надо вызвать главного оружейника, посмотрим, что в наших закромах. А впрочем... Пойдём прямо сейчас.

Уж в арсенал-то ему можно отправиться? От академии далеко, никому он не помешает. Призывая стихию, Эйсгейр заметил восторг в глазах Вэльофа. Ещё бы! Легендарный рыцарь первого ранга оказывает такую честь — переносит лично в другое место.

«Кажется, вину за опоздание я загладил», — хмыкнул Эйсгейр про себя.

Глава 3. Забота

Наш караван простоял в Циенрате почти до вечера.

И всё это время я сидела на подножке малкировской повозки. Правда, чтобы не замёрзнуть, пришлось закутаться одеяло, но внутри в одиночестве сидеть не хотелось. Пусть со мной никто и не разговаривает, как-то приятнее видеть живых людей вокруг. Рядом слева стоял Ганн, а справа — его товарищ, имени которого я не знала.

За это время один раз приходил Малкир, побеседовал о чём-то с Айнаром, потом подозвал Ганна — его место тут же занял другой наёмник — и поговорил с ним тоже, при этом хмурясь и поглядывая на меня. Потом Малкир согласно кивнул и снова ушёл. А Ганн вернулся на своё место рядом со мной.

Через полчаса Рами принёс мне горячую похлёбку. Я отложила «Новейшую историю Иалона», взяла дымящуюся тарелку, и Рами, пробормотав пожелание приятной трапезы, ушёл. Пару раз он воровато оглянулся, будто боялся чего-то... Хотя ему-то чего бояться? Это мне просто из-за собственного побега так кажется.

Вид Рами напомнил мне о ночном нападении.

— Почему так испугался Малкира тот человек, из напавших на караван? — спросила я у Ганна.

Он странно усмехнулся и взял книгу. Посмотрел в самое начало, потом открыл её на какой-то странице, пролистал и отдал мне. Я стала читать.

«В 502 году новой эпохи по работорговле был нанесён сокрушительный удар. Торговец Малкир, известный как Тот-кто-не-делится, уничтожил главный притон работорговцев и контрабандистов в одном из заливов на побережье Ортхира, через который рабов вывозили из Королевства людей в Крегиад и другие страны.

Тот-кто-не-делится расправился со всеми с особой жестокостью. Очевидцы из бывших невольников рассказывали, как он и его люди без разбору отрубали всем руки и ноги, вспарывали животы и оставляли на песчаном берегу под самым солнцепёком. Под вечер Малкир выжег весь залив. Таким образом он устранил своих конкурентов и личных врагов. И за эту резню молва наградила его прозвищем Отрхирский Мясник.

После этого происшествия работорговля в Ортхире сошла на нет. Но указы, предусматривающие смертную казнь за торговлю людьми, король Эвен VIII Старый издал только в 506 году Новой эпохи».

Маленькую врезку ниже автор посвятил самому Малкиру:

«Прозвище Тот-кто-не-делится торговец Малкир получил за расправы над грабителями и ворами, которые пытались поживиться в его караванах. В расправах Малкир участвовал почти всегда лично, оставляя иногда в живых одного-двух человек. Эти немногие люди обычно бывали серьёзно искалечены и после жили в домах милости, рассказывая, что Малкир не делится своим добром ни с кем».

Предки, и с этим зверем я еду в одной повозке?.. Понятно, почему в разговоре с тем подосланным наёмником Малкир назвал меня своей женщиной. Раз его, то пусть только

посмеют напасть, ведь он не делится и не отдаёт.

«Почти целым». Он сказал, «тебя я отпущу почти целым». Предки, что они сделали с тем парнем? А с другими нападавшими?

Но разве приёмышы яашраги бывают такими? Яашраги не приемлют неоправданной жестокости. И вообще жестокости. Драться они, конечно, могут, если надо — сумеют защититься. И воздать по заслугам — тоже. Но не кровью. Кто-то рассказывал мне, как давным-давно на юге Алинаса одно из племён яашраги наслало неурожай за вред, причинённый им людьми той земли, и те места до сих пор бесплодны. И никто там не живёт.

А... Кто это мне рассказывал? Отец?

Малкир вернулся под вечер. Как только он появился, прозвучал сигнал к отправке. Перекинувшись парой слов с Айнаром, торговец крикнул Рами поскорее нести ужин.

— Проголодалась? — спросил он, подходя к повозке. — Чего на холоде-то сидишь? Сейчас поедим, и смотри, я принёс кое-что.

Под мышкой у него оказался небольшой свёрток.

— Ганн говорил, ты хотела книги, — сказал Малкир, когда мы уже были внутри, и развернул тряпки. — Вот, я купил немного. Хотел взять побольше, но тебе ведь ни к чему лишняя тяжесть.

Когда он положил книги на столик, то увидел на нём «Новейшую историю Иалона».

— Не верь всему, что написано, Молчунья, — тихо произнёс Малкир, и взгляд его стал мрачен.

Ганн рассказал ему о нашем разговоре?

— Какой части той истории не надо верить?

Малкир не ответил.

— Этому учили тебя яашраги?

О, предки, зачем я задираю такого человека? Где мои мозги?

— Этому, — голос его прозвучал жёстко, даже со злобой, — меня научили люди.

Он хотел сказать что-то ещё, но его прервал стук в дверь: Рами принёс ужин.

Мы молча ели.

Повозка слегка поскрипывала и покачивалась на ходу, отчего огоньки в лампадах будто прыгали.

— Когда мне было семь лет, — вдруг заговорил Малкир, — наш караван, стоял рядом с Пиртом в Мираре. Саарт-май, моя ашха — это, можно сказать, приёмная мать — отправила меня в город. Яашраги старались, чтобы я больше времени проводил с людьми, я ведь человек и всё равно должен был покинуть племя.

Малкир помолчал, теребя в руках кусок хлеба, а потом продолжил.

— Когда я возвращался, она ждала меня на опушке леса. Все знали, что я приёмыш яашраги, а на яашраги не нападают. Но в тот раз... Их было двое. Наверное, увидели лёгкую добычу. Саарт-май дралась с ними, кричала мне, чтобы я бежал. Но я не убежал. Они убили её, забрали меня и продали в Крегиад. До двенадцати лет я был рабом, а потом попытался бежать. В Крегиаде рабов за такое вешают. И я почти попался... Если бы не один торговец, меня бы точно повесили. В общем, он спас меня, увёз в Ракат и помог мне вернуться в королевство. Это... долгая история. Сам я стал торговцем, чтобы находить тех, кто продаёт людей. И я убил всех, кого нашёл. В том числе тех, кто убил мою ашху. Это правда. И мне всё равно, плохо это или нет. Знаешь, сколько ещё таких Саарт-май по всему Иалону?

Малкир поднялся, оставив свой ужин почти нетронутым.

— Если хочешь знать, вчерашний гость ушёл всего-то без пяти пальцев, — пробормотал он и вышел из повозки в холодную ночь.

Я опять сидела на подножке, закутанная в одеяло и с книгой в руках.

На козлах передо мной сидел возница и мерно покачивался вместе со всей повозкой. Видимо, дремал, а не правил лошадьми. Впрочем, им это, судя по всему, не очень-то и требовалось — сами знают, как ходить в караване.

С нами поравнялся Малкир верхом на жеребце.

— Яашраги.

Что? Где?

Возница вздрогнул и заозирался. И правда — спал.

— Поедем к моим, — пояснил Малкир, не обращая на него внимания. — Они умеют хорошо прятаться. Или пусть отвезут тебя к племенам, которые не кочуют. Я сам не знаю, где они вообще живут.

Снова пытается отговорить.

— А если вырежут эльфы твоих драгоценных яашраги из-за меня?

Малкир нахмурился.

— Вот уж эльфы-то точно никогда не нападали на яашраги.

— Всё бывает впервые.

В Светлом Лесу не должно быть пыток, а оказалось... Нет. Не вспоминай.

— Не хочу подвергать их риску, — сказала я вслух.

— Думаешь, от тебя отстанут, если ты уедешь на запад? Они идут рядом с нами.

Вчера Айнар говорил Малкиру, что по обе стороны от каравана, на расстоянии от него, кто-то движется. И, кажется, наёмники поймали кого-то. О его участии даже подумать страшно. Караван ехал, как всегда, и днём, и ночью, останавливаясь только на гильдейских дворах для смены лошадей. После Циенрата Малкир ускорился и не стал задерживаться на Перевале торговцев. Быстро обменялся товаром с заказчиками, взял новый груз, и мы двинулись дальше. Люди в караване удивлялись — их главарь ломал установившееся за много лет расписание.

— Я отправлю всех в Периам, как обычно, — продолжил Малкир. — Они прекрасно справятся и без меня. А мы возьмём наёмников в Восточном форте и поедем к яашраги.

Я покачала головой. Этот план хуже моего и опаснее. Если в Циенрате я ещё могла выбирать, то сейчас пути назад уже нет — между этим городом и Перевалом торговцев лежат Серые болота, а через них только одна дорога. Там легко устроить засаду. И если идти в Чащи — это самоубийство, что ж... Самоубийство ждёт меня и в том случае, если я опять попаду к Главному Гаду.

— Ты так все книги прочитаешь ещё до Восточного форта, — внезапно усмехнулся Малкир и увёл жеребца в сторону.

Не знаю даже, как к нему относиться. И почему он так стремится помочь и защитить? Знакомы-то... всего пять дней. Делает так из-за просьбы старой яашраги? Хотя я всё равно скоро покину караван, поэтому какая разница. Главное, пусть по Тракту провезёт, а потом одной головной болью у Малкира станет меньше. Поедет со своими товарами дальше в Сэнгери, в Имперскую академию...

Те треугольники...

Я встала и забралась в повозку. Сундуки сособыми грузами и посылками Малкир, как ни странно, не запирали. И свёртки с треугольниками ещё не запечатывали. При виде ткани, в которую их завернули, точнее, эмблемы на ней, мысли словно огнём ожгло: глаз со свечой вместо зрачка! Такой был на коробках в лаборатории Главного Гада. Если это всё-таки атал, то неужели кто-то продаёт его людям? Это же одна из тайн Светлого Леса!

Я взяла один треугольник, повертела в руках. Для чего предназначены эти слитки? Ровно очерченные, гладкие... Внимание опять привлекли срезанные грани по краям. А если...

— Чего это ты делаешь?

Внезапно явился Малкир, застав меня копающейся в сундуке.

— Эти треугольники, кое-что хочу проверить, — сказала я, доставая ещё три штуки.

— Я уж думал, ты втёрлась ко мне в доверие, чтобы обокрасть, — усмехнулся Малкир. — Извини, плохая шутка, — смутился он, посмотрев на меня.

Да уж, если учесть, как он поступает с теми, кто крадёт его добро.

Один треугольник я положила на стол плашмя и срезанными гранями вверх. Если поставить эти три вот так... Получилась равносторонняя пирамидка. Малкир хмыкнул, глядя, как я держу треугольники вместе.

— Думаешь, из них должны сделать это? Но для чего?

— Не изве... не знаю. — Я убрала пальцы, и треугольники упали на стол. Подойдя к сундуку, я вытащила ткань с эмблемой. — Скажи, что это за знак?

— Это эмблема Общества Знающих.

— Что это за общество?

— Объединение учёных-генасов, лет тридцать-сорок существует уже. — Малкир нахмурился, глядя на мои руки, и я поняла, что пальцы дрожат. — Если не хочешь отвечать — не отвечай, но... Почему ты спрашиваешь?

— Видела этот знак у Гла... Там, где была я.

— Там, где на тебя надели ошейник?

Я просто кивнула.

Малкир забрал тряпку, собрал треугольники со стола и положил в сундук.

— Если это атал... — Почему-то хотелось думать вслух. — Откуда получили люди его? Держ... эльфы держат в секрете, как делается он. И не продают никому.

Малкир приблизился и внезапно потрогал ошейник.

— Тебе это не мешает? — спросил он, а потом провёл пальцами по коже.

Я вздрогнула от прикосновения. Малкир убрал руку, но сделал это явно неохотно.

— Прости, — он виновато улыбнулся, — вряд ли тебе сейчас захочется этого. Давай сделаю расчудесный «яашраги-массаж». А потом мне ещё надо проверить караван.

Резную коробочку со снадобьем Малкир никуда не убирал, оставляя на столике.

— Как вообще думаешь ты о таком? — Я села на кровать и повернулась к нему спиной.

— О каком? — со смешком переспросил он.

Ну ведь прекрасно же всё понял!

— Ну... Караван, постоянно движется всё, ещё и это нападение...

Послышался тихий смешок.

— И красивая женщина, которая едет в моей повозке и задирает блузку, когда я скажу.

Щёки запылали. И правда, я ведь даже ничего не говорю, просто поворачиваюсь спиной, когда Малкир берёт коробочку с мазью, и поднимаю одежду.

— А вообще, когда ещё мне думать о таком? — продолжил Малкир, и по голосу показалось, что он улыбается. — Я почти всю жизнь так и живу, дорогая.

Дрожь прошла по всему телу. Главный Гад...

— Не называй меня так. Никогда.

Руки Малкира на мгновение застыли.

— Не буду.

От целебной мази боль уже почти полностью ушла. Может быть, ещё пару раз этого «яштраги-массажа» и её совсем не станет. Жаль, что поставить кость на место чудесное снадобье не в силах. Из чего яштраги его делают?

— Всё не могу понять, — Малкир наклонился ко мне близко-близко, — ты так хорошо пахнешь из-за мази или сама по себе? — прошептал он и ушёл, прежде чем, я додумалась, как ответить.

Одевшись, я снова вылезла на подножку.

Малкир носился по каравану, раздавая указания наёмникам. Зачем-то собрал две группы по несколько человек. Но на ужин поднялся в повозку.

— Значит, так. Ты собираешь свои вещи, и завтра рано утром Ганн отведёт тебя к Тёмной реке. Она довольно далеко от Тракта. — Малкир с чудовищной скоростью поглощал похлёбку. — Переправ на ней нет, но раз уж ты иллиген, для тебя это не должно стать проблемой. Нормальных спусков к берегу осталось мало. Я собрал две группы, одна пойдёт первой, может, получится сбить с толку наших друзей. Или хотя бы разделить.

— Зачем брать вещи? Ведь ещё увидимся потом.

— А если нет? Вдруг придёшь к Тракту слишком поздно, и мы уже проедем? Без вещей же останешься. Поэтому бери всё. Так, переправляешься через реку и идёшь по берегу к мосту. Я ожидаю в форте моих людей, и выезжаю за два часа до полудня. — Малкир чуть поперхнулся и, кашлянув, продолжил. — Чтобы проехать мост, нужно около получаса. У тебя будет достаточно времени, должна успеть. На Тёмном Тракте не останавливаются, ты должна быть у моста раньше меня. Ганн пойдёт с тобой. Он бывалый, по краю Чащ не раз в одиночку ходил.

— Не знаю, смогу ли двоих переправить.

— Ладно, если получится, возмёшь его, не сможешь, он вернётся с остальными. — По лицу Малкира было понятно, что мысль отпустить меня одну ему не нравится. — И если сама не сможешь переправиться, тоже вернёшься.

— Говорил ты, не пропустят в форте меня.

— Что-нибудь придумаем... Аирос!

Малкир встал и начал копаться в одном из сундуков. Вытащив, тёмно-синий рюкзак, он протянул мне его.

— Держи. Хотел продать в Сэнгери, но ладно. Да и у меня ещё парочка есть.

— Купила я.

— Это унат-хаарский, сможешь взять гораздо больше. Скажу сегодня Рами приготовить тебе запас еды на три-четыре дня.

— Малкир...

— Больше не стоит, а то испортится. И книги все возмёшь, и...

— Малкир!

Он замолчал.

— Зачем... Почему так стараешься ты?

— Крхп-кел попросила меня позаботиться о тебе, и я пообещал ей. И тебе обещал провезти по Тракту.

— Но это, — я посмотрела на рюкзак, — лишнее...

— Это увеличит твои шансы, — отрезал он.

В этом ли дело?

— Так, Молчунья, слушай меня. Мой торговый круг составляет сорок дней. Первый день я всегда во Всесвете, утром восьмого — в Восточном форте, на десятый — в Западном, две недели в Периаме, на двадцать пятый день снова в Западном форте, потом двадцать восьмой день — Восточный форт, и на тридцать четвёртый день я опять во Всесвете. Неделя там — и всё заново. Сейчас только шестой день, ведь мы ускорились, поэтому в Периаме на этот раз будем на день дольше. Я делаю пять ходок подряд, отдыхаю двадцать четыре дня, и потом всё по новой. Это пятый круг, после него — на отдых.

— Зачем мне это?

— Затем, что, если будешь жива и захочешь вернуться, можешь выйти к Тёмному Тракту, и я тебя подхвачу. Или напрочишься к Толстому Рику от меня. Есть ещё Рыжая Джелла, к ней тоже можно. На Тракте у них серые и жёлтые метки. У Толстого Рика почти такой же круг как у меня, только у него счёт от Птичьего Утёса до Сэнгери в Периаме. Первый день...

— Но...

— Запоминай!

Малкир подробно рассказал круги Рика и Джеллы и заставил меня повторить всё несколько раз.

— Можешь записать, но лучше тебе это помнить, бумажки легко потерять. Джелла и Рик возьмут тебя без лишних вопросов, только заплатить придётся. Хотя не знаю, зачем тебе будет нужен караван, если ты выживешь. Сможешь перейти Чащи и так, правда? — Малкир улыбнулся, но вышло наигранно.

Он направился к двери.

— Готовься. Завтра выходишь вместе с группой Ганна.

Утром меня разбудил стук в дверь. Малкира в повозке уже не было, поэтому пришлось вылезать из тёплой постели. Оказалось, Рами принёс еду. За его спиной маячил хмурый Ганн.

— Завтракай скорее и выходим, — сказал он мне.

Ладно.

Отправляя ложку за ложкой в рот, я оглядывала стены вокруг. За эти дни кричащие, вычурные узоры стали привычными, если не родными. Запомнить бы их... Я зевнула. Да, спать пришлось мало... Найду себе место в глуши, попробую нарисовать эти завитушки — Малкир дал мне и бумагу, и письменные принадлежности. Как-то не вяжется такая забота с тем, что рассказывалось про него в книге. Тот-кто-не-делится многим поделился со мной просто так.

Снова зевок. Ну ничего, уйду в Чащи, вырою себе нору, отосплюсь...

Вещи уже собраны, осталось только прикончить эту похлёбку... Меню у Рами какое-то однообразное... Ещё вот приведу себя в порядок...

Предки, как же хочется спать...

Глава 4. Кому нужна соль?

4 день 4 месяца 524 года новой эпохи

В арсенале его никак не ждали, да ещё и утром.

«Редко я их проверяю», — подумал Эйсгейр, глядя на стражей.

Заспанные солдаты из внутренней охраны не сразу поняли, кого это тут принесло спозаранку. Те, кто уже признал в так внезапно появившемся человеке великого лорда Северных земель, под его взглядом расталкивали своих ещё не проснувшихся товарищей.

— Главного оружейника сюда, — процедил сквозь зубы Эйсгейр.

Он перелился на внешний периметр арсенала. Здесь всё в порядке, по крайней мере, с виду. Солдаты не спали, два отряда по расписанию совершали обход.

«Всех на Северное Кольцо! На границу с Ишдракйордом! — решил про себя рыцарь снова оказываясь внутри мощной крепости, где хранились стратегические запасы оружия и боеприпасов Эйсстурма. — Разнежились в тёплом местечке, медузья слизь!»

Он заметил, как Вёльоф оглядывается вокруг.

— Ну, ярл, что скажешь? Каковы у меня ребята! Залюбуешься, да?

Солдат рядом чуть ли задрожал от брошенного на него взгляда.

— Мне бы лишние руки не помешали, милорд, — сказал Вёльоф, качая головой.

— Ну, значит, граница или рудники, — решил Эйсгейр, думая: не он ли сам сначала расслабился, а уж потом его люди?

Гремучей соли в эйсстурмском арсенале держали вдвое больше неприкосновенного запаса, определённого для ярлов. Должны были. Соль портилась от влаги, поэтому требовалось постоянно её проверять и заменять пришедшее в негодность.

Помощник оружейника, подглядывая в бумаги, отчитывался о состоянии складов, стараясь говорить бодрее и не дрожать. Пока он рапортовал о том, что гремучей соли имеется в полтора раза больше двукратного запаса, Вёльоф ходил между ящиками, укутанными промасленной бумагой.

— Милорд, — позвал он Эйсгейра.

Рыцарь поспешил к нему в дальние ряды склада, оставив блеющего об отличном состоянии дел чиновника.

— Поглоти меня земля, если тут не пусто, — сказал Вёльоф.

Тщедушный ярл взялся за один из верхних ящиков и с лёгкостью поднял. А не должен был. Даже его могучий предок не смог бы.

Что произошло в следующий момент, Вёльоф не сразу понял.

Ящики вокруг поднялись, отчего показалось, будто и пол уходит куда-то вниз. «Мать-земля!» — воззвал ярл к стихии, надеясь остановить камень, и ничего не почувствовал.

Повеяло холодом. Вокруг Эйсгейра струились плети воды. Они и сдвинули ящики с гремучей солью. Все разом. Вода превращалась то в лёд, то в снег. Вёльоф, никогда прежде не видевший своего владыку ни в гневе, ни призывающим стихию, понял, почему того называют Снежной Дланью. Кулаки рыцаря побелели, покрывшись сверкающим снегом, рукава заледенели до локтя. Такого не было, когда Эйсгейр переносил их сюда. В груди человека шевельнулся страх — сейчас самый сильный стихийник на Иалоне в ярости всё уничтожит. Вёльоф этого не знал, но вода во рву вокруг арсенала взметнулась ледяной стеной, отрезав его от Эйсстурма.

Эйсгейр выругался и опустил ящики на пол. Но не все. Половину вода смяла как бумагу, в которую их завернули.

— Так сколько в арсенале гремучей соли? — спросил рыцарь, поворачиваясь к помощнику главного оружейника.

Цветом лица тот успешно соперничал со снегом на кулаках владыки Севера.

Эйсгейр с Вёльфом обошли все склады. Проверка дала печальные результаты: треть ящиков с солью оказалась пуста. Рыцарь почти озверел от гнева, но, когда увидел своего главного оружейника, его настроение мгновенно изменилось.

— Хавмар, ты болен?

Тот двигался немного вперевалку, будто у него болели ноги. А кисти рук были синеватые и опухшие.

— Да вот свезло под старость лет, милорд. Комковатой кровью наградили боги. Последние месяца два всё тяжелее становится. Сына вместо себя поставил. Ошибся, да, милорд? Мне уже кое-что рассказали.

«Одрин, ты нужна мне», — позвал Эйсгейр, отмечая силой место, куда можно перелиться.

— Вёльф, — обратился рыцарь к ярлу Айсена, — а не забудешь ли ты на пару неделек про свои рудники? — Дождавшись кивка в ответ, он продолжил: — Поможешь с арсеналом и расследованием. Выделить тебе гремучки, сам понимаешь, не могу. По крайней мере, пока.

Между ящиками чуть в стороне от них закружился ледяной вихрь. Через пару мгновений на его месте оказалась невысокая темноволосая женщина с такими же, как у Эйсгейра неестественно синими глазами. Одета в тонкое голубое платье со снежными узорами, она казалась лишней на оружейном складе.

— Одрин, арестуй лорда Ранхава.

Хавмар вздохнул, а потом сказал:

— Он сейчас должен быть в своём особняке в Верхнем городе.

«Утрэд, ты с ней. Надо задержать и доставить во дворец всю семью Хавмара и семьи его детей, — отдал Эйсгейр мысленный приказ своим рыцарям. — Пусть их разместят в гостевых палатах».

— Причина ареста, милорд? — спросила Одрин вслух.

— Хищение государственного имущества повышенной важности, я так полагаю, — ответил вместо Эйсгейра Хавмар и снова вздохнул.

Больше всего Эйсгейр злился на себя. Посмеивался над своими ярлами, размякшими от мирной и сытой жизни, а сам был ничем не лучше. Мало того что пробулькал начало этой периамской игры, так ещё и не углядел проблем под собственным носом.

Хавмар, как выяснилось, страдал комковатой кровью уже три года. Три месяца назад ему резко стало хуже: начали болеть ноги и руки. Оружейник старался работать, как и прежде, лично проверяя склады и проводя ревизии, но в конце концов поставил на замену сына. Временно, как он думал: целитель обещал скорое улучшение.

Ранхав сначала отпирался, но по прошествии двух дней тюремного заключения сознался во всём. Оказалось, через две недели, после того как он начал замещать отца, к нему пришли некие люди и предложили огромные деньги за гремучую соль. Но падкий на золото Ранхав увидел лишь четверть обещанных богатств. Получив первую партию соли, поделники

начали его шантажировать. И сын оружейника, оказавшийся не только жадным, но и трусливым, послушно плясал под их дудку, боясь справедливой кары владыки Эйсстурма.

Вытаскивали гремучую соль небольшими партиями, используя для этого повозку Ранхава и безалаберность стражи арсенала.

Вёльоф удивлялся пропаже сильнее всех: если соль воровали ради наживы, то почему он не может найти требуемое для своих рудников? Значит, гремучка нужна была не для продажи. Тогда для чего?

Рыцаря же беспокоило ещё и другое: отделённый ото всех Хавмар на удивление быстро пошёл на поправку. Это означало лишь одно: кто-то травил старика. Причём этот кто-то хорошо знал семью оружейника и мог предвидеть, что он поставит вместо себя своего не слишком честного и трусоватого сына.

По приказу рыцаря задержали всех врачей семьи оружейника. Эйсгейр использовал рыцарей воды для быстрой поимки всех причастных, но время работало против него: за два дня уже полгорода услышало, как Снежная Длань сам арестовал главного оружейника и всю его семью. Поэтому, вполне возможно, многие, кто имел к этому отношение, уже утекли из города.

Впрочем, личный врач Хавмара этого не сделал. Его нашли мёртвым в собственном поместье. Там же обнаружили запасы снадобий, из-за которых оружейнику и становилось хуже. Их нашлось достаточно, чтобы понять, чем травили Хавмара. Да и сам труп целителя вполне прозрачно намекал на его причастность к болезни главного оружейника. Теперь надо было искать ещё и убийц врача...

На очередном совещании по делу Ранхава Эамонд добавил ко всему этому новых красок.

— Как его звали? — спросил он, узнав о целителе Хавмара.

— Вёллен.

Наместник достал пару листков и начал водить по одному из них пальцем, а когда, очевидно, список из каких-то имён закончился, принялся за второй лист.

— Иллигенас? — уточнил Эамонд, палец его при этом остановился.

Эйсгейр, кивнув, поднялся из-за стола посмотреть, какие такие списки принёс его наместник. Тот показал лист, в середине которого красовалось имя убитого целителя с краткими личными сведениями.

— Что это за список, Эамонд? — спросил Эйсгейр, предчувствуя, каким будет ответ.

— Члены Общества Знающих на севере, милорд.

Рыцарь даже скрипнул зубами. Он-то думал, проблема Вёльофа никак не связана ни со «знающими», ни с этой мутной игрой с убийством эльфийского короля.

Вот кто крал соль из арсенала. И скорее всего, из-за них же Вёльоф не мог достать необходимое для своих рудников. Зачем гремучка нужна «знающим»? Уж не для войны ли со Светлым Лесом?

Оставшись наедине с Эамондом, Эйсгейр всерьёз начал обсуждать с ним, не начинать ли и им военные приготовления. Конечно, оставалась надежда, что Милихэна убить всё же не смогут, но... Неважно, кто с кем будет воевать, — остаться с голыми руками не хотелось в любом случае. Эамонд был убеждён в необходимости проверить всех крупных ярлов и значимых лиц Севера.

— Океан-отец, так целую вечность проверять можно! — сказал Эйсгейр, подумав про себя, что и ревизию в арсеналах всех ярлов надо провести.

— Во всяком случае, надо убедиться в верности самых главных, милорд.

— Что скажешь насчёт Вэльофа? Он у нас впереди всего севера по стали.

— Кроме жалоб на его паршивый характер, ничего плохого о нём не слышал. Но как знать... Если в Айсене ковать мечи, то и проверять Айсен в первую очередь. А ещё надо послать наших парней в Периам. Если вы этого ещё не сделали, милорд.

Эйсгейр до сих пор не отправил разведчиков на ту сторону Тёмных Чащ лишь по одной причине: постоянно всплывало что-то, тоже требующее внимания.

— И надо разобраться со змеиным гнездом в Эйсстурме, милорд! — добавил наместник. — Иначе полезем в Периам, а нам загонят нож здесь.

— Предлагаешь задержать всех «знающих»?

— Нет, это слишком просто и глупо. Также надо последить для начала за всеми. Их у нас ведь не очень много.

— Займёшься?

Эамонд кивнул.

— Да, милорд, что там с Арделор Валиссин? — спросил старый наместник.

— Понятия не имею. Как раз бирался поговорить с послом.

Но после обеда Миррин нашёл рыцаря сам и безо всяких предисловий отгарабанил полный официоза ультиматум:

— Светлый Лес в лице полномочного посла, виркая Миррина из дома Тавеллан требует у Эйсгейра Снежной Длани, великого лорда Северных земель Королевства людей, пропустить в Эйсстурм следователей, назначенных эльфийским советом по делу о похищении Арделор Валиссин, а также её родственников из дома Валиссин, на срок, необходимый для установления всех обстоятельств дела и завершения расследования.

И тихо добавил:

— Милорд, я ничего не смог сделать.

Признание собственного поражения далось гордому сыну Леса нелегко. Крылья его носа раздулись, и без того нахмуренные брови сдвинулись ещё сильнее. Он будто хотел сказать ещё что-то, что-то гневное, но вдруг сник.

Эйсгейр заметил, насколько уставшим выглядит Миррин. Лицо посерело, осунулось, на лбу прорезались глубокие морщины. Одежда была не самой свежей, хотя Миррину, как иллигену, ничего не стоило очистить её. Рыцарю даже показалось, будто друг похудел.

— Пойдём ко мне. Расскажешь подробнее.

Глава 5. Поспешные выводы

От удивлённо распахнутых детских глаз выворачивало внутренности. Фар пытался не смотреть, но не получалось. Смог бы он убить детей? Внезапно заныл старый шрам на морде. Рейт спрашивал при знакомстве, где Фаргрэн получил его, и он ответил, что стулом саданули в драке. Знал бы кто в какой. Младший брат Фара пытался спасти сестрёнку от обезумевшего зверя. Но из оружия у него имелись только мётлы в сенях да старый стул. Брату только-только исполнилось восемь. Малышу-иллигену на вид было столько же, или чуть меньше. Другой убитый ребёнок, мааген, выглядел младше, но не намного, может, на один-два года. Почти как вторая сестра Фаргрена.

Он кое-как поднялся и отошёл от ребёнка. Обожжённые глаза болели, рассечённый бок жгло, шкуру сильно опалило. Ничего, это всё пустяки. Хуже смотреть на эти трупы...

— Совсем дети... — пробормотал Геррет, осматривая тела.

Генас, внезапно пошедший против своих, стоял на коленях, опираясь на меч, и тяжело дышал.

— Они убили бы вас, — сказал он, и в его речи слышался явный периамериканский акцент. — Мы убили бы. Пожалуйста, не трогайте его, — попросил мужчина, мотнув головой на оставшегося в живых ферагена.

Тот оказался совсем юным — не старше пятнадцати лет. Спелёнутый водой, он ничего не мог сделать и лежал, зыряка на всех дикими глазами, точно зверёныш. Его облик напоминал... эльфа — по лбу и скулам тянулись полосы, похожие на дрекожу, удлинённые уши.

Фаргрэн взглянул на говорившего мужчину. Тот оказался старше Фара, может, лет на десять, в нём тоже смешивались черты эльфа и человека. Убитые дети были такими же. И мёртвый взрослый генас.

— Эльфийские полукровки? — тихо проговорил Рейт. — Никогда не видел полукровок. «Я тоже», — мысленно согласился с ним Фаргрэн.

И никто не видел пятерых сразу. Пятерых! Где-то Фар слышал, будто ребёнка смешанной крови может выносить только эльфийка, и даже тогда чуть ли не половина беременностей заканчиваются выкидышем.

А уж то, что эти пятеро были мощными генасами, причём трое в возрасте, когда сила обычно ещё спит, — совсем невообразимая невозможность.

Ирма привела в чувство Мильхэ. Та поднялась и, пошатываясь, подошла к мёртвым детям. Зачем-то она начала снимать с маленького иллигена доспех. Чешуйчатый панцирь был... Неестественно маленьким. Непристойно маленьким. Как и мечи, которыми вооружили детей. Убийственно игрушечные.

Никто не успел спросить, какого хррккла она творит, как взрослый полукровка охнул и осел на землю. А потом рассмеялся тихим, хриплым, будто царапавшим ему горло смехом.

Мильхэ с материнской заботливостью уложила труп ребёнка на землю, потом подошла к мужчине и села рядом, чтобы осмотреть. И внезапно отпрянула.

— Поняла, да? — сказал полукровка.

Лицо его исказила гримаса то ли гнева, то ли боли, то ли ужаса. А может, и всего разом.

— Отпустите мальчишку, — снова попросил он. — Проявите милосердие, умоляю. Мальчик молод и не смыслит ничего. Он всего лишь инструмент... Как и мы все.

— Кто вы? — спросила Мильхэ.

— Нас обоих зовут Шэквет, мы из Ордена Жизни. Ты не захотел убить ребёнка, — сказал Шэквет, глядя на Фаргрена, — и поэтому я решился помочь вам, помочь тем, кто лучше меня, детей всё равно послали бы на смерть, а я был мёртв, как только пошёл против них, так что взял этот грех на себя, — говорил он быстро, будто торопился, и вдруг сильно закашлялся. Потом снова взглянул на Фаргрена. — Ты напомнил мне кое-кого, такой же чёрный волчище.

— Кто ты? — спросил Фар, превратившись в человека.

— Нас посылали на оборотней давным-давно, — Шэквет снова закашлялся. — Может, ты один из тех, кому удалось уйти? К северу отсюда в земле оборотней есть дольмены. Дойди д-до пер-вого.

Он то сипел, то хрипел, его лицо покрылось синими пятнами. Если Мильхэ и делала что-то, это не помогало.

— Ш-шэквет, — позвал их внезапный союзник.

Вода с мальчишки опала на землю. Юный полукровка вскинул голову, подполз ближе к взрослому и что-то произнёс. Тот отвечал, но натужно, короткими рублеными фразами, а скоро и вовсе не смог говорить, только хрипел. Потом упал, дёргаясь в судорогах, из его рта пошла пена. Вскоре мужчина затих.

— Умер? — спросил Геррет, глядя на последнего живого полукровка: тот будто застыл, а его широко распахнутые глаза казались стеклянными.

Мильхэ просто кивнула.

— От чего?

— Я не знаю, какой-то яд... Не могу понять.

— Он сказал про дольмен. Это же наш дольмен по контракту, — произнёс Лорин. — Что за дерьмо жнецовье здесь творится?

Фаргрэн почти не слышал их. Слова умершего рвали сознание на куски. «Такой же чёрный волчище». Такой же, как кто? Что в том дольмене? Что всё это значит?

— Фар, — донёсся до него голос Рейта, вырвав из болезненных размышлений, — вокруг больше никого?

— В этой гари не учуять ничего. Надо уходить.

Такой же. Как. Кто?

— Хоронить Мастера, — раздался звонкий, дрожащий голос, и разом привёл всех в чувство. — Хоронить Мастера, — повторил мальчишка-полукровка, чуть не плача. — Пожалуйста.

— Мешок ему на голову, — процедил Фаргрэн, — и линяем, пока нас ещё кто-нибудь не нашёл.

Мильхэ, так и сидевшая рядом с мёртвым взрослым полукровкой, вдруг вытянула руку, взяла мальчишку за подбородок и повернула его к себе. Тот вздрогнул, но эльфийка ничего не делала, только пристально рассматривала.

— Да что с ним возиться, — Фаргрэн вдруг рассердился. — Или с собой берём, или шею ему свернуть.

— Он всё же совсем мальчишка, — заметил Лорин.

— Ага, и явно знает, что случилось со всеми деревнями на север от Сизого Дола, — возразил Фаргрэн. — А там были тысячи мальчишек, а ещё женщин, девочек и младенцев.

— Ну, отпускать-то явно не будем, — почесал в затылке Геррет.

— Сворачиваемся, — сказал Фар, — за ночь пройдем ещё немного.

Напарники, услышав неожиданные командные нотки в его голосе, удивлённо переглянулись, но он даже не заметил этого. Ему хотелось волком бежать в дольмен.

Мильхэ наконец оторвалась от изучения пленного и оказала всем необходимую помощь. К счастью, потребовалось не очень много. Лечения удостоился и оставшийся в живых полукровка, ведь он хорошо получил по затылку.

— Ирма, сложи моё одеяло — попросила Мильхэ. — Я обыщу убитых.

Факт убийства детей ей явно не нравился. Да наверное, никому не нравился. Фаргрелу тоже. Но он чувствовал облегчение от того, что маленькие враги мертвы. Если бы не этот Шэквет, убитыми лежали бы сейчас не они. Как вообще дети могут быть такими сильными генасами?

При нападавших ничего не нашлось. Скорее всего, перед атакой они оставили вещи в другом месте. У взрослого полукровки, пошедшего против своих, нашлась потрёпанная книжица, при виде которой пленный мальчишка встрепенулся.

— Периамский? — пробормотал Геррет, глянув на исписанные страницы. — Надо забрать, в гильдии точно можно переводчика найти.

Мильхэ запихнула книжку в рюкзак. Потом сняла с одного из трупов медальон.

— Видели где-нибудь ещё такое?

Металлический кружок был похож на герб — белый цветок на красном поле. Оранжевая серединка цветка напоминала солнце.

— Я нет, — сказал Геррет. — Этот, — он мотнул головой на умершего странной смертью генса, — говорил про Орден Жизни, но ведь у них другой символ. Хотя... Стили похожи.

— Солнцелобые? — хмыкнул Рейт. — Солнцелобые и эльфийские полукровки?

Мильхэ задумалась ненадолго и запихнула пару медальонов в свой мешок.

— Шэквет, — позвала она, — так тебя зовут, да? Как хоронить твоего Мастера?

Мальчишка ничего не ответил, только смотрел на всех по очереди и часто моргал.

— Как хоронить? — повторила эльфийка.

— Всё равно нет времени. Надо уходить, — произнёс Фаргрел.

Мильхэ посмотрела на него и, кажется, хотела возразить, но не стала.

— Хорошо. Шэквет, ты идёшь впереди, — она указала пленному рукой его место. — Впереди.

Земля вдруг содрогнулась. Все ринулись было к мальчишке, но под мёртвыми полукровками разверзлась дыра и через несколько мгновений все тела оказались погребены под землёй. Шэквет, сделав это, поник и послушно пошёл впереди отряда.

Фар решил пробежать в ту сторону, откуда пришли нападавшие.

— Скорее всего, они оставили свои вещи где-то недалеко, — сказал он напарникам перед тем, как отделиться от отряда.

И оказался прав. Впрочем, никакой пользы это не принесло: в мешках, брошенных под кустами, было только тряпье, разные походные мелочи и остатки еды. А Фар надеялся найти какие-нибудь приказы. Или что-то ещё. Что угодно, лишь бы помогло разобраться.

Отряд шёл несколько часов до самого утра, пока не наткнулся на подходящее место для привала. На взгляд Фаргрелы, слишком открытое, но лучше всё равно не могло быть: нет деревьев и кустов, близкого источника воды, а значит, у генасов нет преимуществ. По крайней мере, у маагенов и иллигенов. А от воздушников и землевиков спрятаться почти

невозможно.

Фаргрену казалось, лучше пройти ещё, но все настояли на отдыхе. Они расставили охранки и распределили дежурство. Фару выпала очередь после Мильхэ.

Пленника усадили в центр, и эльфийка снова окутала мальчишку водой. Точнее, воду ей дала Ирма, а ведьма превратила её в оковы.

— Владеешь замыканием силы? — спросил Геррет Мильхэ и хмыкнул, когда та кивнула в ответ.

«Ладно, они знают, что делать», — решил Фаргрен и закрыл глаза.

Ему казалось, он не очень устал, но, когда лёг, понял, как ошибался.

Проснувшись, Фаргрен сразу почувствовал неладное. Мальчишки не было на своём месте. Мильхэ сидела в центре их маленького лагеря и задумчиво водила по острию кинжала точильным камнем.

— Где он? — спросил оборотень перекинувшись.

От его голоса проснулись остальные.

— Ушёл, — ответила Мильхэ.

— Что? — опешил Фаргрен, забыв об одежде и холоде.

— Дерьмо жнецовье! — Рейт вскочил, будто не спал. — Где мальчишка?

— Она его отпустила, — сказал Фар. — Твари чашобные, зачем?

— А что вы хотели с ним сделать? — Мильхэ оглядела всех. Она была спокойной, даже слегка отстранённой. — Убить?

— Мы ведь не допросили его, — ответил Фаргрен.

— Я поговорила с ним.

— Допросить, а не поговорить!

— Собирались ломать пальцы ребёнку?

— Он уже не маленький, — сказал Фар. — Подался в солдаты, значит, как с солдата и спрос.

— А если бы ему было семь-восемь, как тем? — проледенила Мильхэ, холодно глядя на всех. — Ему четырнадцать. Я поговорила с ним и отпустила. Шэквет сказал, на пять дней пути вокруг нет никого из их ордена. Это ему рассказал Мастер, генас, который нам помог. Что находится в дольмене на севере, он не знает, как нас выследили — тоже.

— Ты хоть понимаешь... — начал Фар, но его как молнией прошибло. — «Знает их язык! А сразу не показала этого. Решила утаить пирамидки... Да её половину боя не было видно, могла и притвориться, что без сознания», — пронеслось в его голове, но вслух он спросил только: — Ты с ними заодно?

— Может, не стоит делать таких поспешных выводов? — вмешался Геррет, но Фар не слушал его:

— Поэтому не хотела говорить про эти штуки заказчику? Ты связана с ними?

— Допустим, связана. И? — ответила Мильхэ, и в её голосе зазвенел лёд. — Убьёте? Допрашивать будете? Из отряда вышвырнете? Вы — наёмники, вы из-за денег здесь оказались. И наша цель — дольмен на севере, а не четырнадцатилетние мальчишки. Контракт не предусматривает ни одного из действий военного времени, в том числе удержание пленных.

— А когда они опять придут нас убивать, — прорычал Фаргрен, — ты скажешь, будто по контракту не предполагалось умирать и перейдёшь на их сторону?

— Маатар, да уймитесь же вы, горячие головы.

От Геррета это прозвучало нелепо, и коротышка сконфузился.

— Вы ничего не знаете, — бросила ледяная статуя. — И я не собираюсь говорить об этом на задании от Гильдии наёмников. С какой стати я должна доверять вам? Чтобы Рейт с Лорином, гогоча, разболтали всё в Таверне?

— Вот это было обидно, между прочим, — пробормотал Рейт.

— Ладно, Мильхэ, допустим, ты не доверяешь нам и всё такое, — опять вмешался Геррет, пока Фаргрэн снова не начал рычать, — но мальчишку-то зачем отпустила?

Она не ответила. Ледяная ведьма вернулась, а вместе с ней все стужи Драакзана.

Глава 6. Требование

4 день 4 месяца 524 года новой эпохи

— Я ничего не нашёл, Эйс, — Миррин уселся в кресло и закрыл лицо руками. — Опросил всех, узнал попутно о паре хищений, нескольких нарушениях и злоупотреблении полномочиями, но не нашёл ничего, что помогло бы найти Арделор. Или хотя бы выяснить, как её похитили.

Они сидели в любимой комнате Эйсгейра, где со стены над камином на них смотрела Эльвейг. Золото её волос поблёскивало от свечей. Рыцарь предложил вина Миррину, и тот не стал отказываться.

— Мы перевернули всю академию. Выяснили, что делала и куда ходила Арделор с самого прибытия. Обшарили всё. Каждый дом в радиусе пары кварталов от мест, которые она посещала. Тайно, конечно.

От такого признания рыцарь малость опешил. Раскрыв злоупотребления, Миррин сам назлоупотреблял. Эйсгейр хмыкнул в бороду, но не стал ничего говорить. Пока.

Получалось, эльфы и люди, которых рыцарь выделил послу, облазили всё, что смогли, и даже больше. Перетрясли всех стражников из людей, их семьи, родственников и друзей, которые жили в Эйсстурме. Эйсгейр удивлялся: как это всё умудрились проделать за неделю?

— Она мало куда ходила. С такой-то охраной не поразвлекаешься особо, — Миррин горько усмехнулся. — И они её упустили! Пятьдесят отборных солдат! Не знаю, кто тут больший олух: я сам, стража или весь эльфийский совет. Кстати, я мог переусердствовать, поэтому жди жалоб.

Эйсгейр точно знал — их будет немало. Миррин, выполняя должностные обязанности, всегда ограничивался минимально необходимой вежливостью, и многим людям, имевшим с ним дело, не нравилось отсутствие привычных расшаркиваний, а уж сейчас... Теперь ещё и следователи из Леса собираются продолжать это дело. Вот крику-то поднимется!

— Иллитар милостивый, это такой позор! — простонал Миррин. — Для тебя, для меня, для Первого советника, в конце концов. Это ведь мы убеждали всех, что ничего с ней не случится.

— Океан-отец, она в беде, может быть ранена или даже убита, а ты думаешь о позоре?

— А ты о чём подумал в первую очередь? — огрызнулся Миррин, ничуть не смутившись. — Арделор пожалел? Разве таким, как мы, положено жалеть одну-единственную жизнь в подобных ситуациях?

Он помолчал. Потом налил себе ещё вина.

— Не говорю, что так и надо. Это, наверное, даже плохо. Но при наших-то с тобой обстоятельствах...

Эйсгейр печально усмехнулся, покачивая чашу в руке.

— Я думал о том же самом, — со вздохом признал он. — Как это отразится на связях со Светлым Лесом и всё такое. А ещё размышлял над твоей фразой о том, что Арделор может рожать.

— Конечно, этого ты не упустил бы! И чего наразмышлял?

— Много чего. И притом мало хорошего. А что с её служанкой?

— Тоже пусто. И за неё мне достанется, но не так сильно.

— Она не могла иметь детей?

Миррин лишь покачал головой.

— Ты прав, это ужасно, — прошептал он. — Иллитар, мы пали ниже некуда! Определяем ценность женщины как... Как племенной кобылы. Но Твари чащобные, я не могу не думать о том, к чему это приведёт! Причём неважно, жива Арделор или нет. Её похищение в любом случае ударит по Первому, и... Наши позиции и так шатки, а уж это...

Миррин залпом допил вино и снова потянулся за бутылкой.

— Твари чащобные, я допросил даже случайных зевак! Всех, кто опшивался там, пока велось следствие!

Эйсгейр вдруг вспомнил одну из бесед с главным разведчиком.

— Океан-отец, — пробормотал рыцарь, отставляя вино в сторону. — Виркнуд недавно говорил, что люди Малкира крутились около академии.

Миррин вылетел из кресла, не заметив, как опрокинул на ковёр из чёрных медвежьих шкур и чашу, и бутылку.

— Где этот ублюдок? В Гильдии торговцев? — чуть ли не прокричал он, выскакивая в коридор.

Стражи у дверей снаружи, схватились за мечи, услышав вопли посла.

— Кракен тебя сожри, Миррин! — окликнул его Эйсгейр, спеша следом. — Куда понёсся? Я прикажу, и его притащат во дворец без лишнего шума.

— Так чего же ты ждёшь?!

Эйсгейр отправил Утреда. Тот спросил причину задержания и весьма удивился, услышав в ответ «поговорить».

«Переливайся с ним в кабинет», — подумал ему вдогонку рыцарь и сам переместился туда вместе с Миррином.

Через пару минут в кабинете возник холодный вихрь и пропал, оставив после себя Утреда и высокого черноволосого мужчину лет сорока. Эйсгейр, хоть и знал о нём немало, видел его впервые.

Одежды на Малкире оказалось на удивление немного для весны. Похоже, Утред перенёс его, каким нашёл. Свободная рубаха из тонкой ткани обрисовывала поджарую фигуру. Под рукавами угадывались сильные мышцы, а ладони выдавали человека, привыкшего использовать оружие. Не очень типичная внешность для торговца, но Малкир — один из немногих купцов, путешествующих по Тёмному Тракту. На правом запястье у Малкира красовался браслет, плетённый из белых и синих лент.

«Похоже на эльфийский рэннэ», — с удивлением отметил рыцарь.

Неужели ушлый торговец с дурной репутацией женат? Немало людей, подражая Детям Леса, обменивались такими браслетами со избранниками. Правда, эльфы делали их гораздо искуснее, используя растения и ленты цветов своего клана. У Малкира же украшение было совсем простым.

Зыркнув на Утреда, тип стал оглядывать место, где оказался. Страх в нём не ощущалось, лишь любопытство человека, впервые попавшего во дворец правителя Северных земель. Даже когда Малкир рассматривал самого рыцаря и Миррина, на лице его не отразилось ни капли смущения. Держался торговец уверенно. Он чуть приподнял бровь, будто задавая вопрос.

«Или за ним ничего нет, или мы просто-напросто ничего не найдём», — подумал рыцарь.

— Значит, ты тот самый Малкир Тот-кто-не-делится, — сказал Эйсгейр вслух, не спрашивая, а просто констатируя факт.

— Я, милорд. О чём вы хотели поговорить?

Говорил он спокойно и серьёзно. Мог бы показать пример так называемым благородным господам, немало которых начинали лебезить при любом человеке, что хоть немного выше по статусу. В Малкире чувствовалась сила духа. Ох, непросто же этот торговец!

— Что тебе известно об Арделор Валиссин? — выпалил Миррин прежде, чем Эйсгейр даже воздуха успел набрать.

«Океан-отец, — подумал рыцарь, слегка морщась, — совсем ему мозги вскипятило из-за этого. Утред, можешь быть свободен».

«Я отметил двух парней, которые были с Мясником, отец. Если нужно, быстро найду».

Эйсгейр одобрительно улыбнулся сыну.

— Валиссин... — пробормотал Малкир, глядя, как Утред исчез в вихре. — Из Виркайт-тал, да?

Эйсгейр удивился. Людям было известно про эльфийские Старшие и Служащие дома, но редко кто говорил «Виркайт-тал». И мало кто знал, какой дом относится к Старшим, а какой — к Служащим. Рыцарь снова посмотрел на браслет, красовавшийся на руке торговца, и подумал: не может ли Малкир быть женатым на эльфийке? Но для дочери Леса такой синий цвет — немыслимое кощунство. Насколько видел Эйсгейр, оттенок весьма близок к королевскому синему. Право носить такой цвет, и вообще использовать его где бы то ни было, принадлежало Тал-Гилас.

— Что тебе известно о госпоже, Малкир? — повторил вопрос рыцарь.

— Ничего, милорд. Я слышал о пропаже, конечно, но занимаюсь гремучей солью.

— Что? — хором переспросили Эйсгейр и Миррин, причём каждый о своём.

Малкир даже улыбнулся.

— Отвечу сначала милорду. Чуть больше месяца назад я заметил в накладных Гильдии торговцев, что в Эйсстурм отправляют слишком много гремучей соли. Точнее, заметил мой человек в Эвенрате. Он сообщил мне, а я уже посвистел кое-что во Всесвете, потом приехал сюда.

— И много? — решил уточнить Эйсгейр.

Если бы не Вэльоф и обнаруженное расхищение арсенала, он не поверил бы Ортхирскому Мяснику. Ни на каплю. Но когда два совершенно разных человека сообщают о похожих странностях...

— Хватит взорвать пятую часть города, милорд. Всё удивляюсь, как на ваших постах до сих пор не заметили.

«Океан-отец, — в ужасе подумал Эйсгейр, — всю соль свозят сюда?»

— Сигсона ко мне, со всеми отчётами по всем пропускным постам за полгода! — проорал он слугам за дверью.

Посылать рыцарей воды не стал: будет время поговорить с этим угрём.

— Гремучую соль много где используют, — сказал Миррин, отвлекшись от мыслей об Арделор. — Удобрения, фейерверки и прочие мелочи.

— Это кому же столько удобрений понадобилось, господин посол? Или фейерверков. Фейерверков на пятую часть Эйсстурма!

— Гремучая соль не имеет большой силы без едкой воды, — возразил эльф.

— Честно сказать, господин посол, я бы уже молился, чтобы её здесь не оказалось. Её

ведь контрабандой провезти не очень-то и сложно: она тяжелее воды и многих жидкостей, не пахнет. Залил в сосуд, сверху ещё чего-нибудь, хоть вина, и вези, куда душе угодно!

— Не думаю, что на пропускных пунктах и в эйсстурмских портах проверяющие настолько олухи. — Миррин даже фыркнул.

— А я думаю, при должном старании и находчивости можно обвести вокруг пальца и самого бдительного проверяющего.

— А не из личного ли опыта ты всё это знаешь? — съязвил посол.

Малкир ослабил, а рыцарю пришла в голову мысль, что тот вовсе не похож на полуграмотного головореза-торгаша, каким всегда ему представлялся. Будто учился где-то. Но в известной Эйсгейру биографии Того-кто-не-делится сведения об образовании отсутствовали. Хотя вряд ли кто-то знал об Ортхирском Мяснике всё. Откуда вообще этот негодяй взялся и чем занимался до того, как стал торговцем и бандитом?

— Значит, о пропавшей женщине тебе нечего сказать? — спросил рыцарь.

— Советую навестить Общество Знающих, милорд.

Эйсгейр чуть не взвыл.

— Они-то тут причём? — удивился Миррин, который до сих пор не знал о том, что Эйсгейр нацедил на «знающих». — Может, пытаешься отвести подозрения от себя? Семь-восемь лет назад в Восточном форте говорили, будто ты провёз эльфийку по Тёмному Тракту.

«Это что ещё за слухи? — подумал рыцарь, взглянув на Миррина. — Опять я что-то пробулькал?»

— Бросьте, господин посол, если каждый раз, когда меня в чём-то подозревают, я буду доказывать свою невиновность, у меня времени на другие дела не останется.

— Что ты сделал с ней? — повысил голос Миррин. — Продал в Периаме? Так, может, повторить решил?

— О, в Периаме эльфиек можно продавать? — ослабил Малкир. — Спасибо за сведения, господин посол, благодарен премного.

Миррин в ярости поднялся со своего места.

— Я заставлю тебя рассказать, гниль мелкотравчатая.

— Как? Пытать будете?

— Может, и буду!

— Океан-отец, Миррин, — одёрнул друга Эйсгейр.

— Слышал я, в Светлом Лесу пытки запрещены, господин посол.

«Ему-то откуда известно?» — подумал рыцарь, возмущаясь и нахальности торговца, и поведению посла.

Закон о пытках действовал в эльфийском государстве слишком давно, чтобы какой-то сорокалетний проходимец знал о таком. Да и эльфы не очень распространялись о своих законах без надобности.

— А мы не в Светлом Лесу, — бросил Миррин.

— Вот как. Двойные стандарты, да, господин посол? — усмехнулся торговец, и тот смутился. — Хотите — пытайте. Ничего не скажу. Думаете, я в чём-то виноват? Докажите.

— Я заплачу, — сменил тактику Миррин, — сколько попросишь.

— Хватит денег-то, господин посол? — усмехнулся Малкир. — Или казённые тратить будете?

Миррин умолк.

— По поводу пропавшей могу сказать только то, что, по моему мнению, надо идти к Обществу Знающих, — повторил Малкир.

— Милорд, задержите его, — обратился Миррин к рыцарю по-эльфийски после небольшой паузы. — Что угодно, только не отпускайте!

Прежде чем Эйсгейр успел ответить, дверь открылась, и в кабинет вошёл один из стражей. Рыцарь снял круг тишины.

— Милорд, господин Виркнуд хочет видеть вас.

— Пусть войдёт. «Утред, в холодушку этого угря».

Тот не стал появляться сам, а просто забрал Малкира: водяной вихрь, появившийся на его месте, тут же исчез. Миррин слегка удивился.

— Куда вы его, милорд?

— Отправил отдохнуть, может, поразговорчивее станет.

Но в этом Эйсгейр сомневался. Малкир явно не трус. Такие, как он, могут просидеть годами в одиночестве и стать лишь злее. Да и холодушка не такое уж страшное место. Называлась она так не потому, что в ней рыцарь морозил своих пленников, пусть в народе ходили и такие слухи. Просто попасть туда могли только рыцари воды, а их вихри всегда холодные... Ладно, прохладно там тоже было. Самую малость.

Эйсгейр посадил туда нахального торговца просто, чтобы выслушать Виркнуда. К тому же требовалось обсудить с послом предстоящее прибытие следователей из Светлого Леса. Не при посторонних же разговаривать о таких вещах! Некоторые личности и по губам читать умеют.

— Милорд, господин посол, я по поводу похищенных женщин.

— Говори! — снова выпалил Миррин вперёд Эйсгейра.

Виркнуд взглянул на рыцаря, и тот просто кивнул.

— Мои парни нашли эльфийские украшения и кое-какие тряпки. Мы не знаем, чьи именно. У ваших наверняка получится определить, господин посол.

— Где? — спросил Миррин, подсакивая со стула.

— В одном из кварталов возле птичьего рынка в Нижнем городе. Стража оцепила весь квартал, я распорядился. На браслетах нашли пятна крови.

— Иллитар, я пойду туда! — С этими словами Миррин бросился к дверям.

— Подожди, — сказал Эйсгейр, и он остановился. — Как это нашли, Виркнуд?

— Следили за прихвостнями Малкира.

— Задержите их всех, милорд! — воскликнул Миррин. — Что ещё за сказки про гремучую соль!

Посол, занятый пропажей Арделор, пропустил всю заваруху с арсеналом. Не до этого ему было. Но вот сам Эйсгейр не мог утверждать, будто Мясник выдумал историю с солью просто, чтобы отвести от себя подозрения.

— Что ты собираешься делать, Миррин?

— Допросить всех и облазить там каждую пядь. В конце концов, это единственная зацепка за неделю.

— Это повлияет на требование Леса пропустить следователей?

— Нет. Вы разрешите им пройти, милорд?

Эйсгейр кивнул.

— Тогда ждите, милорд. Я сообщу совету прямо сейчас.

Миррин вышел из кабинета. Но не прошло и десяти минут после этого, как во дворец

явился начальник городской стражи.

— В центральный гарнизон принесли требование о выкупе, милорд!

— Океан-отец, показывай! — воскликнул Эйсгейр и крикнул слугам: — Верните посла Тавеллана!

Увидев требования, рыцарь поразился жадности похитителей: они хотели смолу древесника в количестве, равном весу Арделор. Слишком много. Смолу продавали склянками, вмещавшими вес не тяжелее крупного яблока: столько обычно получается нацедить с древесника за один раз, пока не прибежало слишком много Тварей, и пока они не интересовались двуногими. Иногда нацеживали по две-три, но редко. По официальным данным Гильдии наёмников, таких склянок добывалось не больше трёх тысяч за год. Похитители же требовали едва ли не восьмую часть годовой добычи. Причём через неделю.

— Кто принёс это?

— Мальчишка с ближайшего рынка. Сказал, какой-то дядька дал ему монету и велел отнести это солдатам у ворот гарнизона.

— Ну хоть как-то мальчишка описал его?

— Тёмные глаза, серый плащ, кутался в шарф.

Эйсгейр вздохнул: таких дядек в Эйсстурме тысячи.

Примчался Миррин, который не успел покинуть дворец.

— Это безумное требование! — изумился он. — Собрать столько смолы за неделю невозможно. Если только запасы...

Рыцарь хмыкнул. Запасы смолы не держат, потому что она имеет обыкновение застывать. А застыв, теряет половину свойств. Нет, пару месяцев она могла полежать, но обычно её пускали в ход сразу: проще хранить сделанные из неё лекарства или их составляющие, чем саму смолу. В общем, требование выдвинули практически невыполнимое. За месяц ещё можно было попробовать отправить наёмников в Чащи, но неделя...

— Предки, я должен сообщить Лесу! — воскликнул Миррин, выслушав всё, что ему пересказали, и умчался, оставив Эйсгейра наедине с мрачными мыслями.

Глава 7. Тот-кто-не-делится

4 день 4 месяца 524 года новой эпохи

Следователи Леса должны были прибыть утром шестого дня четвёртого месяца, и у Эйсгейра почти не оставалось времени уладить сопутствующие вопросы. Но он всё же просмотрел принесённые Сигсоном отчёты. Точнее, только их часть, но даже из этого выходило, что Малкир сказал правду — в Эйсстурме собирали гремучую соль.

Рыцарь сердился: Сигсон проверял бумаги несколько дней и не увидел этого?

— Я приказывал поднять документы! Вы их вообще смотрели?!

Толстяк то бледнел, то краснел.

— Только начали, милорд, — промямлил он и почти шёпотом добавил: — Вы не сказали, что это надо сделать быстро, милорд.

«Одрин, — позвал Эйсгейр, ругаясь в мыслях и на главу торговых дел, и на себя самого, — Малкира ко мне».

«А можно, Утрэд займётся этим? — пришёл ему ответ с явной пенкой усталости и крохотной каплей недовольства. — Он сегодня свободен».

В другое время Эйсгейр, возможно, пошёл бы на уступки. Но не после истории с арсеналом, в которой не последнюю роль сыграли вконец распустившиеся стражники.

«Расхлябались совсем, медузьи дети! — окончательно рассердился рыцарь. — У нас проблем — волна волну волной заливают!»

Едва Эйсгейр додумал свою гневную отповедь, как перед ним очутился Малкир. Торговец вполголоса выругался.

— Простите, милорд, но нельзя ли предупреждать? А если бы я нужду справлял?

— Сколько соли вы успели найти? — спросил Эйсгейр, не тратя время ни на извинения, ни на предварительные объяснения.

— Мы нашли адреса, милорд. Но саму гремучку — нет. Больше всего ушло в академию, но на разные имена.

— Имена? — переспросил рыцарь, вспомнив о списке Эамонда. — Записали их?

— Нет, но я помню номера накладных. Разрешите?

Малкир вопросительно взглянул на кипы бумаг, и Эйсгейр кивнул.

Торговец быстро нашёл нужное. Накладных оказалось много, поэтому рыцарь даже удивился отличной памяти Мясника и вспомнил, как Виркнуд говорил, что тот ничего не записывает.

«Такую-то рыбку да в нашу речку», — подумал рыцарь, глядя, как Малкир быстро перебирает листы и откладывает некоторые в сторону.

Наблюдавший за этим Сигсон бледнел, краснел и чуть покрывал: весь беспорядок-то кому потом придётся устранять?

— Вот, эти накладные, — сказала, наконец, «рыбка».

— Кракен сожри их всех! — выругался Эйсгейр, взглянув на первый лист.

Рыцарь помнил несколько имён из списка Эамонда. Имя этого получателя значилось там третьим.

«Арестовать сейчас? — думал он. — Нет, рано. И они всё равно продолжают своё дело тайком. Но соль, кажется, привозить перестали».

Судя по накладным Гильдии торговцев, за последние две недели её купцы не

доставляли в город новую соль. Это хорошо, но успокаиваться нельзя.

Эйсгейр посмотрел на Малкира.

— А скажи-ка, Тот-кто-не-делится, что ты думаешь? — обратился к торговцу рыцарь и сам себе удивился: спрашивать такое, да ещё у кого. — Для чего бы ты привёз столько гремучки в первый по величине город королевства?

— Я бы не повёз, милорд, — сказал Малкир и ухмыльнулся. — Отправил бы всё на границу с Ишдракйордом. Орки, может, и боятся Снежной Длани, но не стерпят диверсий. На границе есть места, через которые можно протащить что угодно до мирных поселений. От такого Драакзан точно разозлится.

«Кракен сожри этого Мясника!» — подумал Эйсгейр.

Но он понимал: версия хороша. То есть, для кого как. Для Эйсстурма — нет. Но поссорить Север с Ишдракйордом — это неплохой способ отвлечь Снежную Длань от делишек на юге. К тому же орки могли позвать своих братьев с островов к северо-востоку от Иалона и прийти к Эйсстурму с армией вдвое или даже втрое больше прежнего.

«Надо подумать, как не дать оркам двинуться на юг, если здесь правда начнётся бедлам», — мелькнуло у рыцаря в мыслях.

— А если всё же в Эйсстурм? — спросил он вслух.

— Могли уже увезти. Хотя да, не вывозили, по крайней мере, через Гильдию торговцев. Что? — спросил Малкир, заметив удивлённый взгляд Эйсгейра. — Я проверял. Не просто же так задница моя страдала, извините за мой эльфийский. Но если серьёзно, милорд, — сказал Малкир и правда посерьёзnel, — вариантов много. Подорвать особняки высокопоставленных лиц. Разгромить Северную академию, Ледяной дворец, Главные палаты, арсенал и прочее. Зависит от целей. На академию и Главные палаты столько не надо. Для арсенала тоже, там ведь и своя соль есть. Остаётся либо убийство властей предержавших, либо... — и тут он осклабился, — террор мирного населения. Или... — улыбка его стала ещё шире, — всё сразу.

Эйсгейру захотелось почесать кулак о зубы торговца. За выражение лица, и за то, что несмотря на него, ублюдок был прав.

Жертвы среди мирного населения рыцарь видеть не хотел — успел насмотреться за долгую жизнь. Лишиться сразу всего правящего круга тоже будет ужасно. Из кого выбирать новых людей, если устранят не просто поколение Эамонда, а вообще всех вместе с первыми наследниками? Да и наследников-то Эйсгейр не сильно знал. Он, к своему стыду, почти не знал даже отпрысков Ормунда, которые, между прочим, в линии наследования стояли первее его любимого племянника.

«Надо найти эту гр...емучую соль!» — решил рыцарь.

Задействовать и разведчиков, и городскую стражу, и гвардию, проверить самые важные здания, дома ключевых фигур... Эйсгейр вспомнил про Северное Кольцо. Малкир его не упомянул, но разгромить это важнейшее защитное укрепление — хорошая цель.

Рыцарь посмотрел на торговца.

«Океан-отец, я с ума сошёл», — подумал он, а вслух спросил:

— Твои люди будут сотрудничать с моими?

— Если я скажу, будут, милорд.

— А что ты скажешь?

По глазам Малкира стало ясно: он просчитывает выгоды от сотрудничества с великим лордом Северных земель. Ох, как попросит сейчас себе...

— Если милорд даст слово, что мне и моим людям не будут чинить препятствий в расследовании, а потом отпустят без удержания в каких бы то ни было местах, — проговорил Малкир, — то я готов поработать вместе.

— Виркнуда ко мне, — отдал приказ рыцарь. — «Поработать вместе, — усмехнулся он про себя. — Будто мы на равных».

И всё же Эйсгейр, можно сказать, приятно удивился. Мясник мог попросить уйму золота и прочих богатств. В его же условия чувствовалась мудрость: не только деньги имеют ценность. Через мгновение рыцарь подумал, что называть человека, устроившего Ортхирскую резню, мудрым — это как-то слишком.

— Письменное слово, милорд, — добавил Малкир, чуть помолчав, — а то ведь всякое бывает. В одиннадцати экземплярах.

«Нет, каков нахал!» — возмутился про себя рыцарь и обратился к главе торговых дел, не ответив на слова Мясника:

— Сигсон, проверишь отчёты за год на едкую воду.

— Тут я могу сказать, милорд, — снова заговорил Малкир, — что едкую воду привозили всего четыре раза за пару последних месяцев. Да не смотрите так на меня! Я не мог не проверить. Но господин Сигсон, конечно, может снова покопаться в бумажках.

— Проверь, Сигсон. Лично! И докладывать мне обо всём. Даю тебе три дня, а лучше сделай всё ещё быстрее!

— Милорд, — послышался от дверей голос Виркнуда.

Явился он быстро: скорее всего, всё время был во дворце.

— Так за мной следил сам главный разведчик Севера, — усмехнулся Малкир, увидев Виркнуда.

«Океан-отец, да откуда он столько знает?!» — подумал рыцарь, то ли восхитившись, то ли возмущившись.

Виркнуд, смеривший торговца презрительным взглядом, ничего не сказал, но ему явно не понравилось, что его опознали.

— Полярный кот? — удивился Малкир вечному сопровождающему разведчика.

Его пушистость, едва обнюхав негодяя, тут же начал ластиться к нему. Предательство Ярла Мурманла Виркнуду, кажется, не понравилось даже больше того, что Малкир его узнал.

— Так, слушай, пусть наши свободные парни работают с людьми Малкира. Пошли ребят по тем местам, которые не успели проверить.

Виркнуд... Удивился. И даже не сразу смог ответить.

— Работать с... с этим? — в голосе его было столько возмущения, что добряк Сигсон поморщился, а Малкир нахально заулыбался. — Увольте, милорд, это... Как я такое парням скажу?

Своего главного разведчика Эйсгейр прекрасно понимал. Заяви кто рыцарю, будто он сам предложит сотрудничество Ортхирскому Мяснику... Оставалось лишь надеяться, что Эйсстурм не пожалеет о таком решении своего владыки.

— Скажешь, я приказал, — спокойно ответил Эйсгейр. — Городская стража и гвардия тоже будут этим заниматься.

— Письменное слово, милорд, — напомнил Малкир, пристально разглядывая Виркнуда, которому не нравилось такое внимание. — Я пока его не вижу.

Эйсгейр вздохнул и взялся за перо под кошачье мяуканье. Но Виркнуд не мог так просто смириться с приказом.

— Милорд, это... Это же... Мой парень пропал, когда следил за одним из его уб... людей!

— Что? — переспросил рыцарь, и перо остановилось на полпути к чернильнице.

— Он не вернулся вчера. Следил за его, — Виркнуд кивнул на торговца. — человеком. Вечером должен был поменяться с напарником и отчитаться мне. Но не пришёл.

Эйсгейр тихо ругнулся.

— Безделушки те эльфийские нашли, потому что тот негодяй крутился возле рынка, милорд. И кроме него ещё один. Вот я и послал наших порыскать там.

— Какого кракена я узнаю об этом только сейчас, Виркнуд?

— Кто из ваших пропал, господин разведчик? — вмешался Малкир. — Такой низкий, темноволосый, одевался в старый потёртый дублет и серый плащ с синей каймой по подолу, да? Он не пришёл?

— Виркнуд?

— Предположим, такой, — осторожно сказал разведчик. — Что с того?

— Он следил за нашим Ганном. А Ганн тоже не вернулся вчера. Может, попался первый, а вашего сцапали потом, если заметили, как он следил. Или наоборот, сначала вашего, потом нашего.

— Кто заметил? — спросил Эйсгейр, а сам подумал: — «А не схватились ли где-нибудь да порезали друг друга?»

— Да я откуда знаю, милорд?! — воскликнул Малкир. — Я всего две недели здесь. Мы рыскали по адресам, куда доставляли соль. Нам удалось найти только обычные покупки, в разные лавки да аптеки. Самые крупные грузы ушли в академию и на адреса в Верхнем городе. Последние партии ещё доставлялись на особняк Общества Знающих. Но самой соли мы не нашли. Ничего! Будто исчезла. А теперь ещё и люди пропадают. И ваши, и мои!

— Да как тебе верить? — спросил рыцарь, удивляясь, как легко делится сведениями Тот-кто-не-делится.

Врёт, не иначе! Или говорит только полуправду.

— Не знаю, но мне больше нечего сказать, милорд.

— Поведай-ка, зачем всё это Ортхирскому Мяснику?

— Да боюсь, как бы тушек для моих мясницких дел не осталось, милорд. — Малкир неприятно усмехнулся и внезапно стал серьёзным. — А может, я не хочу, чтобы Эйсстурм разрушили или ввергли Северные земли в хаос? Вы всё равно мне не поверите, милорд. Ничему, что я сказал, вы не верите. Между прочим, для похищенных женщин это может оказаться смертным приговором. Вы же не отправили людей в Общество Знающих, да?

Глава 8. Доверие

Я открыла глаза. Холодно и темно. Что? Где я? Почему так темно? Я же должна была позавтракать и отправиться с Ганном к реке... Где Ганн?

Попытавшись сесть, я сразу же треснулась лбом обо что-то твёрдое... В ушах зазвенело. Как тесно... Можно протиснуть руки к голове, но ноги — лишь чуть-чуть согнуть. На бок тоже не перевернуться... Стены вокруг вроде деревянные, по крайней мере, точно не из металла. Это же не... гроб?

Сердце сжалось в комок.

Великие силы, где я? Что происходит? Где все? Почему ничего не слышно? Это Малкир запер меня здесь? Или я попалась Главному гаду? Или... Меня всё же продали этому ублюдку?.. Усыпили и... Это Рами что-то подсыпал. Или даже сам Малкир...

Свет, откуда-то просачивается свет.

Я повернула голову — на уровне глаз оказалось небольшое круглое отверстие. Кажется, завешено тканью. Кое-как дотянувшись до него, я просунула пальцы в дырку и отодвинула тряпку. Рядом какая-то деревянная стенка. Ничего больше не видно.

Где-то очень далеко раздалось ржание лошади. Далеко, или... Нет, кажется, звуки постепенно возвращаются. Это должно быть сон-трава. Теперь слышны крики людей, лязганье металла и ржание лошадей. Я до сих пор в караване. В чьём? Неужели Малкир всё-таки... А как же все эти разговоры про обещание, данное старой яшраги? Я ударила кулаками по дереву. Да будь ты проклят, мерзавец! Как я могла поверить...

— Кажется, проснулась, — донёсся до меня чей-то голос.

Так плохо слышно.

— Зови Малкира.

Предки, значит, это он. А я ведь всё-таки верила ему...

— Проснулась? — послышалось через какое-то время.

Все голоса звучали будто издалека.

— Да, хотя эффект вряд ли полностью прошёл. Странно, я думал, она будет спать по меньшей мере сутки.

Да, это они. Как же глупо я ошиблась... Надо было уйти в Зандарате.

— Молчунья? Это Малкир. Слышишь меня?

Подонки!

— Мы в Восточном форте. Ты в моей повозке. Прости, но спрятать тебя можно было только так. Я надеюсь, ты не сильно напугалась...

Чего?

— Тебе подсыпали сонное снадобье. Я выпущу тебя, но веди себя тихо. Иначе тебе придётся покинуть форт.

Голова шла кругом. Всё-таки он помогает мне? Или врёт?

— Молчунья, стукни два раза, если поняла.

Так, два раза... Как же дрожат руки.

Щелчок — и через мгновение в полутьме надо мной возникло лицо Малкира. Он помог мне подняться. Встав на колени, я огляделась: это по-прежнему повозка яшраги. Кровать? Я думала между ней и шкафом проходит труба, а тут просто пустое пространство, которое наполняется горячим дымом от печки.

— Аирос, прости, — сказал Малкир и ласково отёр слёзы с моих щёк.

А я даже не заметила, что плакала. Ганн и Капо тихо направились на выход. Но когда они открыли дверь, перед ней стоял солдат.

— Всё же особый груз — не только свёртки, да? — Он странно улыбнулся. — Но лучше бы они предупреждали каждый раз, когда отправляют такие особые грузы, я не один здесь на проверках стою. — И ушёл.

Особый груз?! Я отшатнулась от Малкира, но его сильные руки притянули меня обратно.

— Успокойся, — мягко сказал он. — Ганн, выясни, о чём говорил этот солдат, только осторожно.

Наёмник ушёл.

— Поверь, я не знаю, о чём болтал этот солдат, — прошептал Малкир, глядя мне в глаза. — Я обещал крхп-кел, обещал тебе, помнишь? Но сиди тихо, ладно? С тобой будет Капо, наш целитель, он сможет тебя защитить.

Его пальцы снова коснулись моей щеки. Верить? Верить ему?

— Я пришло Сири, будет стоять снаружи, — сказал Малкир Капо, отстраняясь от меня. — Но не расслабляйся.

Капо я видела второй раз. И в первый особо не разглядывала. Может, конечно, он попадался мне на глаза в караване, но я не обращала внимания. Да и вообще, я почти всё время просидела в повозке. Соломенного цвета волосы падали Капо на плечи, обрамляя скуластое лицо со светло-голубыми глазами. Очень светлыми. Стихийник? Но стихийники не могут долго находиться в Чашах, а он ездит с Малкиром по Тракту.

Капо сидел, почти не шевелясь и даже не глядя на меня.

Надо же, Малкир пустил своих людей в повозку... Да, во время того ночного нападения Айнар тоже входил, но он стоял у двери и не оставался внутри без Малкира. Хм, Капо ведь целитель.

— Чем опоили меня?

— «Фаэн-кадал», если знаешь, что это.

— Смесь сон-сте... Сонной травы и змеиного ириса, — пробормотала я, — «долгий сон».

Это снотворное почти невозможно различить на вкус. Редкое и дорогое. И не эльфийское, несмотря на название. У нас не в чести названия со словом «сон»: считается плохой приметой, будто так можно накликать «последний сон», а вместе с ним и смерть. Снотворное уж точно не стали бы так называть.

Капо заметно удивился. Не ожидал, что я такое знаю?

— Рами, — сказал он, и странное выражение мелькнуло на его лице. — Подсыпал тебе в похлёбку. Ты успела съесть много. Я думал, будешь спать день, не меньше.

Мне вдруг вспомнилось, как воровато смотрел на меня Рами, ещё когда караван стоял в Циенрате. А ведь...

— Есть травы, ускоряющие действие фаэн-кадала. Рами мог давать мне их до того, как подсыпал фаэн-кадал.

Капо кивнул.

— Он так и делал. Мы нашли у него кое-что. Видимо, его купили те, кто шёл за караваном. Тебя снова пытались выкрасть. Есть одно место на дороге, где караван, хочешь не хочешь, растягивается, там и сунулись опять.

— Люди или?..

— Люди. Но об этом уже можешь не беспокоиться. И о Рами тоже.

Страшно даже подумать, где теперь Рами... А Капо так говорит, словно это какая-то обыденная мелочь.

В повозку вернулся Ганн.

— Малкиру не понравится то, что я узнал, — произнёс он хмурясь. — Мне самому не нравится.

Мой спаситель пришёл через полчаса.

— В форте говорят, темень прошла, — сказал он, закрывая дверь. — Повезло нам.

Темень? Это ещё что такое?

— Узнал что-нибудь? — спросил Малкир у Ганна.

— Дал тому солдату монет за сообразительность. Поблагодарил, сказал, якобы нам повезло, первый раз с особым грузом, а эти идиоты не удосужились толком объяснить, как через форт проехать. Ну и всё такое. В общем, этот «особый груз»... — Ганн глянул на меня. — Парень сказал, шесть месяцев назад Ларт Сухая Нога провёз одну эльфийку, а два месяца назад Рыжая Джелла другую.

Но Малкир ведь говорил, что я могу попроситься к этой Джелле?

Он разом помрачнел.

— Джелла? Уверен?

— Жёлтые повозки. А ещё он говорил: «эти учёные крысы не понимают, как в фортах дела ведутся, как только не спалились до сих пор».

— Учёные крысы... — протянул Капо. — Какие у нас особые посылки в этот раз?

— От всесветского магистрата, от нескольких герцогов, — начал перечислять Малкир, — посылки Королевской академии, и ещё по паре свёртков от Ордена воды и Общества Знающих.

— Значит, либо академия, либо «знающие», — хмыкнул Капо.

Малкир только вздохнул.

— Ставлю на вторых, — сказал он.

— С чего бы? — спросил Капо.

— Да так, нутром чую, — ответил Малкир, глядя на меня.

Общество Знающих... Чем оно занимается?

— Наше ли это дело? — сказал Капо, тоже посмотрев на меня.

— Не знаю, — задумчиво протянул Малкир. — Ладно, идите. Ганн, ты и Сири дежурите у дверей первые. Скажи Айнару, пусть распорядится.

Ганн кивнул, и они с Капо вышли.

— Сильно напугалась?

Малкир помог мне вылезти из кровати — я до сих пор сидела в этой клетушке для дыма — и поставил на место верхнюю часть.

— Яшраги-массаж?

Он слегка улыбнулся, поправляя кровать, одеяла и подушки. Через минуту его пальцы втирали в мою спину целебное снадобье.

— Помогает?

— Да. — Я сидела, подтянув ноги к груди и положив голову на колени. — Почти прошло.

Впервые мы были на кровати оба. До этого Малкир делал ежевечернюю процедуру

внизу на мягком разноцветном ковре.

— На твоём ошейнике трещина. Поэтому ты можешь использовать силу?

И когда успел заметить?

— Да.

— Но ты говорила, его нельзя сломать.

— Сломали силой. Не... они не знали, что ломали.

Голос дрогнул. Нет, не вспоминай.

— Прости, не буду спрашивать об этом. Я вот ещё о чём подумал. Как ты вернёшься? Не в смысле, как вернёшься из Чащ, а... Эльфы ведь не могут долго быть вне Светлого Леса.

— Я не вернусь.

Не буду говорить, что по какой-то причине могу жить и так.

— Но...

— Нет. В Лес невозможно вернуться тайно. Пусть я и проживу не очень долго, но лучше в покое, чем...

Не вспоминай.

Малкир закончил со спиной и опустился на пол, чтобы заняться ногами.

— Дальше могу сама, — произнесла я, но он как будто не слышал. — Малкир, — сказала я чуть громче, и он поднялся.

Сидя на кровати, он смотрел, как я втираю мазь в искалеченную лодыжку. Такое ощущение, будто расстроился. Или обиделся.

— Про... Лодыжка проходит медленнее, — зачем-то сказала я, зачерпывая пальцами снадобье.

Он так близко...

— Стараешься говорить правильно. — Малкир улыбнулся, глядя мне в глаза, а потом посмотрел на ногу. — Может, это из-за того, что ты бежала за нами в Туманном Овраге.

Точно. Неслась тогда сломя голову... Я закончила и откинулась на подушки, уставившись в узорчатый потолок.

— Я убью себя, если поймают они меня.

Малкир хотел было заговорить, но промолчал.

— Не понимаю ничего... Попытал он меня, будто что-то хотел узнать, но твердил сам, не нужны ему мои слова. Зачем тогда? — Не думала, что начну говорить об этом, но меня словно прорвало. — Уже... Уже пыталась я сделать это, сердце остановить во сне, когда приснилось мне, как продал ты меня ему. Известно ему всё обо мне, а я... Пошла в Лес, ведь там мой дом, думала, узнаю, кто я, и... Предки, пусть просто закончится это всё... Желала мне ящраги излечить своё сердце, но как это сделать? Если не знаешь, кому верить, и боишься каждого шороха?

Внезапно я обнаружила себя в объятиях Малкира. Он прижимал меня к себе и гладил по волосам, слегка покачивая на руках, словно ребёнка.

— Ломали они мне руки. Атал... Сломали атал, потому что тысячи раз душили меня водой, камнем. — Слезы бежали ручьём, я не могла остановиться. — Когда пытали, если не нравилось что-то им... Когда сломался ошейник, смогла я сбежать. И больше не хочу думать, через кого доберутся они до меня опять. Устала я бояться. И решать, что нужно делать, когда ничего не понимаю...

Сколько прошло времени, пока мы сидели вот так, не знаю. Слезы иссыкли и высохли. В сильных руках было тепло и спокойно. А ведь он так близко... Приподнявшись, я заглянула в

чёрные глаза. Настоящая бездна, особенно в полумраке. Я поцеловала его, и он с жаром ответил. А потом вдруг отстранился.

— Нет, Молчунья, не стоит.

Но ты же хотел меня...

— Ты сама не знаешь чего хочешь. Боишься. Не только тех, кто тебя преследует. Меня тоже. И испугаешься, когда я начну раздевать тебя, ласкать, захочешь остановиться... Поэтому не надо, — прошептал он. — Не сейчас. У тебя отняли слишком много, чтобы ты могла дать что-то мне. А я... Пусть Малкир и не отдаёт своего, но и то, что ему не принадлежит, он не берёт. Не могу так. Тем более, я обещал крхп-кел позаботиться о тебе. Да и Капо сказал, что после этой дряни ты будешь сама не своя.

— Малкир...

Слёзы беззвучно закапали на его рубашку. Он ласково провёл рукой по моим волосам.

— Да, Молчунья?

— Спасибо.

Глава 9. Доверие с условием

4 день 4 месяца 524 года новой эпохи

Миррин вернулся вечером, много позже ужина. Уставший, помятый, понурый. Таким нашёл его Эйсгейр, заглянувший в покои посла. Тот сидел на белом диване у окна, задрапированного светлыми шторами, и в своих белых одеждах сам казался белым. Если бы не чёрные волосы и дрекожа, то Миррин попросту слился бы с интерьером.

Эйсгейр осторожно поинтересовался, не продвинулись ли поиски Арделор. Миррин покачал головой. Потом шумно вздохнул и спросил, не допрашивали ли Малкира снова.

— Ты разрешил ему уйти? — возмутился он, узнав, что торговца отпустили, да ещё и выдали высокий пропуск.

Эйсгейру пришлось рывкнуть на друга, который, не стесняясь в выражениях, высказывал всё, что думает о решении рыцаря.

— Рин, не будь глупцом!

Миррин замолчал. Глаза его гневно сверкали. Он даже надулся от обиды и возмущения, готовясь выдать следующую порцию ругательств, в том числе за короткое имя.

— Пока ты носился с похищением Арделор, произошло кое-что.

Слушая рассказ Эйсгейра о гремучей соли, Миррин успокоился.

— Потому я и решил рискнуть. Пусть поработает на нас. Вряд ли он знал об арсенале или проблемах на рудниках Вэльофа.

— А если всё же знал? Может, это его люди пришли к Ранхаву с предложением красть соль из твоих хранилищ?

— Кракен сожри твои уши! Да, репутация у него не очень, но ты...

— Репутация не очень?! У Ортхирского Мясника-то? — перебил рыцаря Миррин. — Сам себя слышишь?

— Нет, здесь что-то ещё, что-то личное... — Эйсгейр покачал головой. Вдруг его осенило: — Это связано со смертью твоего брата?

— С чего ты взял?

— Миррин! Ответь честно. Что сделал Малкир, и как это связано с убийством Таэриса?

Миррин долго молчал. Но Эйсгейр хорошо его знал: врать сын Леса не любил. Либс ответит, либо ничего не скажет вовсе.

— Его люди убили тринадцать эльфов из отряда, который я послал к Тёмной реке около семи лет назад. Как минимум одного Малкир зарубил лично!

Получив такое признание, Эйсгейр сначала опешил, а потом понял, что именно сказал посол.

— Ты. Посылал их. На Тракт? Зачем?!

— А ты как думаешь? За подозреваемой! Она была с ним, двое выживших это подтвердили.

— Какая подозрева... Те слухи, будто Мясник провёз эльфийку по Тракту? О ней речь?

Миррин, помолчав, кивнул.

— Так что именно произошло?

— Я приказывал забрать женщину. Они не отдали.

— Твой отряд напал на караван Малкира на Тракте?! Океан-отец, ты... — выдохнул Эйсгейр и замолчал, не зная, что сказать.

Он считал Миррина другом и всегда думал: они могут доверять друг другу. Доверие, конечно, не было абсолютным. Не могло быть, учитывая положение обоих. Миррин, связанный долгом, не имел права посвящать кого-то из людей во многие тайны Светлого Леса. Но то, о чём посол рассказал сейчас...

Пытаясь найти убийцу брата, Миррин переступил через закон. Такое расследование вне Светлого Леса делало его преступником в глазах Королевства людей. Со шпионажем Эйсгейр ещё мог бы смириться, так как сам часто прибегал к нему и потому не имел права жаловаться на это. И наверное, рыцарь не стал бы сильно возмущаться по поводу разборок, касавшихся только эльфов и не задевавших людей. Но Миррин послал своих солдат именно на людей, причём на людской же территории. На Тёмный Тракт. А там любая стычка не с Тварями — смертельный грех.

Но рыцаря ужаснуло даже не это, а то, что Миррин проделал всё за его спиной. Эйсгейр вспомнил, как расследовали похищение Арделор. Эльфы залезли во все места, куда сочли нужным залезть. Рыцарь, может, и сам бы отдал такое распоряжение, но ведь Миррин даже не поставил его в известность. А чего он ещё наворотил, пользуясь дружбой с владыкой Эйсстурма?

— Миррин, медузья ты слизь, и как я должен доверять тебе?

Сказав это, рыцарь перелился в свой кабинет. Там ему вспомнились ещё и слова Малкира о двойных стандартах. Мясник, оказывается, попал в точку: соблюдая законы Леса до последней буквы, Миррин позволял себе нарушать законы людей.

«Отец, всё готово, — вдруг прожурчал ему Утред. — Мы нашли всех. Люди на местах, можно начинать».

Рыцарь вздохнул, отгоняя неприятные мысли. Сейчас нужно заняться другим: проверить слова Малкира об Обществе Знающих. Если это действительно они похитили эльфиек...

Ещё днём Эйсгейр приказал рыцарям воды разыскать всех генасов по списку Эамонда и выяснить, где они находятся. Рассчитывать на то, что «знающие» будут держать женщин прямо в особняке Эльвейг, было глупо. Первым делом планировалось обыскать дома, где жили учёные, а уж потом все остальные места, где их застали.

Как ни странно, нашли всех, и особых сложностей это не вызвало. В тронном зале, который сам Эйсгейр окружил мощным щитом, стараниями рыцарей воды оказалось около тридцати человек. Членами Общества Знающих были не все, даже меньше половины. Виркнуд предложил разбавить их другими учёными, чтобы подозреваемые не сразу догадались, в чём дело, а также разбить их на две части: так они не могли увидеть, что задержаны все «знающие». В число невольных жертв маскировки попал даже ректор Северной академии. Его с другой группой из двадцати человек разместили в трапезной.

Поняв, где находятся, генасы разволновались, зашептались, в зале поднялся гул и шум. Кого-то вырвали из постели или ванны, кого-то — с позднего ужина или просто с прогулки.

— Господа, — обратился к ним рыцарь, перелившись в зал, — прошу прощения за такую неожиданность и вызванные этим неудобства. Ведётся важное расследование, и Ледяному дворцу необходима ваша помощь. Но сначала придётся подождать. Вам предоставят еду, напитки, некоторые вещи, и вы сможете расположиться здесь с относительным удобством.

Сказав это, Эйсгейр перелился в трапезную, повторил эти слова там и вернулся в свой кабинет.

«Всё, медузья слизь, — подумал рыцарь, — доплескались вы у меня. Никого не отпущу,

пока всё не выложите».

Допрашивать «знающих» собирались не только об эльфийках, но и о гремучей соли. Выждать становилось опасно. Как дождётся Эйсстурм «фейерверка» на пятую часть города...

Эйсгейр дал отмашку рыцарям воды, и те уведомили стражу о начале обысков. Сколько времени на это потребуется, предположить он не мог. Потому решил узнать о находках парней Виркнуда, хотя видеть Миррина совершенно не хотел.

Он явился почти сразу, после того как к нему отправился слуга.

— Что нашли в том квартале у рынка?

— Браслет раннэ и ожерелье, милорд. Принадлежали служанке, охрана Арделор это подтвердила. Ещё там были сожжённые тряпки, судя по всему, накидка той же служанки.

— Кого допрашивали?

— Торговцев с рынка, жителей вокруг. Разрешите допросить людей Малкира, милорд.

— Значит, теперь ты спрашиваешь у меня разрешения? — не удержался Эйсгейр от колкости.

Миррин ничего не ответил.

— Будь во дворце. Ты или твои подчинённые могут понадобиться.

— Да, милорд.

Идя к двери, Миррин остановился, будто хотел что-то сделать или сказать, но после секундной заминки вышел.

Как теперь быть с другом, Эйсгейр понятия не имел. Стоило подождать, когда всё уляжется, и обдумать случившееся в спокойной обстановке. Но рыцарь знал: о покое можно только мечтать. Внезапно вспомнилась Нирия: она ведь должна быть в Эйсстурме. Эйсгейру захотелось увидеть её. Просто... Просто чтобы увидеть хоть что-нибудь приятное. Но время было позднее, да и он в своём кабинете не зря прохлаждался.

Ожидая конца обысков, рыцарь взялся за донесения разведчиков.

Сначала он изучил отчёты Виркнуда и Эамонда, но интересного в них было мало. Эйсгейр стал просматривать доклады самих разведчиков, и пришёл к выводу, что событий действительно немного. Пока. Затишье перед бурей...

Как бы так узнать наверняка, чем увлекают Шелана Мирарского и что он обо всём этом думает? Если его сманивают свободой от Алинаса, титулом великого лорда или короной Мирара, то чем можно перебить такое предложение? Ведь глупо рассчитывать на одну лишь герцогскую совесть.

Далеко за полночь от Ротьюфа пришла весть:

«Милорд, нашли тело. Нужен кто-то из эльфов или сам посол Тавеллан. Или вы».

В сердцах Эйсгейр выругался. Идти сам он не мог, иначе искать ещё какие-то следы будет бесполезно.

Рыцарь перелился в эльфийское крыло к покоям Миррина. Стражи у дверей сказали, что тот не возвращался и, скорее всего, сейчас находится в своём кабинете. Но и там оказалось пусто. В конце концов Эйсгейр нашёл друга на просторной галерее, выходящей на северную сторону дворца.

На мрачном ночном небе вспыхивали молнии, озаряя тяжёлые, набрякшие от воды тучи, где-то у горизонта рычал гром. Близилась буря. По галерее разгуливал ветер, его порывы, пока ещё не очень сильные, скидывали волосы Миррина, чёрные под стать штормовой мгле в заливе. Казалось, будто север поглощает тьма.

— Миррин! — позвал Эйстейр и поставил круг тишины.

Тот обернулся.

— Мои люди нашли тело. «Ротьюф, переливайся ко мне. Заберёшь Миррина».

Рыцарь третьего ранга появился рядом с Эйстейром в снежном вихре.

— Господин Тавеллан, вы готовы?

Когда побледневший от новости Миррин кивнул, оба исчезли.

«Чьё тело? — спрашивал себя Эйстейр. — Арделор или служанки?»

Ему показалось неправильным, что он до сих пор не знает имени второй пропавшей.

Вернулся Миррин всего через полчаса. Ротьюф переместил его в одну из пустующих комнат в эльфийском крыле и сообщил об этом Эйстейру. Там ничего не было, кроме лёгких штор на окнах и кровати, на которой под тонким покрывалом лежала женщина. Не Арделор.

Миррин застыл перед кроватью, глядя на бледное, бескровное лицо погибшей.

— Это я виноват, да, Эйс? Не слушал ни тебя, ни того, что говорил Малкир?

Он смолк. В руках у него был браслет-раннэ — покрытый копотью, но всё равно радостно-яркий: голубой с фиолетовыми и жёлтыми цветами. Миррин протёр браслет рукавом, отчего на белой ткани остались чёрные пятна, потом подошёл ближе к кровати и убрал покрывало с мёртвой руки. Изящная, тонкая, она выглядела сделанной из нежнейшей бумаги. Только тронь — и порвётся.

Вскоре яркий раннэ оказался на своём законном месте.

— Эйс... Милорд, не говорите следователям Леса об Иллитее.

Вот как её зовут... Звали.

— Миррин, о чём ты?

— Поверьте мне хотя бы ещё один раз, милорд. Здесь что-то не так.

— Нет, говори всё начистоту.

На лице Миррина вздулись желваки, губы сжались в тонкую травинку. Так было всегда, когда он злился или собирался делать то, что не хотел.

— Её вещи, — наконец сказал он, поставив круг тишины. — Почему их нашли? Брачные браслеты трудно уничтожить, но вот опознать легче лёгкого. А его так глупо выбросили... И нашли только браслет служанки. А ведь Арделор носила семейную реликвию, которую тоже нелегко сломать или уничтожить. Может, и Безумный король не смог бы.

— К чему ты клонишь, Миррин?

— Я втяну вас в проблемы Светлого Леса, милорд, если скажу.

— Я и так уже в них по жабры. Говори!

— Арделор украли эльфы. Я, если честно, с самого начала так и думал. Похищение искусно провернули! Мы до сих пор не знаем, как именно. Мне пришло в голову несколько способов, но все они предполагают знание обычаев эльфов, привычек самой Арделор, её прислуги и охраны. Если среди них не было предателя, то похитителям требовалось долго, очень долго наблюдать за всеми. Нет... люди не могли этого сделать, милорд. А ещё это безумное требование. И...

— И?

— Если с ней что-то случится, милорд, точнее, если люди что-то с ней сделают, это может вызвать... Страшную бурю. Во всём этом мне видится такой смысл: есть те, кто хочет пойти на людей войной, а глава дома Валиссин всегда был против. Если из-за Арделор он не захочет никого останавливать или, того хуже, сам пойдёт против людей, то войны не избежать.

«Весь Иалон хочет воевать? — в ужасе подумал рыцарь. — Океан-отец, да как остановить такое?»

— Одной Арделор мало!

— Арделор по ряду причин — героиня Светлого Леса.

— Каких причин?

— Не могу сказать, милорд, да и это не так важно. И она не одна. Были и другие преступления, другие пропавшие, убитые. Многие в Лесу к тому же убеждены, будто в событиях столетней давности, в безумии короля, в нашей бездетности виноваты люди, милорд. Что всё это как-то сделали люди. Достаточно вспомнить периаемские войны, Орден Жизни, их законы. Многим этого хватит. Арделор может стать последней каплей. И те, кто хочет войны, получают её.

— Как поможет сокрытие Иллитее?

— Почти никак. Но вдруг я что-то смогу понять из того, как будут вести себя следователи? Понять, кто именно пытается сравнить нас с людьми.

— Как во всё это вписывается Иллитее?

— Да тоже никак. В её случае всё гораздо проще. Схватили где-то на территории академии. Служанок ведь не охраняли так сильно, как Арделор. По академии они могли ходить в одиночку. Там Иллитее и видели в последний раз, и стражи на воротах не помнят, чтобы она покидала академию после этого.

Миррин замолчал.

Они оба стояли и смотрели на мёртвую женщину. Раннэ на бледной руке вдруг показался Эйсгейру неуместным. Слишком ярким, слишком... живым.

— Милорд, — снова заговорил Миррин, — это просто дикое совпадение, что оба похищения произошли почти одновременно. Но если в Лесу станет известно про Общество Знающих, это... — он недоговорил и опять замолк.

Эйсгейр так и смотрел на Иллитее. Она, скорее всего, была не старше Арделор. Очень красивая, по меркам эльфов. Под покрывалом угадывалась стройная, привлекательная фигура. Иллитее могла бы очаровать и многих человеческих мужчин — ростом ниже рыцаря она считалась совсем миниатюрной для своего народа.

Эйсгейр чувствовал какую-то неправильность в том, что, стоя возле неё, они обсуждают политические вопросы. Слово смерть несчастной Иллитее — пустяк. Мелочь. Кому есть дело до какой-то служанки, если речь идёт о войне, грозящей охватить весь материк? Это одновременно было и правдой, и нет. Может, для судьбы всего Иалона Иллитее почти ничего не значила, для того, кто подарил ей брачный браслет, она была целым миром.

«Океан-отец, пусть я не ошибусь», — подумал рыцарь.

— Я доверюсь тебе, Миррин, но с одним условием. Ты расскажешь мне обо всём, что натворил за моей спиной, пока расследовал убийство своего брата.

Глава 10. Чудеса и загадки

— Я вообще не понимаю, откуда у детей такая сила, — сказал Геррет, ковыряя ложкой нехитрый ужин. — Генасы начинают чувствовать стихию лет в десять, может, двенадцать. Если сильные, то пораньше на год или два. А тут...

Они разбили лагерь на открытой полянке без кустов и деревьев вокруг. Просто посреди чистого поля. Рядом не было даже ручья. По пути им встретился один, Ирма собрала из него побольше воды, которая теперь подтаивала огромной ледяной глыбой чуть в сторонке. От ручья они ушли на такое расстояние, где девушка уже не чувствовала никаких потоков. Но, как подозревал Фаргрэн, это не очень поможет, если они опять встретят полукровок.

Идти старались быстро и двигаться больше ночью, чем днём, останавливаясь, только когда поднималось солнце. Спали до полудня, а потом вновь шли до самого рассвета. Если бы не Мильхэ, они бы не выдержали такой марш, смалывавший ноги в прах. Но она делала что-то, отчего усталость отступала. Как тогда в Дубках. В итоге за три дня им удалось пройти путь, который должен был занять не меньше пяти дней.

А завтра предстояло подниматься в горы.

— Для подобного уровня надо учиться года три, если не четыре... — продолжал Геррет. — И откуда такая мощь? На полноценное развитие уходит десять-пятнадцать лет постоянных тренировок, и большинство генасов не становятся настолько сильными! Это противоречит всему мне известному, — сказал он, покосившись на Мильхэ. — Нам известному.

Геррет, наверное, хотел услышать и её мнение, но ледяная ведьма молчала. С того самого вечера она не проронила ни слова. Или обвинения Фаргрена, или её поступок, а точнее, и то и другое, пробили трещину внутри их маленькой компании. Не сказать, будто до этого они уже стали друзьями на всю жизнь. Но несколько неудачных попыток умереть и сотни убитых Тварей за спиной обернулись в крепкое приятельство.

Уже остыв, Фар понял: не стоило говорить вот так сразу то, что он сказал. Нет, виноватым себя он не считал. Но теперь выяснить у ледяной ведьмы хоть что-то было просто невозможно.

— И пятеро таких мощных генасов за раз, — подал голос Рейт. — Я не встречал настолько сильных ферагенов.

— Да вы даже не представляете, насколько он сильный! — горячился Геррет. — Пустил направленную волну землетрясения с большого расстояния! Из тех, кого я знаю, никто на такое не способен. Заставить землю дрожать дальше, чем на три-четыре роста вокруг себя, мало кто может. Как ты расколола волну этого ферагена? — спросил он у Мильхэ, но та молча ела, ни на кого не глядя. — А ещё я не понимаю, почему после землетрясения этот Шэквет очень слабо атаковал землёй. — Геррет снова покосился на ледяную ведьму, будто намекая: если произошло нечто странное, то это дело её рук.

— Иллигены тоже были мощные, — напомнил Лорин. — Ирма еле смогла удержать ребёнка.

— Вот именно. А Ирма сильнее меня, — неожиданно для всех признался Геррет.

В ответ на это Рейт или Лорин должны бы по обыкновению отпустить колкость, но почему-то промолчали.

Фар посмотрел на Мильхэ.

Странно, но они до сих пор шли вместе. В то утро, после так не вовремя сказанных слов, ледяная ведьма молча открыла свой мешок, вытащила хранившееся у неё снаряжение заказчика и две пирамидки, положила всё это на землю и пошла. На север. Она не собиралась возвращаться.

Все переглянулись и... Отправились следом.

Фаргрэн — потому что тоже не собирался возвращаться, близнецы и Геррет — потому что... а почему бы и нет. Ирме было просто некуда деваться. Распихав выложенные припасы и пирамидки по мешкам, они быстро нагнали Мильхэ.

А потом обнаружили, что та намеревается идти ещё и всю ночь. Ничего ледяная ведьма, конечно, не говорила, это уже потом троица безбашенных строила догадки, объяснявшие её поведение. Версия имелась только одна: уйти от возможной погони и быстрее дойти до дольмена. У Фаргрэна был ещё вариант о завлечении их в ловушку, но он его не проговаривал. Потому что его и это не останавливало.

Время отдыха теперь приходилось делить на четверых: Ирму не ставили на часы по неопытности, а Мильхэ... А разве её можно оставлять на часах? Ей, понятное дело, уже не доверяли. Хотя Геррет пару раз язвил, что это ещё вопрос, кто кому не доверяет. Так или иначе, ледяная ведьма оставалась в отряде, и их совместное задание продолжалось, склеенное хотя бы контрактными обязательствами. И клей был так себе, мягко говоря.

Поев, Мильхэ достала одеяло, собираясь отдохнуть. На этом марш-броске ей приходилось хуже всех. Делать для себя то, что она делала, чтобы другие не чувствовали усталости, ведьма, кажется, не могла. И дополнительных часов сна из-за отсутствия дежурства ей явно не хватало для отдыха.

Фаргрэн вдруг подумал, что эти три дня Мильхэ не гладила его. Неожиданно стало тоскливо. Он подошёл к ней и сел рядом.

— Можно поговорить?

— О чём? — прозвенели льдинки.

«Ледяная ведьма, — в очередной раз подумал Фаргрэн. — Такая же как до Дубков».

— О том, что произошло.

— И что же произошло?

Фар вздохнул — разговоры по душам не его конёк.

— Послушай, я не знаю, как именно ты связана с этими генами, но... Они-то точно причастны к тому, что здесь творится. Тысячи людей погибли, и...

— Тот полукровка сказал, они охотились на оборотней, — перебила его эльфийка. — Это тебя интересует?

— Да, — признал Фаргрэн после недолгого молчания.

Она ткнула его носом в его же собственную душу. На тысячи погибших селян ему, если честно, плевать. Это правда. Важно лишь, что Ирма жива. Ещё он порадовался за кузнеца — тот был другом отца и хорошо относился к Ирме, даже в семью взять хотел. Но главное — котёнок уцелел. Всё остальное — неважно.

— Такой же чёрный волчище, — проледенила Мильхэ.

Почему она повторяет слова недруга, пришедшего им на помощь? Звуки отрезало — ледяная ведьма поставила круг тишины.

— И чего именно ты хочешь?

Фаргрэн молчал, раздумывая, как ответить. Чего он хочет? Дойти до дольмена, это точно. Но для чего? Почему?

— Идти в этот могильник, — сказал наконец Фар.

С какой стати он будет выкладывать ненадёжному напарнику свои мысли?

— Я не знала, что они ловили оборотней, — произнесла Мильхэ, глядя в утреннее небо.

— Но про них самих ты знала?

— Встречала полукровок пару раз. Но мне мало что известно.

— Долго ты... работаешь с этим? Светлый Лес тебя послал?

Ледяное молчание, а потом:

— Мне надо поспать.

Не дожидаясь ответа, она завернулась в одеяло с головой. Вот и всё, вот и думай что хочешь. Но даже если она работает на Светлый Лес, и потому не может ничего рассказывать, разве стоило отпускать того парня?

В полдень они не вышли — Мильхэ отказалась вставать.

— Ещё три часа, — сказала она и накрыла себя ледяным куполом.

Возразить такому было нечем. Пришлось ждать.

— Даже лучше, если отдохнёт побольше, — сказал Геррет. — Войдём в Чащи, и она нам будет нужна. Ирма, потренируйся пока.

После нападения полукровок он стал вместо Мильхэ обучать Ирму общим приёмам генасов. Она уже могла поставить самый простой щит, хотя до уровня Геррета и ледяной ведьмы ей, конечно, ещё далеко. Как до Унат-Хаара пешком.

— Лучше бы ты нас послушала и поехала в Эйсстурм, — вздохнул Геррет.

Вопреки обыкновению Ирма промолчала. По какой бы причине она ни отказывалась раньше, встреча с маленькими генасами-полукровками, видимо, изменила её настрой. Теперь Ирма не была так категорична.

— Почему Мильхэ такая слабая? — спросила она в перерыве между упражнениями.

Геррет нахмурился и проворчал, косясь на ледяной купол:

— Вот уж кто-кто, а она точно не слабая.

Все, кроме Ирмы, знали, что никакие разговоры Мильхэ не пропускает. На все шуточки, которые, как наивно они полагали, ледяная ведьма не слышала, она уже ответила сполна.

— У неё быстро кончаются силы, — возразила Ирма.

— Она не слабая, а нестабильная. Это разные вещи. Если выбирать между вами, — Геррет усмехнулся, — я бы выбрал её.

— Почему?

— Да потому что она уделает тебя со всей твоей силой, как ребён... — Геррет осёкся: именно дети их чуть не убили. — При определённых обстоятельствах она уделает и меня, — выдал коротышка немыслимое для него признание. — Ты не видела её разные уровни силы.

— Она слабая.

— Слушай, может быть, сила у неё меньше твоей, но она заберёт твою и обратит против тебя.

— Как сделал тот мальчик? — спросила Ирма, видимо, имея в виду маленького иллигена, который взял на себя её с Мильхэ ледяную волну и метнул обратно.

— Угу, — буркнул Геррет и добавил: — Тебя она точно уделает. По сравнению с ней ты бледная тень генаса. Я бы поставил на Мильхэ, даже если бы ты уже прошла Северную академию. У неё опыт, знания и мозги. Только последнего порой достаточно, чтобы победить врага.

— Она отпустила врага, — сказала Ирма.

Все переглянулись.

— И что бы мы делали с тем парнем? — тихо спросил Рейт. — Он, может, и не совсем ребёнок, но...

— По закону его надо было бы скинуть на руки властям, — задумчиво протянул Геррет. — Но, сраный пепел, его бы пришлось кормить, тащить за собой, следить, чтобы не убежал. Может, даже хорошо, что Мильхэ его отпустила?

Фаргрэн молчал. Хорошо? Да с чего бы! Выходка ледяной ведьмы светила не просто неудобствами, а неприятностями в виде смерти. Нет, из того юнца надо было выбить больше сведений, чем достала Мильхэ своим разговором. Да, детей и Фар не смог бы убить. Не четырнадцатилетний парень — это, считай, взрослый. Сколько вон малолетних ублюдков творит разные зверства. Большая часть воря в городах из таких. Они могут насиловать и убивать. Причём осознавая, что именно делают.

— Не стой столбом, Ирма, — прервал тишину Геррет. — Продолжай давай.

Часть VIII. Тени. Глава 1. Запах

В пути, несмотря на, так сказать, идеологические разногласия, старались не разделяться. Если Фаргрэн шёл на разведку, то далеко не уходил, чтобы быстро вернуться к напарникам при необходимости.

Сейчас он волком стоял на высокой скале, глядя в северную даль.

Чащобный туман забрался далеко на восток: с гор было хорошо видно, что внизу всё какое-то... серое. Где густо растут деревья, туман, конечно, нельзя разглядеть. Но вот на полях и голых холмах... Даже ранней весной, когда ещё ничего не растёт, даже на севере Иалона, земля обычно не выглядит так уныло.

И орки ушли. Ближайшее к границе с Зандератом поселение исчезло. Воздух был чист и ясен, хотя жители Ишдракйорда любят подымить. Пограничная башня, которую отряд видел вчера, оказалась полуразрушенной. Тёмные Чащи объявили войну, послав своих первых бойцов на земли людей и орков. И оборотней тоже. Фаргрэн считал, что Маррак, встретившийся ему во Всесвете, вылез из родного логова именно поэтому. Но в чём причина войны?

Фар посмотрел на своих спутников, шедших по тропе чуть ниже. На самом деле, никакой тропы не было. В этих диких горах вообще ничего нет. Только камни, валуны, да редкие пучки пробивавшейся травы. Мильхэ шла первой, Геррет замыкал отряд. Посередине шагала Ирма, сосредоточенно глядя себе под ноги.

Фаргрэн снова посмотрел на север, но уже в западную сторону. Там уже красовалась цель похода — древний оборотничий дольмен в виде круглого купола. Фар почему-то не помнил его. Наверное, когда полжизни назад он проходил здесь, пробираясь к северным племенам оборотней, стояла глубокая ночь. Или юному ему, только-только ставшим арвахану, попросту было всё равно. Вокруг дольмена почти не росли деревья, и его светло-серые каменные стены резко выделялись на фоне тёмного леса.

Казалось, цель совсем близко. Но оставался ещё день пути, или даже больше, ведь форсированный марш, которым отряд дошёл до гор, сменился на не такой быстрый.

Фар ещё немного послушал ветер, вдыхая запахи в нём, и вернулся к напарникам.

И снова отряд шёл до самого восхода солнца, даже дольше. Мильхэ и Геррет наотрез отказались ночевать в горах лишней раз. Ну, как отказались. Ледяная ведьма просто молча топала. А коротышка гнал всех вперёд, на вопросы об отдыхе отвечая что-то вроде «спать под завалом — так себе идея». И был прав — здесь, наверное, любой фераген одолеет их в одиночку: обвал или камнепад, и дело с концом.

Когда совсем рассвело, отряд добрался до холмов внизу. Геррет уже соглашался на отдых, но Мильхэ так и не остановилась. Только когда отряд оказался на границе леса, ведьма объявила привал. Молча. Просто застыла, а потом улеглась на землю безо всякого одеяла и скрылась под куполом изо льда.

Вот как с ней быть? Фаргрэн не знал. Доверять Мильхэ нельзя, но в какой-то степени приходилось. Да и как вот так взять и отказаться от очень полезного напарника посреди Чащ... И шли в одну сторону.

Под ледяным куполом Мильхэ просидела до самого вечера. Фаргрэн наматывал круги вокруг лагеря, как глупая аксолька вокруг гнезда, беспокоясь, что рядом может оказаться кто-то ещё, но никого не чувял. Только лес и его обитателей. Пока обычных. Не Тварей.

Когда он в очередной раз вернулся к лагерю, ледяная ведьма уже вылезла из своего убежища. И что бы она там ни делала, выглядела отдохнувшей. Пусть и не до конца.

— Сказал бы кто, будто я буду ночью по Чашам шастать, — проговорил Рейт, глядя, как Ирма заликает костёр, — посмотрел бы как на идиота.

Они действительно собирались в лес. Ночью. В Тёмные Чащи. Звучало бредово даже для безбашенных близнецов. Чащобная маньячка превзошла все самые смелые ожидания. Кроме того, Мильхэ решила идти по ручью.

— А если опять эти полукровки? — спросил Геррет, не одобряя её очередной безумно-разумный план.

— А если они и Твари одновременно? — парировала ведьма.

Ну, хоть снова леденила...

Вопреки всем опасениям невероятно сильные полукровки им так и не встретились. Отряд шёл по ручью под ледяным куполом — так Мильхэ прятала их от Тварей — и иногда останавливался по её знаку. Идти приходилось очень близко друг к другу. Ирме тесное соседство с братом давалось, кажется, нелегко: Фаргрэн слышал как она иногда скрежещет зубами.

Шли по самой воде. Если бы не герретовские щиты на четыре пары ног и две пары лап — урок частичной защиты коротышка выучил на отлично, — пришлось бы ещё страдать от ледяной воды в сапогах. А Мильхэ, по-видимому, было всё равно, что у неё, единственной, будто аксопки в обуви булькали.

Продвигались медленно. Ко всему прочему мешала ночь. Если ручей делал ходьбу тяжёлой физически, то темнота влияла на умы и сердца.

Никто не ходит ночью по Чашам. Никто. И сейчас даже такие бывалые наёмники, как близнецы и Геррет, даже Фар, которому в шкуре было безопаснее, чем людям, чувствовали себя крайне неуютно. В каждой тени виделась Тварь, в каждом шорохе слышалась смерть.

Этим безумно неприятным способом они шли несколько часов и умудрились подобраться почти к самому дольмену. Невероятно. Идти по Чашам так долго и никого не убить. Не-воз-мож-но. Даже днём. Ледяная ведьма творила просто до одури чудесатые чудеса.

Она разрешила отдохнуть, но всего час. Когда час истёк, Фаргрэн поднялся и задрал хвост.

— Ирма, отвернись, — сказал Рейт, увидев это: так Фар предупреждал о превращении.

В тесном куполе обернуться в человека, никого не смущая, он не мог. Перед сестрой было неловко, а перед Мильхэ... А, Сумера, чтоб её.

«Вот же кошка любопытная», — мысленно фыркнул Фаргрэн, заметив, как украдкой подглядывает сестра.

Рейт щёлкнул Ирму по носу, и она отвернулась совсем.

— Думаю, — сказал Фаргрэн, превратившись полностью, — дальше без разведки не обойтись.

— Мы целый час сидим, — проледенила Мильхэ, и в бирюзовых глазах будто сверкнул лёд, — а ты говоришь только сейчас?

«Ну да, — подумал Фар, — я нарочно, тебя хотел позлить».

— Людям нужно больше отдыха, — сказал он. — Да тебе самой он нужен. Ты уже прозрачная стала.

Зверь и ледяная ведьма схлестнулись взглядами, и... Ведьма отступила.

— Иди, — процедила она, открывая убежище, — и не смей сдохнуть.

Фаргрэн вернулся в шкуру и потрусил от ручья на север, в сторону дольмена.

Начало светать. В верхушках сосен и елей шумел ветер, хотя ближе к земле он почти не чувствовался. Фару хотелось, чтобы это был северный ветер: отряд окажется с подветренной стороны, и это станет преимуществом, если у дольмена будет кто-то с прекрасным чутьём. Но восточный тоже неплохо. Главное, не южный.

Через полчаса Фаргрэн вышел к широкой дороге, которая вела от зандератской границы к селениям орков. За это время мимо несколько раз проскакало по три-четыре жнеца. Много, значит, стадо близко...

Где-то рядом скрипнул спящий древесник. Наверное, Фар пробежал по земле, в которой Тварь пустила свои плети. Он нашёл его и малость удивился. То есть, не малость: настолько огромные древесники ему никогда не встречались.

«Такого вообще завалить можно? — подумал Фар, снова направляясь к дольмену. — Надо искать обходной путь».

Когда просветом между вековыми елями стало слишком много, пришлось замедлиться до скорости аксолки на суше. Осторожно перебегая от дерева к дереву, Фаргрэн подбирался ближе к каменному куполу. Теперь было видно, что дольмен на самом деле не такой уж и ровный. Наверное, во времена, когда его строили, не существовало способов высечь из камня идеально закруглённые части. По крайней мере, у оборотней.

Вскоре стало понятно, что вход в дольмен, если он есть, расположен с другой стороны. Фар уже собирался отойти поглубже в лес и обежать купол по кругу, как заметил лежавших у каменных стен Тварей. Заметил и застыл.

Таких он ни разу не видел и даже не слышал про них, но облик... Это были волки. Когда-то. Теперь же их шкура напоминала жнецовью — покрытая чешуёй и костяными наростами она выглядела будто поражённой паршой. Хвосты превратились в подобие хвостов мантикор.

Фаргрэна охватило неприятное чувство: с этими несчастными случилось нечто мерзкое. И Чащи, начавшие завоевание новых земель, здесь ни при чём. Такую мерзость творят только разумные.

Фар решил всё же обойти по кругу древний дольмен. Он отошёл подальше и потрусил между елей, не спуская взгляда со странных волков. Какие-то они ненастоящие... Искусственные.

Вход нашёлся на северо-восточной стороне. Он зиял в каменных стенах чёрной тенью, казавшейся зловещей в рассветных сумерках. Фаргрэн заметил, как чуть поодаль пробежало несколько крупных жнецов, не обративших на него внимания, увидел следы скорпикошек, клочки мантикорьей шерсти, чешуйки змееклювов. Но к счастью, никаких признаков присутствия богомоллов.

«Могут ли древесники обрушить камни? — думал Фар, возвращаясь на южную сторону. — Ещё и вот эти здесь...»

Странных волков было девять. Они сидели вокруг дольмена, будто охраняя его. Может, Мильхэ знает что-то о таких Тварях?

Ветер принёс запах, и Фаргрэн замер, не поверив собственному носу.

Невозможно! Волки-Твари — не просто Твари. Запах, конечно, изменился, но уж Фар-то мог утверждать наверняка: эти существа — оборотни. По крайней мере, были ими.

Но в запахе ощущалось кое-что ещё. То, чему он наотрез отказывался верить. Фар дождался порыва ветра и опять принялся.

Сердце ударило в рёбра и кровавым ошмётком размазало в лапах. Запахи чуть различались, но их основа, сердцевина была одинакова у всех девяти. Десяти, считая самого Фара.

Искалеченные, изуродованные оборотни оказались одной с ним крови.

Глава 2. Сыны моего народа

Я проснулась в тепле и темноте. Предки, как же раскалывается голова... Фаэн-кадал, чтоб его. Хорошо, что в повозке нет света, иначе ещё бы и по глазам резануло.

Кружка на столе... Сколько я проспала? Снаружи всё так же ржали кони, бряцал металл, перекрикивались люди. Пахнет... Калиановый цвет? Я повернула голову и замерла: рядом, кажется, кто-то есть.

— Малкир?

А вдруг это опять...

— Это Ганн.

От сердца отлегло. Чуть что, так оно сразу в пятки... Стало даже стыдно.

— Много спала я?

— Прилично. Уже стемнело.

— Почему так долго мы в форте? Ведь хотели выехать сегодня.

— Не успели до полудня. Думали, что с тобой делать, да и проверки затянулись.

Выезжаем завтра утром.

Завтра... Значит, ещё два дня — и я покину караван.

— Даже хорошо, что не вышло переправиться через реку. Представь, ночь бы в Чашах куковали. Не перекуковали бы.

— Да уж...

Предки, эта боль меня с ума сведёт!

— Кружка... — сказала я, и Ганн тут же подал мне её.

— Это Капо оставил для тебя, говорил, у тебя голова болеть будет.

Всё-то он знает, этот Капо. Но это хорошо — завтра выйдем на Тракт, и мозги мне понадобятся.

Дверь приоткрылась, и внутрь проскользнул Малкир.

— Всё уже перегрузили в трактовые повозки, — сказал он, а потом посмотрел на меня. — Как себя чувствуешь?

— Голова... — пробормотала я в ответ, прихлёбывая снадобье из кружки.

— Капо говорил об этом. Ганн, пусть он и Айнар сегодня ночуют рядом.

Ганн молча вышел.

— Молчунья, ты имела дело с Тварями? — спросил Малкир, когда дверь закрылась за наёмником.

Я просто кивнула. Не говорить же, что гигантские волки брали меня зачищать гнездо не менее гигантских богомоллов...

— Как я понял из сегодняшнего разговора, — сказал он и пристально посмотрел на меня, — ты ничего не помнишь о себе.

А? Да, я, кажется, наговорила всякого... Дранные хвосты, я его...?! Фаэн-кадал, чтоб его трижды!

— Не помню, — пробубнила я, уткнувшись в кружку и пряча глаза.

— Тогда откуда ты можешь знать?

— Знаю.

— Я спрашиваю потому, что на Тракте все — бойцы. Мои люди не поймут, если я оставлю тебя сидеть в повозке.

— Знаю, — ответила я, подняв голову и посмотрев в чёрные глаза. — Это случилось до того, как по... Как я пошла в Светлый Лес.

— Ладно. Я просто беспокоюсь, что ты выкинешь чего-нибудь со страху.

— Не изве... Не знаю, какотреагирую на Тракт, но видела я кое-каких Тварей и дралась с ними.

— Хорошо, — вздохнул Малкир. — Спасибо за честный ответ. Так, значит, и имя своё не помнишь?

Я покачала головой.

— Но ты ведь поняла, о чём говорила кхрп-кел? Кто такие даа-харзх? И этот Шебрх мастер деревьев?

Что сказать? Великие силы, я до сих пор не могу решить, доверять ему или нет...

— Не хочешь, не говори, — буркнул Малкир, не дождавшись ответа, — выпытаю у кхрп-кел потом. Давай задирай блузку.

Что?

— Мазь, забыла? — он забрал у меня уже пустую кружку. — Аирос, вечно у тебя глаза как у телёнка! Если бы у телят бывали такие синие глаза.

После он отдал мне коробочку со снадобьем.

— Держи. Неизвестно, что завтра случится. Пусть будет у тебя. А теперь спать.

Я, по-моему, уже слишком много спала. Лёжа под тёплым одеялом, я слышала, как Малкир ворочается на ковре. Неизвестно, что завтра случится...

— Малкир, — позвала я, вспомнив кое о чём, — что такое темень?

— Это когда Чащи становятся опаснее, чем обычно. Больше тумана, больше тени, больше Тварей. Нам не грозит. Может, повезёт, и долетим до Белых Башен, не встретив никого. Спи.

А-а-а, поняла, «недовольство Леса», так называют это эльфы. А люди говорят «темень». Но, кажется, раньше они не знали о таком. Последний раз «недовольство» случилось больше трёхсот лет назад, когда люди почти не ходили в Чащи и ещё даже Тёмного Тракта не существовало.

Хм... Главный Гад точно пошлёт наёмников проверить Тракт или искать меня в лесах по ту сторону Чащ. Вдруг я зря пытаюсь убежать так далеко? Может, лучше проехать Западный форт, так же как Восточный, спрятавшись в повозке...

— Малкир, что за трактовые повозки?

— Это... Завтра увидишь.

— А где плащ Нирии?

Малкир вдруг рассмеялся.

— Аирос, снадобье развязало тебе язык?

По щекам разлился жар. Хорошо, что он не видит, как я краснею.

— Плащ я приготовил. Знаешь, как жалко было? Лучше бы продала...

Вспомнился красноречивый взгляд Малкира, когда я сказала, что плащ должен превратиться в лохмотья, покрытые кровью. Их я хотела бросить у дороги. Если Главный Гад решит отправить кого-то на Тракт, то, может быть, они найдут обрывки и подумают, будто я погибла. Наверняка известно, в чём я ушла из магистрата.

— Я брошу его на пути между Башнями и Змеиной Бочкой. Аирос, побудь снова Молчуньей и дай мне поспать. Впереди три тяжёлых дня.

— Извини.

И правда. Я-то, может, уже выспалась, а ему это необходимо. Малкир тихо усмехнулся чему-то, и вскоре стало слышно его ровное дыхание. И как он может так спокойно спать? Убив столько людей... Предки, даже суток не прошло, как они расправились Рами! Уверена, он мёртв. Всё же лучше держаться подальше от людей, которые убивают и в этот же день преспокойно засыпают.

И это всё никак не вяжется с тем, как он помог мне... Малкир говорил, у него есть ещё два торговых круга, и иногда он ездит в тех караванах, когда надоедает этот. Как поступили бы люди Малкира, не будь его в тот день во Всесвете? Сдали бы страже? Или высадили бы где-нибудь на дороге, обнаружив в повозке? Заставили платить тем, чем смогу? Вряд ли тогда мне удалось добраться даже до Зандарата.

Так, раз не могу уснуть, может почитать? Я нырнула под одеяло, чтобы огонёк не мешал Малкиру, и достала «Новейшую историю Иалона», которую держала под подушкой. Книгу я почти дочитала. Теперь знаю, что Королевство людей существует не больше восьмидесяти лет, и правильнее его называть империей. Правитель Великой Долины завоевал все южные королевства. Междуречье, зажатое между Ортхиром и Великой Долиной, оказалось в безвыходном положении и само склонило голову. Королевство Зандерат тоже вынудили, а вот Периам и Северные земли присоединились добровольно. Хотя последнее оставалось непонятным. С чего вдруг рыцарь воды первого ранга, правивший в Эйсстурме более семисот лет и способный защитить свои владения, присягнул смертному выскочке? Автор приводил много разных причин, но это всё равно представлялось странным...

— Эй, Молчунья, просыпайся.

Ой, всё-таки задремала... Когда я открыла глаза, лицо Малкира оказалось очень близко.

— Разве тебя не учили, что нельзя читать в постели? — Он выудил книжку, которая уползла мне под спину. — Никогда не понимал, почему Снежная Длань встал под Королевства людей, — пробормотал он, мельком взглянув на страницу. — Давай поднимайся, завтракать пора.

Через несколько минут в дверь постучали — еду принёс незнакомый мне мужчина. А в караване Малкира женщины-то есть? Пару минут мы болтали о разных пустяках, поедая не очень вкусную кашу с мясом.

— Да уж, Рами лучше гото... — Малкир осёкся, взглянув на меня.

Повисло молчание. Я уныло ковыряла ложкой в тарелке — больше мне кусок в горло не лез. Малкир быстро доел, стараясь не смотреть на меня лишней раз.

— Ты точно больше не будешь? — наконец, сказал он. — В следующий раз мы поедем только ближе к вечеру.

Я покачала головой.

Малкир поднялся. Из шкафа под кроватью он вытащил большой свёрток.

Предки, броня яашраги из каменного дуба! Крепче, наверное, только доспехи из драконьей чешуи, которых не существует.

Каждую пластинку мастер яашраги выточил в форме листьев жгучелиста, родового знака племени, вырастившего Малкира. Листочки плотно подогнали друг к другу, все крепления — надёжно спрятали. Да сам король обзавидуется такой броне. У эльфов есть похожие доспехи, тоже чешуя в форме лепестков или листьев, но их делают не из дерева, а из металла. И они ни в какое сравнение не идут с бронёй яашраги. Мало того что она крепкая, так ещё и лёгкая. И красивая. Самым слабым её местом были, наверное, завязки на плечах. Наручи и поножи застёгивались хитрыми замками яашраги.

— Семья мне сделала, — сказал он, заметив мой взгляд, и улыбнулся.

На высоком Малкире броня смотрелась очень красиво. Даже не сказать, что какой-то там торговец. Рыцарь эльфийский, не иначе.

— Выпущу тебя чуть позже, — сказал он, надевая шлем. — Вот, возьми. На всякий случай. — И протянул мне длинный кинжал с простой рукоятью в тёмно-зелёной обмотке и ножнами такого же цвета.

Он вышел и запер дверь на засов.

Вскоре повозка покачнулась и тронулась с места, но потом опять остановилась. Наверное, разворачивают колонну. Прошла ещё четверть часа и, наконец, прозвучал сигнал к отправке. Повозка покатилась, и я села на сундук около двери. Время тянулось мучительно долго. Может, про меня забыли?

Не успела я подумать это, как кто-то начал снимать засов. Дверь, как всегда, открыл Малкир и, как только я вышла, снова запер свою драгоценную повозку.

Караван теперь выглядел совершенно по-другому — всё вокруг поблёскивало на солнце: повозки ехали по пять в ряд, стальные полосы и прутья укрепляли их стенки, ободы колёс покрывал металл. Так вот что такое трактовые повозки! Обычные остались в форте ожидать возвращение каравана. Так делают все купцы Гильдии торговцев? Коней тоже сменили — теперь это были громадные тяжеловозы в доспехах. Их шеи, головы, грудь и крупы покрывали стальные пластины, между которыми виднелась вываренная и простёганная кожа. Из-за брони кони казались больше, чем на самом деле. Как они ходят под такой тяжестью? Ещё и повозки тащат!

— Давай забирайся, — сказал Малкир и подтолкнул меня влево, где ехал Ганн, ведя в поводу двух лошадей, тоже одоспешенных.

— Почему не оставил ты повозку свою в форте? — спросила я оглянувшись.

Яркий дом яшраги выглядел несколько нелепо, из-за него железный караван казался особенно мрачным.

— А что ей сделается? — ответил Малкир, забираясь на лошадь первым и перехватывая поводья у Ганна.

— А если опрокинется?

— Попрошу сделать новую.

Действительно... Тем не менее нарядная повозка ехала в центре каравана, как и все самые ценные товары. Сундучкам яшраги, может быть, тоже ничего не сделается, сломайся или перевернись повозка, но кто будет их собирать на Тёмном Тракте? На Тракте не останавливаются: не останавливаются, не возвращаются за ранеными, за сбитыми повозками, за товаром. Они так остаются лежать на дороге и её обочинах, если не получается быстро и без риска для каравана всё подобрать. Даже если это люди. По обыкновению впереди колонны едет как минимум один фераген или иллиген и расчищает путь в случае необходимости. Иногда получается и что-то вернуть. Но просто чудо, что Тёмный Тракт при таких-то издержках и трудностях не забросили. Одна постройка его — ещё большее чудо.

Когда я взобралась на скакуна, повозки позади чуть замедлились, позволяя нам перейти в левый фланг колонны. Все люди Малкира, кроме возниц, ехали теперь по обеим сторонам от обоза. Да и сами возницы хорошо вооружились и надели доспехи.

— Держись по возможности ближе ко мне, — сказал Малкир. — В перемётных суммах слева дымовые шашки, справа — слепящие гранаты.

Впереди показались каменные колонны, обозначающие начало моста. Над ними реяли стяги Королевства людей.

В обе стороны от дороги простиралась огромная Тёмная река. Восточная граница Чащ из-за которых она и получила своё название. Казалось, караван едет прямо в неё. Насколько хватало взгляда, впереди была лишь вода.

Мы ещё не въехали на мост, а моё сознание уже нырнуло в глубокую реку, и я не стала его возвращать. «К морю, — журчала мне вода, — в океан...»

Колонны оказались громадами в несколько моих ростов. Под стать мосту! По нему могло проехать десять-двенадцать трактовых повозок в ряд. Если не все пятнадцать. Но больше ширины моста поражала его длина. Полчаса на то, чтобы проехать по нему! Даже больше! И это притом, что кони на мосту поднимаются в бодрую рысь!

Первые повозки въехали на мост, и через пару минут весь караван ехал над рекой.

Сколько же воды...

— Ты прям как Капо, — усмехнулся Малкир, ехавший слева от меня.

— Что?

— Он тоже глупо улыбается, когда едет через мост.

Глупо улыбаюсь? Неудивительно. Присутствие водяной бездны окрыляло... Да все иллигены будут ехать здесь, как умалишённые! Полчаса я наслаждалась ощущением бесконечной силы. Такая мощь и так близко... Я вытянула руку, поднимая волну поперёк течения. Зима, а Тёмная река не замёрзла. Берега, конечно, сковало льдом, но посередине она была свободна. Сжав кулак, я превратила волну в ледяные клыки. Жаль, река будет далеко, когда мы встретим Тварей.

Через полчаса нас обдало запахом хмари, хотя караван ещё не съехал с моста. Сердце защемило — вспомнилась далёкая волчья лощина. Что там делает Бесшумные Лапки?..

Внезапно меня сдёрнуло с лошади. В глазах заплескали искры. Водяные плети?!

— Капо, назад! — Крик Малкира показался совсем далёким.

Как дышать... В ушах стучало сердце, в глазах темнело. Меня сейчас придушат... Я брыкалась как могла, пыталась разорвать силу, удерживавшую воду, но нападавший иллиген был сильнее. Предки, он же сзади! Отвлечь его хоть чем-нибудь. Ледяные копыта полетели назад, но кто бы это ни был, он перехватил контроль над водой.

Внезапно земля прошла волной, и плети, наконец, распались. Кто-то рывком поставил меня на ноги.

— Брат живьём!

Кто это кричал? Я накинула на себя щит. Чьи-то руки дёрнули меня в сторону.

— К повозкам её!

И тут я увидела нападавших. От обманчиво тонких и высоких фигур внутри всё застыло льдом. Эльфы...

Но люди Малкира, хоть и застигнутые врасплох, уже одолевали их. Кончилось всё, прежде чем я успела сообразить что-то ещё.

— Какой идиот опять придумал напасть на трактовый отряд? — сказал один из мужчин, стоявших вокруг меня.

Малкир оглядел своих людей.

— Потери? — прокричал он, сплёвывая кровь.

Неужели ранен?

На земле лежали тела. Какие-то — людей, какие-то — эльфов. К Малкиру обратился

незнакомый мне внушительного вида мужчина. Шлема на нём не было, половину лица залила кровь из глубокого пореза на лбу.

— Какой Твари, Малкир? Нам ещё с Лесом ссориться не хватало.

Сердце сжалось. Вряд ли никто не догадался, что это из-за меня. И уж точно, никто не в восторге от нападения.

Малкир нахмурился.

— Не сейчас, Сири, — коротко ответил он и взглянул на меня. — Ты как?

Я просто кивнула. Послышался голос Капо:

— Чем дольше мы стоим...

— Ещё немного, — ответил Малкир, оглядывая место боя.

Предки, ведь нельзя останавливаться! Пусть Тварей сейчас нет, но они могут появиться в любой момент.

— Двенадцать наших, — сообщил подошедший Айнар. — И семеро их.

Малкир сначала осмотрел своих погибших людей. Сказал несколько простых, но искренних слов благодарности. Потом земля задрожала, разверзлась — и нехитрые похороны закончились.

Из эльфов в живых осталось лишь восемь. Капо, в бою заковавший их в лёд, превратил его обратно в воду, и сейчас вымокшие насквозь эльфы выглядели жалкими. Их усадили кучкой и бдительно следили, чтобы не шевелились.

Я смотрела на сородичей. Был ли кто-то из них в том подземелье? На доспехах, видимых частях одежды не было никаких вышивок или знаков, которые помогли бы определить, чьему дому служат эти эльфы. Малкир тоже внимательно оглядывал пленных, будто старался запомнить лица. Наверное, и мне следует...

— Вы вмешались в дело Светлого Леса, — заговорил один, видимо, командир отряда. — Она преступница и должна быть арестована.

Что?!

Малкир хмыкнул.

— Странное место вы выбрали для задержания, да и способ, если на то пошло. Не похоже на официальное мероприятие.

— Я не собираюсь обсуждать дела Леса с человеком, который по шею в крови.

— Значит, знаешь, кто я. И что делаю с теми, кто нападает на мои караваны.

— Свои дешёвые трюки оставь людям, — ответил говоривший эльф и презрительно скривился.

— Дёшево, зато эффективно. Ну, — Малкир похрустел пальцами, — выясним, что дороже сыну Леса: руки, ноги...

— Нет! — вырвалось у меня.

Никаких пыток. Даже думать об этом не могу. Да и... Такое Светлый Лес вряд ли оставит без внимания.

— Тебе нужны сведения? Разве нет? — спросил Малкир, взглянув на меня.

— Только не так.

— По-другому они вряд ли заговорят.

— Нет!

Малкир смотрел на меня, подняв одну бровь.

— Они-то делали с тобой всякое. Думаешь, не заслужили?

— Нет! Не простит Лес такое.

— Да как он узнает?

Хочет убить всех?

— Нет! Не надо пыток.

Малкир перевёл взгляд вниз, и я, посмотрев туда же, увидела, что трясущейся правой рукой потираю левую, которая тоже дрожала. Предки... Я постаралась успокоиться.

Малкир вздохнул. Разочарован?

— Ну, думаю, Светлый Лес уже меня не оставит. А вообще... Не похоже, будто дело обстоит так, как ты утверждаешь, — сказал он командиру эльфийского отряда. — В любом случае времени возиться с вами нет. Я забираю пять жизней за своих убитых и одну за нападение на Тракте. Двоих оставлю здесь, и пусть поступают, как знают. Капо, в воду всех, кроме этого и вот этого. — Малкир ткнул пальцем в эльфов, сидевших с краю.

— Вы не имеете права! — воскликнул их командир. — Лес...

Пинок под дых прервал его слова.

— А вы, значит, имеете? — сказал Малкир и ударил эльфа мечом по шее.

С остальными приговорёнными Капо расправился быстро, и вскоре их тела плыли по реке. Вода унесёт их в море... Может быть, оставшиеся в живых что-то сделают, но вряд ли они вдвоём смогут вернуть столько тел домой.

Предки, нет, это неправильно... Даже если они последние ублюдки.

— Дети Леса должны покоиться в лесу, — сказала я.

— Аирос, женщина! — Малкир, кажется, разозлился. — Может, ты тогда сама их и доставишь в свой Светлый Лес?

— Нет, просто... Пусть твой фераген укроет их землёй здесь. Тёмные Чащи — это тоже лес.

Я даже не надеялась, что жестокий торговец послушает меня, но он приказал Капо достать тела из реки, и через несколько секунд они исчезли в разверзшейся земле.

— Довольна? — тихо спросил Малкир.

Когда я кивнула, он неожиданно громким голосом прокричал:

— По коням.

До меня вдруг донеслась эльфийская речь:

— Пусть Сердце леса укроет тебя, дочь моего народа.

Я хотела было ответить такой же традиционной фразой, но не смогла. Говоривший выразил так одобрение моему поступку, но я не могла сделать этого для него. Для всего их отряда.

— Я услышала тебя, сын моего народа.

— Ты слишком добрая, Молчунья, — прошептал Малкир, подсаживая меня на коня.

Может быть. Я постаралась выкинуть из головы образы казнённых сородичей. В конце концов, они сами заслужили. Заслужили ведь?

Повозки вновь покатали сквозь мрачные Чащи. Лес, казалось, угрожающе нависал над караваном, хотя по обе стороны от дороги, такой же широкой как мост, на довольно большом расстоянии ничего не росло. Был только снег. И тени от деревьев на нём. Причудливые, зловещие, тени будто извивались, тянулись к дороге, чтобы утешить в лес тех, кто осмелился ехать через него. Кое-где под снегом угадывались очертания искорёженных повозок, колёс, изломанных сундуков. Взгляд вдруг выхватил чёрный остроконечный шлем. Рядом с ним неприятно желтел череп. Редкость — Твари обычно утаскивают тела в чащу.

Впереди сверкнула вспышка — кто-то кинул слепящую гранату — и вскоре мы

проехали мимо древесника. Ещё маленького, но способного повалить трактового тяжеловоза. Существо, состоявшее, казалось, лишь из веток и листьев, тряслось, ослеплённое яркой вспышкой.

От разгорячённых коней клубами валил пар. Стало холоднее, а может, так казалось из-за гнетущей лесной тени. Даже разговаривать не хотелось. Да и делать это в грохоте железных колёс, стуке копыт и звоне брони было непросто.

Раздался рёв. Между деревьев проскользнула крылатая тень и взметнулась вверх, но её тут же настигло ледяное копьё. Тварь рухнула вниз. Мантикора, скорее всего.

Так и ехали. Иногда к Тракту вылезали Твари, но генасы в голове колонны быстро расправлялись с ними. Интересно, сколько Тварей вылезит к Тракту во время «недовольства Леса»?

Глава 3. Бремя

6 день 4 месяца 524 года новой эпохи

Вместе с группой следователей прибыл и глава дома Валиссин, которому Арделор приходилась племянницей. Оронаэл Валиссин оказался внушающим благоговение гигантом. Возвышаясь над своей свитой, как могучий кедр среди ясеней, он оглядел просторный зал.

— Пусть Сердце леса укроет тебя, сын моего народа, — сказал он Миррину, сойдя с порталного пьедестала.

Тот ответил такой же традиционной фразой, и Оронаэл поприветствовал Эйсгейра. Разливаться попусту эльфы не стали, от еды отказались и принялись за работу. Первым делом посмотрели то, что раскопал Миррин и... Началось: следователи вызвали на новые допросы всех, кто хоть как-то мог быть причастен к похищению и тех, чья тень упала слишком близко от академии.

Скрыть Иллетель оказалось несложно — о вчерашних обысках из эльфов знал только Миррин. А о запертых в тронном зале и трапезной генасах сказали, будто их привлекли по другому делу. Впрочем, присланные Светлым Лесом следователи не стали слишком ими интересоваться, по крайней мере пока. Но Эйсгейру это всё равно казалось странным, особенно с учётом того, как скрупулёзно подошёл к расследованию Миррин.

Сам он, как только его допросили, ещё раз посетил особняк, где обнаружили тело Иллитее. Нашли её не в самом доме, а в саду под цветочными клумбами. Кто-то из гвардейцев заметил, что розовые кусты высажены чуть криво, хотя всё вокруг было идеально ровным. Так и обнаружили Иллитее. Больше ничего подозрительного там не нашли.

Эйсгейр задавался вопросом, почему «знающие» вообще оставили тело. Разве нет среди них генасов, способных его уничтожить?

— Весь город на ушах, милорд, — сказал Виркнуд, по зову Эйсгейра явившийся в кабинет.

Рыцарь вздохнул. Сначала история с арсеналом, теперь это... Уже и Эвенрат встревожился. Пришлось встретиться с королём: рассказать о произошедшем, заверить, что прикладываются все возможные и невозможные усилия по всем важным и неважным вопросам. Но Эйсгейра всё время мучил свой вопрос: из-за чего в действительности переживает столица? Из-за того, как похищение скажется на дипломатии? Или это может помешать каким-нибудь мутным делам?

— Что-нибудь ещё нашли?

Виркнуд покачал головой.

— Мои парни — нет. И стража тоже вроде ничего не отыскала. Простите, милорд, но это навеивает определённые мысли.

— Какие же?

— Эльфы сами свою леди и выкрали. Вряд ли которые её сейчас ищут, хотя кто их знает.

Эйсгейр снова вздохнул. Уж если шерстяная голова и его деревянность пришли к одинаковым выводам...

— Ладно, пусть они сейчас сами этим занимаются.

— Милорд, но это... Опасно!

— Чем?

— А не пытаются ли вас подставить? Вы же обещали защитить эту эльфийку. Не заявят ли остроухие, дескать, люди совсем озверели, Детей Леса губят? Как бы до худшего не дошло. И из-за меньшего войны начинались. Периам у нас ещё со своими солнцелобыми.

Эйсгейр опять вздохнул и тут же подумал, что в последнее время слишком часто это делает. А Миррин и Виркнуд пугающе единодушны в слишком серьёзных вопросах. И всё это складывается в такое бремя, какое может оказаться не под силу даже рыцарю первого ранга.

— Дальше видно будет, надеюсь. Как продвигается дело с солью?

— Никак, милорд. Я вынюхал полупустой склад в южных доках, ближе к утёсу. Но там уже ничего нет. Только бумага, в которой гремучку хранят.

— А пропавшие?

Виркнуд снова покачал головой.

— Я не нашёл ни своего человека, ни человека Малкира, хотя мне давали его вещи. Вчера дождь прошёл, смыло все следы. Я порыскал, конечно, везде, где они предположительно ходили, но... Ничего.

— В южных доках, говоришь?

— Туда бросили вдвое больше людей прочесать всё. Малкировы прихвостни с городской стражей сейчас рыщут по северной части города.

— А академия?

— Пусто, милорд. Только учебные запасы.

Эйсгейр вспомнил про другое.

— А что там с тюрьмой и ар-вахану, которых забрал Гилрау?

— Почти ничего.

— Почти?

— Выяснили, что через несколько дней после этого Гилрау приехал в Бергнес. Возможно, привёз волчиц туда. Вот и всё. Думаю, теперь только от него самого можно узнать, куда он их дел.

В кабинет постучались: пришёл Эамонд, и Эйсгейр отпустил Виркнуда.

— Есть новости о доме солнца в Бергнесе?

— Пока нет, милорд. Разведчик отчитался, но сам ещё там.

— Чем занимается?

— Прикинулся нищим, попросился делать разную грязную работу за кусок хлеба да лежанку на ночь. Сами знаете, такие места мгновенно кучу подобного люда собирают.

Эйсгейр решил потом наградить разведчика. За усердие и актёрский талант. Убедительно изображать нищих не так просто, как кажется. Да и делать низкую неблагодарную работу — тоже.

— Того подозрительного человека не видели больше?

Эамонд покачал головой.

— Нет. И я отправил ещё одного парня. Как доложили первые разведчики, в этом доме солнца говорят не только на периамском, но и на одном из наречий энуби. Поэтому я послал того, кто знает некоторые.

С языками в Периаме была такая мешанина — кракен утопился бы! Общий, периамский, имперский энуби, неимперский энуби, доимперский энуби...

— Следующие донесения через неделю. Но при необходимости, конечно, могут быть и раньше. Кстати, милорд, насчёт того разговора во дворце. Мы решили, третьим был граф Дайен. Не надо ли точно в этом убедиться?

Эйсгейр потарабанил пальцами по столу. Это следовало проверить давно, но никак не представлялось случая. Можно, конечно, заявиться прямо в замок к Дайену: «Ну-ка, граф, скажите что-нибудь». Но бред же...

— Ты клонишь к чему-то отпределённому, Эамонд?

— Камердинер Торддин говорил, вы уже пропустили четыре приглашения на разные приёмы. Признаться, он, скорее, жаловался, ведь ему приходится от имени милорда придумывать извинения. Завтра будет вечер в Королевской академии. Может, вам стоит появиться там? Граф Дайен не должен пропустить этот приём. Я не стал бы предлагать, милорд, но тот разговор в королевском дворце слышали только вы, и никто другой не сможет определить голоса.

Эйсгейр хмыкнул и задумался. Великосветские рауты он не любил — не в последнюю очередь из-за нуднейших правил этикета — и посещал только официальные королевские приёмы и то, что не мог пропустить из соображений вежливости. У него и так океан дел, к чему тратить время на танцельки и зубоскальство с благородными господами! Лишнее бремя. Но Эамонд предлагал недурную идею. Удостовериться, был ли Дайен третьим в той беседе, стоило давно. И лишний раз за Гилрау понаблюдать тоже не помешает.

— Завтра, говоришь? — со вздохом переспросил рыцарь. — Какие там условия?

— О, Торддин расскажет вам это лучше меня, милорд.

Послав за камердинером, Эйсгейр чуть ли не молился: хоть бы приём не оказался маскарадом. Самый нелюбимый вид этих бессмысленных занятий. Но к великому облегчению рыцаря приём в честь основания академии проводился как званый ужин и даже без танцев. Учёные не танцуют!

— Милорду дозволено явиться одному, — сказал Торддин, сообщив, что всем полагалось иметь спутницу или спутника.

Эйсгейр фыркнул. Дозволено, видите ли. Хотелось бы посмотреть, как ему запретят. Ещё он поглядел бы на лицо благородной дамы, получи её супруг «дозволение» явиться на приём без неё.

«Интересно, — подумал рыцарь, — а Нирию пригласили?»

Если да, то компании у неё тоже не имеется. Если нет, то... Она может стать его спутницей. Рыцарь почти не сомневался: никакого приглашения магистр не получила. И ему жутко захотелось показать фигу всем этим снобам. С другой стороны, такой поступок вызовет немало сплетен, которые могут утопить репутацию Нирии... Но ведь поинтересоваться, не желает ли она составить компанию, никто не мешает.

— Ладно, Торддин, уведоми ректора, что я изволю явиться, может, один, а может, и не один, и готовь одежду на завтра, — распорядился Эйсгейр, выслушав правила приёма, которые озвучил камердинер.

У бедного Торддина задёргался глаз. Вообще-то, так не делалось. Ответ на приглашение следовало отправлять не позднее чем за неделю до приёма, и прилежный камердинер уже всё сделал. К тому же полагалось сообщать точно, кто посетит мероприятие. А не вот это «один или не один». Впрочем, перечить своему владыке Торддин не стал и ушёл решать проблемы рыцарской невежливости.

«Утопиться от этих правил можно», — подумал Эйсгейр, отправляя посыльного к Нирии.

Но ради дела придётся потерпеть. А в следующий раз пусть Ормунд напрягается. Или кто-нибудь из других потомков. Представив любимого племянничка танцующим на каком-

нибудь балу, а не размахивающим топором, Эйсгейр улыбнулся.

К его великому удовольствию и не менее великому удивлению Нирия согласилась посетить вечер в академии. От предвкушения вытянутых лиц Эйсгейр даже повеселел. Ух, надавят они господам на благородные мозоли! Да и чего скрывать, хотелось на время оказаться подальше от дворца и тяжёлых размышлений, которые навевало происходящее в нём.

Нирии пришлось сплавать за нарядом во Всесвет, но проблемой это не стало — по слову рыцаря ей предоставили переход порталом.

Платье магистр надела прелестнейшее. Увидев его, камердинер пришёл в ужас: оно не сочеталось с выбранной для Эйсгейра одеждой. Рыцарь поспешил заверить его, что всё в порядке. Появись великий лорд Северных земель и глава Всесвета в подходящих друг другу нарядах, королевство от сплетен просто лопнет. И так лопнет, чего уж там.

Видимо, в умной головке Нирии родились такие же мысли.

— Ничего страшного, господин Торддин, так будет лучше, — сказала она, извиняясь перед камердинером за беспокойство. — Милорд, прекрасно выглядите.

— Не блистательнее вас, миледи.

Нирия действительно смотрелась потрясающе. И судя по всему, собиралась ошеломить почтенную публику. Потому что наряд выбрала весьма смелый. И дерзкий.

Ужин давала Королевская академия, средоточие науки, и дамам запрещалось появляться там с голыми плечами, глубокими декольте и шлейфами на платьях. То есть наряду предписывалось быть условно строгим и приличным, соответствующим статусу заведения. А у Нирии присутствовал и глубокий вырез, и обнажённые плечи... Но поверх основного светло-голубого платья красовалось тончайшее золотистое кружево, по сути — второе прозрачное платье с высоким горлом и длинными рукавами. И стоило оно баснословных денег. Эйсгейр сомневался, что у самой королевы найдётся целое платье из унат-хаарского кружева.

На плечах и груди цветочный узор был совсем ажурным, позволяя Нирии демонстрировать весьма прелестные прелести. Книзу цветов становилось больше. Присобранная по бокам юбка чуть открывала туфельки при ходьбе. Запрет шлейфа подразумевал ровный подол, но буквальная формулировка оставляла лазейку, которую хитрая Нирия не преминула использовать.

Она и соблюла правила, и нарушила.

«Надерзила, ох, надерзила», — чуть улыбаясь, думал Эйсгейр.

И даже пожалел, что Торддин, выбиравший ему одежду, дерзить не умел.

Кроме всего прочего, голубой с золотом наряд Нирии отлично подходил месту мероприятия: в Королевской академии носили плащи и головные уборы похожих цветов.

— Как у миледи получилось так быстро раздобыть столь гениальный наряд?

— Я схитрила, милорд, — шепнула Нирия, поднимаясь на порталный пьедестал. — Кружево от другого платья. А подол подшили вчера вечером.

Эйсгейр заулыбался ещё сильнее. Ну не прелесть ли эта женщина? Других спрятанных в одежде намёков Эйсгейр разглядеть не мог, но это пусть дамы догадываются, чего там им решила высказать бывшая простолюдинка.

Как и ожидалось, когда Эйсгейр с Нирией появились в порталном зале академии, встречавший всех Гилрау Лаэрдэт замер, выпучив глаза. Жена ректора совсем уж

неприлично застыла с открытым ртом. Рыцарь мог только гадать, вызвано это нарядом Нирии или её прибытием. Впрочем, Гилрау с супругой быстро спохватились. Привычно расшаркиваясь, они глядели то на декольте спутницы Эйсгейра, то на подол её платья, решая, приемлем ли такой наряд, но, видимо, сочли, что приемлем.

«Вот же ты, медузья слизь!» — подумал рыцарь, улыбнувшись ректору и обменявшись приветствиями с ним и его женой.

Ведя Нирию к их месту за огромным столом, Эйсгейр залюбовался своей спутницей. Та прямо светила от того, какое впечатление ей удалось произвести. Да что уж там. Затмила всех. Если трюк с подолом пришёл в голову и другим женщинам, то вот «недекольте» и «неголые» плечи были только у Нирии.

На щеках у неё проступили озорные ямочки. А ещё она очаровательно забавно морщила нос, когда смеялась или улыбалась.

«Совсем как Эльвейг», — подумал Эйсгейр, и мысль эта была не о женщине, которая умерла тридцать лет назад.

Нирия заметила его взгляд и улыбнулась, при этом слегка покраснев.

Голос второго собеседника Шелана в королевском дворце мгновенно отвлек Эйсгейра от созерцания красавицы. Это оказался не граф Дайен. Рыцарь смотрел и не мог поверить своим глазам.

Брат королевы.

Глава 4. Великий защитник

После не очень долгих споров и обсуждений отряд двинулся к дольмену. Выбрали путь через самого огромного древесника — Мильхэ пообещала завалить его быстро и бесшумно, хотя никто даже не представлял, как она собралась это сделать.

Они шли, и ведьма тихо направляла их. Фар подумал: а не отслеживает ли она лозы-плети? О таких умениях он не слышал, но почему бы и нет? Например, с помощью воды. Должна же быть в древесниках вода.

Наконец отряд оказался на дороге, по которой Фар пробежал пару часов назад. Прямо там, где она поворачивала на восток к уже не существовавшему орочьему селению, и сидел древесник.

— Они даже такие огромные бывают? — прошептал Рейт, вытаращившись на чащобного великана.

— Мы все трупы, — еле выдавил из себя Геррет, глядя на Мильхэ, — если твой план провалится.

И ведь они даже плана её не знали! Всё-таки доверяли ей больше, чем сами это осознавали. Ледяная ведьма пробурчала, что не провалится, но Фару показалось, в ней уже нет прежней уверенности.

— Стоим здесь, — скомандовала Мильхэ, — дальше ни шагу, пока не скажу.

Из ледяной глыбы, которую тащила за ними Ирма, вытянулись водяные плети и вошли прямо в землю. Через четверть часа Мильхэ заговорила снова.

— Геррет, передвинь круг тишины на древесника.

Когда тот выполнил просьбу и кивнул, на лице Мильхэ отразилось напряжение. В этот самый момент чудище вздрогнуло, выдернуло плети, попыталось подняться, но не смогло. Под ним виднелся лёд — кажется, древесника проткнуло копьё из-под земли. Он дёргался, шевелил лапами... И ничего, кроме шелеста деревьев, не было слышно.

Ледяная ведьма невнятно ругнулась, и Тварь задёргалась ещё сильнее.

— Ой-ёй, к нам гости, — прошептал Рейт. — Мильхэ, поторопись...

Парочка жнецов, пробежавших рядом, увидела незваных двуногих. Твари зафыркали, опустили головы и ринулись на отряд. По утрамбованной, сухой земле дороги их копыта стучали оглушительно громко. Близнецы приготовились встретить Тварей мечами, Фар — клыками и когтями, Геррет — огненным шаром. Но это будет так шумно, что проснётся весь лес, и вместе с ним — их смерть. И они ждали...

Древесник взмахнул плетями, тускло блеснула вода — и тело монстра прошило насквозь ледяными лезвиями. Через мгновение они провернулись, Мильхэ с хрипом выдохнула, две лапы древесника беззвучно повалились на землю. А вслед за ними медленно оседал и он сам.

Жнецам сразу стало не до двуногих. Они бросились к древеснику и... Лес словно сошёл с ума. Со всех сторон к свежему источнику целебной смолы сбегались-слетались-сползались Твари и прочая живность. Слышался топот копыт, рычание, шелест крыльев. Жнецы, скорпикошки, мантикоры, змееклювы, откуда-то выползли жгучеиглы и...

— В жизни столько сплюшек не видел, — прошептал Рейт.

Верхнюю часть древесника облепили рогосплюшки. Из-за них никто и не ходит в Тёмные Чащи ночью. Между перьями-рожками похожих на сов пичуг проскакивали

крохотные молнии. Увидеть на Тракте сплюшку считалось не к добру. Очень-очень не к добру: где одна, там и целая стая. И вот именно стая означала верную смерть в Чашах. Шутка ли, отбиваться от кровожадных крошек, жаждущих выклевать тебе глаза вместе с лицом, пока твою тушку пытаются покромсать жнецы и расплющить в лепёшку древесники? Да и получать молниями тоже приятного мало. Неудивительно, что ночью в Чащи не суётся даже самый отшибленный чащобный маньяк. Кроме ледяной ведьмы, разумеется.

Мильхэ забрала часть льда и оросила водой древесника с сидящими на нём птицами. Большинство сплюшек попадало. Те, что успели воткнуть клювики в дерево, повисли безжизненными кульками. Это вот так с ними бороться надо?

— Давайте быстрее, — сказала Мильхэ, — пока им не до нас.

Отряд двинулся вперёд. Таиться уже не было смысла, сейчас требовалась скорость.

Где-то скрипели-ревели древесники. Потревоженные толпами животных, собиравшихся к их поверженному собрату, они просыпались и тоже шли к месту чащобной пирушки узнать, в чём дело. Но Мильхэ не зря выбрала самого большого монстра — его тело могло привлечь Тварей, наверное, с расстояния дневного перехода. Обратного хотели идти так же — чуть выждать, закатить лесным жителям званый ужин и проскользнуть к ручью. Только бы опять на полукровок не наткнуться.

Ближе к дольмену пришлось замедлиться. Через минуту отряд и вовсе остановился — все увидели странных Тварей. Мильхэ о таких ничего не знала. Фаргрэн не стал говорить, кто это на самом деле. Разве такое вообще возможно?

Изуродованные волки поднялись, увидев двуногих. Раздалось рычание.

— Как поступим? — прошептал Рейт. — Они же не пропустят нас.

Фар ненадолго стал человеком.

— Я попробую поговорить, — произнёс он, превратился в зверя и вышел вперёд.

Трудно было сказать, как отреагируют на него эти увечные. Обычные волки оборотней не любили. Чували человеческую половину. Могли потерпеть рядом, но в стаю не пускали. Но сейчас перед ним не волки. Фаргрэн надеялся на родство, хотя боялся даже подумать, что это означает.

Безобразные создания дёрнули ушами, потянули воздух носом и попятились назад. Боятся? Фар подошёл ещё ближе. Волки заскулили. Половина их споткнулись и уселись на хвосты. Но один, судя по размерам и запаху самый старший, тьякая, приблизился.

Фаргрэн почти не понимал его. Если это оборотень, то ему должно быть не меньше пятнадцати лет, но речь у него невнятная, как у двухлетки.

— Брат.

Из всего бормотания Фар смог разобрать только это. Всё остальное было сигналами-звуками о боли. А от того, что произнёс другой волк помладше, у него чуть не остановилось сердце:

— Мама.

Фаргрэн сам почти сел себе на хвост, вмиг забыв и о напарниках, и о том, что им нужно попасть в дольмен. Что хотят сказать ему эти несчастные? Где мама? Кто мама? Чья мама?

Но поговорить им не дали.

За спиной громко проревел древесник. Ему тут же начал вторить ещё один. Резкий свист — и позади дрогнула земля от вмазавшей по ней плети.

Оборотни оскалились, готовясь атаковать. Фаргрэн прыжком развернулся и увидел, как приближаются его напарники. Остаться на месте они больше не могли — с той стороны к

дольмену шёл древесник, раздирая воздух скрипом.

Волки прижали уши, показали острые клыки, лапы их напряглись. Осталось прыгнуть и...

Короткий рык Фаргрена остановил их. Но только на мгновение. Фару пришлось рыкнуть ещё раз. Обратни недоумённо заскулили и завывали.

— Защищать, — просигналил ему самый старший.

В следующее мгновение земля опять содрогнулась. Где-то на востоке раздался новый треск, а потом ещё и ещё.

— Надо быстрее уходить внутрь, — сказала Мильхэ.

Оборотни рычали и рвали землю когтями.

— Защищать, — в исступлении хрипел старший.

— Защищать, — поддакивал ему волк у входа в дольмен.

— Зяс-сять, — пропищал совсем тоненький голосок, и Фар вздрогнул: сколько лет этой девчонке?

Снова просвистели плети — древесник не изволил ждать, пока господа наёмники примут решение. Бежать было некуда, только внутрь дольмена. Но путь туда преграждали волки.

Фаргрэн рывкнул, вкладывая в голос приказ, — по праву самого старшего, самого сильного. Он отчаянно надеялся, что волки послушаются: не время выяснять, кто действительно самый сильный. Да и не хотелось выяснять. Не в этот раз.

Плети впечатались в землю, выдирая из неё чёрные комья. Камни дольмена затряслись и заскрежетали. Волки разом обернулись.

— Мама, — проскулил один из младших оборотней.

Фаргрэн рывкнул снова, приказывая не трогать своих напарников. Потом, по какому-то наитию добавил, что тоже будет защищать. И оборотни отступились. Взгляды их дружелюбными не были, но нападать на двуногих они не стали.

По знаку Фара все поспешили к дольмену. Когда на землю одновременно обрушились четыре плети, камни сильно затряслись.

— Нельзя внутрь, — крикнул Геррет останавливаясь. — Рухнет же. Надо разобраться с Тварями.

Наконец показался древесник. Он хлестнул несколькими плетями сразу: по дольмену, по земле, по волкам и двуногим. Все бросились врассыпную. Но следом тут же ударили другие плети, и один из волков попал под них. Во все стороны брызнули ошмётки шкуры и кровь.

Загрохотали гранаты, распуская чёрный дым.

— Только не слепящие, — крикнула Мильхэ, оглянувшись на волков. — Скажи им, пусть не суются в дым.

Фаргрэн прорычал команду, но засомневался, что её поймут.

«Лучше держать их подальше от всех», — подумал он и позвал оборотней за собой к древесникам, приближавшимся с южной стороны.

Пошли не все. Трое волков осталось у входа в дольмен, отказавшись оставлять свой пост.

Первый древесник прошёл сквозь ядовитый дым и чуть замедлился, но рядом было уже двое других.

Близнецы отошли ближе к дольмену и принялись шпиговать Тварей параличками. Пусть

действует плохо, но даст лишние секунды. Геррет смог оторвать одному древеснику нижние конечности, и тот с треском повалился на землю.

Фаргрэн попытался на слух определить, сколько древесников собирается к дольмену.

Много.

Их пришлёпнут за несколько вздохов, даже с учётом неожиданного подкрепления. И управлять подкреплением Фар не мог. Волки отказывались уходить от дольмена — не понимали, что надо отойти, чтобы защитить, кого бы там они ни защищали. А древесники били издалека.

«Нас же просто размажут по камням», — подумал Фаргрэн, принимая отчаянное решение.

Он метнулся к напарникам, обращаясь человеком.

— Все внутрь. Укрепи стены льдом, — прорычал Фар ледяной ведьме. — Гер, поставь щит на вход. Самый сильный. Быстрее.

Они не поняли, почему так надо, но послушались.

— Что бы ни случилось, никто не должен выходить, — сказал он, глядя в глаза Мильхэ.

Всезнающая ведьма должна понять.

Когда на входе в дольмен замерцал щит, Фаргрэн перекинулся и прыжком отскочил подальше. От очередного удара плетей каменные стены затряслись, но устояли.

Убедившись, что напарники и сестра в безопасности, Фар перестал сдерживать зверя внутри, и взгляд его заволокла кроваво-красная пелена.

— Предки... — выдохнула Мильхэ, глядя, как и без того большой волк стремительно растёт, превращаясь в огромное чудовище.

Чёрная шерсть осталась только на спине и лбу, уступив место белой. Лапы стали мощнее и толще, на суставах появились острые костяные наросты, будто огромных когтей было недостаточно. Встав на задние лапы, преобразившийся оборотень разодрал древесника так легко, будто это был маленький кролик, а не дерево.

Они смотрели во все глаза, и никто не заметил, как Ирма охнула и мешком повалилась на пол.

— Что он... такое? — прошептал Лорин.

— Гэн-аннадайр, — сказала Мильхэ тихо и медленно, ещё не опомнившись от удивления. — «Великий защитник» на языке оборотней. Такие рождаются редко. И в племени не может быть больше одного одновременно.

Некоторое время они заворожённо смотрели, как чудовище-оборотень разрывает зубами и когтями Тварей, облепивших его со всех сторон.

— Сраный пепел, — ругнулся Геррет, — и он ходил с нами всё это время? Вот этот вот...

— Он не опасен, пока не превратится. А в этой форме безумен и убивает всех, кто попадётся на глаза или кого почует, кроме собственного племени. Поэтому и заставил нас спрятаться.

— Разве Фар не ар-вахану? — спросил Рейт. — Как у него может быть племя?

Странные волки-Твари тоже атаквали древесников, следуя примеру чудовища. Мильхэ посмотрела на них и...

— Предки, это... Если он принимает их за своих, то...

— Сраный пепел...

Геррет тоже понял: волки-Твари вовсе не Твари. И не волки. А оборотни. Родственники Фаргрена. Насколько близкие? Кто сотворил такое с разумными существами?

Раздался стон, и все наконец обратили внимание, что Ирма лежит на холодных каменных плитах. Она пришла в себя, села, и её взгляд упал на мохнатое чудище, как раз вырвавшее лапу древеснику.

— Это оно, я... Я помню... — Ирма будто не могла вдохнуть. — Это оно... Маму...

Она всхлипывала, но продолжала смотреть не в силах отвести глаз.

— Теперь всё понятно, — пробормотала Мильхэ, садясь рядом.

Одной рукой она приобняла Ирму, другой — сняла мешок с плеча и начала копать в нём.

— О чём ты? — спросил Геррет.

— А ты не думал? Маленькие оборотни способны убить одного, максимум двух человек, но чтобы всю семью... — Мильхэ покачала головой.

Достав какую-то склянку, она открыла её, и шарик снадобья влетел в рот Ирме, бившейся в истерике.

— Не совсем маленький ведь он был... — пробормотал Геррет.

— Мне кажется, их завалят, — сказал Лорин, внимательно наблюдавший за боем. — Тварей слишком много. Или он неуязвим?

— Уязвим, — Мильхэ прищурилась, оценивая происходящее. — Надо помочь.

— А потом попасть ему в когти? — хмыкнул Геррет.

— Не будем вылезать отсюда. Бить только издалека, — предложил Рейт. — Может, отвлечём часть Тварей.

— Ну ладно, — Геррет вскинул кулак, создавая огненный шар, — издалека так издалека. Но только он в нашу сторону посмотрит, я пушу в него весь огонь, какой найду в себе.

Глава 5. Белые Башни

Я уже не могла сидеть в седле, которое в начале пути казалось удобным и мягким... Да оно будто деревянное! Сколько ещё ехать? Эта тряска убьёт меня раньше, чем Твари...

— Терпи, — слышался голос Малкира, — Мы почти на середине пути.

Только на середине?! Предки, я не выдержу... Спина ныла, всё тело одеревенело, даже руки стали тяжёлыми. Вы ещё хотите, чтобы я с Тварями сражалась? Малкир спрашивал, дралась ли я с ними... Почему никто не спросил меня про езду верхом?

Пытаясь просто держаться в седле, я почти не замечала, что происходит вокруг. Собственно, почти ничего и не происходило. «Нам везёт» — донеслось как-то от Малкира. Вам-то, может быть, везёт, а мне не очень. Всё тело уже не ныло, а болело... Сколько же ещё мучиться?

Я подняла голову и вдруг позабыла о боли и тряске. С южной стороны высились, будто прорезая мрачный тёмный лес, две белые башни. Они казались... Невероятными, чуть прозрачными, воздушными. Каждую из башен дополняли четыре узкие колонны, по которым вились лозы. Я смотрела во все глаза: как же красиво!

— Приехали, — Малкир махнул рукой, показывая вперёд.

Там возвышался форт, много меньше Восточного. По сравнению с белым чудом он казался неприлично грубым и примитивным. Стены щерились узкими бойницами, из которых выглядывали острия копий. Тяжёлые ворота открывались медленно, но когда первые повозки доехали до них, уже полностью распахнулись. Караван влетел внутрь и остановился.

Как же слезть с этого проклятого коня? Так больно...

— Молчунья, быстрее в повозку, — сказал Малкир, спешиваясь, — Сраный дым! — шёпотом выругался он, увидев, как я двигаюсь, и снял меня с седла. — Эй, Дин, займись караваном! Ганн, нахлобучь на неё капюшон получше и кликни Капо.

Меховая оторочка надвинулась мне чуть ли не до подбородка. Малкир нёс меня, и каждый его шаг отзывался болью. Слышался звук снимаемого засова, и мы оказались в полумраке внутри повозки ящраги. Меня осторожно уложили на кровать.

Слышался голос Капо:

— Раздевай её.

Да отстаньте, дайте просто полежать... Эй, не трогайте штаны!

— Может брыкаться, — усмехнулся целитель, — значит, не всё так плохо. Иллитар, что у неё со спиной?!

Меня окутала прохладная вода, принесла облегчение.

— Да уж, — пробормотал Капо, — завтра в седло вряд ли сядет.

— Аирос, вот я идиот...

— Печку затопи, — сказал Капо, и Малкир вышел.

Да, в повозке холодно. Или так кажется из-за воды, которой меня окутал Капо? Она перекачивалась по телу, разминая одеревеневшие мышцы. Боль в стёртых местах постепенно утихала: это была не просто вода — Капо с чем-то смешал её. Вскоре он накрыл меня одеялом и положил сверху какую-то склянку.

— Вот. Намажешься ещё этим. А мне другими надо заняться. Хотя по сравнению с тобой, у всех просто лёгкая усталость.

Капо ушёл, бормоча что-то о том, какой Малкир дурак. Все дураки! Даже я, ведь тоже про это не подумала.

Вскоре мой спаситель вернулся, принеся дрова.

— Придётся подождать, — сказал он, затапливая печку.

— А эти башни...

— Их зовут Белыми. Всегда там были. — Малкир начал снимать доспех. — По крайней мере, сколько существует Тракт. Строил их твой народ, надо полагать, но, чтобы сказать точно, нужно до башен добраться. А это, насколько я знаю, ещё никому не удавалось.

Зачем он это говорит? Я ведь и так зна... А, ему же неизвестно, что я помню, а что нет. Даже мне самой неизвестно. Почему разные знания остались, а всё о себе — забылось? Я не знаю даже, откуда у меня эти знания.

Ладно, значит, Белые башни так и зовутся Белыми.

Малкир уложил доспехи под кровать и сел рядом со мной. Повертел склянку в руках.

— Капо сказал мазать этим. Я тебе будто сиделка какая-то, а? — Он открыл баночку и понюхал. — Фу-у, почему человеческие снадобья такие противные?

Запах был не очень сильный, но неприятный.

— Начну с ног, — заявила «сиделка», откидывая одеяло. — Не думал, что ты настолько худая. Я, конечно, пересчитал все твои рёбра, но... — он вздохнул и замолчал.

— Жгучелист?! — вырвалось у меня, когда его пальцы коснулись кожи: мазь, казалось, обжигала.

Малкир улыбнулся и продолжил размазывать огонь по голням.

— Завтра не сядешь в седло.

— Да в жизни больше не сяду никогда!

— Это вряд ли... — ответил Малкир со смешком.

— Сто лет не ездила, и сразу такое!

— Сто лет?

Малкир аж изменился в лице. Проклятье!

— Ты ведь ничего не помнишь?

Язык мой — враг мой...

— Спала я... Около сотни лет. Известно мне это.

— «Это я знаю», — с улыбкой поправил Малкир. — Подожди, ты говорила, что проснулась и пошла в Светлый Лес. Ты не была дома сто лет? Как такое возможно?

Предки, он помнит каждое слово?

— Поэтому ты не собиралась возвращаться? Можешь жить не в Лесу?

— Видимо, да...

Малкир замолчал. О чём он думает?

— Перевернёшься на живот? — спросил он, закончив с ногами.

Я кое-как это сделала, и вскоре мазь начала жечь всю спину и поясницу.

— А свою тощую попку намажешь сама, — шепнул Малкир, наклонившись близко-близко, а потом перевернул меня обратно и с усмешкой глядел, как жар заливает мои щёки. — И ты не знаешь, как так вышло? Спала сто лет, ничего не ела, в Лесу не была. И живая.

— Не знаю...

Предписанные медицинские процедуры наконец закончились.

— Скоро тебе должно полегчать. А я схожу в баню, пока ужин готовят. Аирос, у меня

ладони будто горят!

Через какое-то время я почувствовала, как одеревенение проходит. Руки и ноги шевелились гораздо лучше. Да, мазь хоть и пахнет не очень, но действует неплохо. Надо закончить уже... Я открыла склянку, кое-как сдвинула бельё и перевернулась на живот. У-у-у, даже касаться больно! Что, правда, у меня тоща...

— Ух ты! — Малкир вернулся. — Успел на самое интересное, — ухмыльнувшись, сказал он.

— Уйди! — Я прикрылась одеялом, но сделать это так быстро, как хотелось, не вышло.

— Ну уж нет! Повозка моя вообще-то! — Он прошёл внутрь и поставил на столик две тарелки. — Так и быть, отвернусь. Но, может, лучше помочь тебе?

— Нет!

Малкир сел на пол у кровати спиной ко мне. Было видно, как он улыбается. Засранец...

Кое-как закончив и натянув на себя одежду, я выбралась из-под одеяла и попробовала сесть. Ай, всё равно больно! Пусть не так, как раньше, но всё же... Пришлось полулёжа развалиться на подушках.

— Капо сказал, мазь легко убирается водой. Вымой руки, а то забудеешься и потрёшь глаза.

Я призвала воду, и вскоре пальцы перестали гореть.

— Держи. — Малкир сунул мне в руки тарелку. — Кормить тебя с ложки я не буду. — Его, кажется, всё это уже забавляло. — И так слишком много с тобой нянчусь, вместо того чтобы... — он не закончил и коварно улыбнулся.

— Чтобы что?

— Если я договорю, ты умрёшь от смущения, — опять ухмыльнулся он.

Предки...

— Можно мне только внутри сидеть? — спросила я, уткнув взгляд в тарелку.

— А ты хочешь ходить?

Ну да...

— Посмотрим, может, посидишь потом снаружи.

Пусть и медленно, но я проглотила всё, что было в тарелке. Вкусно. Кто это готовил?

Через пару часов тело уже не болело при малейшем движении, хотя по-прежнему казалось деревянным. Малкир вывел меня наружу, предварительно укутав так, чтобы никто не увидел моего лица. Ходить совсем прямо я не могла, и он не особенно боялся, что рост выдаст, кто я такая. Сбагрив меня на попечение Ганну, Малкир ушёл по своим караванным делам.

Форт, показавшийся мне небольшим, в действительности был огромным. Пусть, конечно, не как Восточный, но внутри достаточно места для колонны длиной в сотню трактовых повозок. А может, и больше. Обманчивое впечатление складывалось из-за формы крепости: она будто растянулась вдоль дороги, и благодаря этому повозки, на скорости влетающие в форт, успевали замедлиться и съехать вбок.

Внутри стены крепости опоясывали этажи с лестницами и площадками. На них стояли огромные стреломёты, заряженные стрелами с древком в толщину копья. Их острия я и видела в бойницах. Под полукруглой крышей висели стяги с белыми башнями на чёрном поле. Гравировка с похожим рисунком красовалась на панцирях фортовых солдат. Знаком Восточного форта был мост и река. А у Змеиной Бочки тогда что? Змееклюв? И кажется, раньше не было таких знаков. Появились вместе с Королевством людей?

Мимо пробежала улыбающаяся светловолосая женщина.

— Капо! — Она обняла целителя.

— Айла... — прохрипел полузадушенный иллиген.

— Это его сестра, — сказал Ганн, заметив мой взгляд. — Замужем за фортовым.

Как они живут здесь? Внутри всё такое уныло. Даже в Чащах веселее... Тёмные стены из каменного дуба, серые постройки, суровые лица. Ни кустика, ни цветочка. Впрочем, сейчас ведь зима. По углам крепости виднелись голые ветви. Всё-таки растёт у них здесь что-то?

Я направилась туда. Из промёрзшей земли выглядывали пожухлая трава и чёрные прутья, отбрасывая в свете факелов странные тени. Даже непонятно, какие это растения. Я с трудом опустилась на колени.

— Тебе плохо? — встревожился Ганн. — Малкир, Капо!

Нет, мне не плохо. Я потянулась к земле. Она не холодная, а...

Послышался тихий гул.

— Что это? — голос Капо донёсся будто издалека.

Гул приближался. Внезапно из земли вырвались корни и обвили мои ладони.

— Молчунья!

Сильные руки схватили меня за плечи и дёрнули назад.

Нет! Мне это нужно! Я вырвалась, оставив в руках Малкира плащ, и припала к земле. Корни быстро окутывали меня, наполняя успокаивающим теплом. Через несколько секунд боль и усталость отступили. В лодыжке закололо, я ощутила, как осколки кости встают на место. А потом у ладоней распустилась нежная белая чашечка с синими бусинками в ней. Милихалиэны! Эти цветы называются милихалиэны!

Корни опали и втянулись обратно в землю, которая снова стала безжизненной и холодной. На секунду меня охватила грусть, но я чувствовала себя сильной, свежей, будто заново родившейся. Ни ломоты от долгой скачки, ни боли в изломанных руках... Как хорошо!

Я встала и оглянулась, чтобы найти Ганна.

Отовсюду на меня глазели ошеломлённые люди.

Глава 6. Польза светских приёмов

7 день 4 месяца 524 года новой эпохи

Брат королевы! Родной! Выходит, с Шеланом тогда разговаривали ректор и королевский шурин, граф Кетел. Как так вышло, что его голоса Эйсгейр не слышал на том приёме?

И какая выгода Кетелу от этой мутной игры? Корона? Кетел наследовал власть над Озёрным краем, который, как и Мирар, Таэрим и Алинас, был когда-то отдельным королевством. По мнению Эйсгейра, всё это уже тянуло на государственную измену. Но только если король ни при чём. Так как в этом случае нет никакой измены, а есть официальный политический курс, пусть и в виде заговора. Но это чтобы эльфы не всполошились раньше срока.

Но если Анмар в деле, чего такого он наобещал вассалам, убедив их пойти против сильного Светлого Леса? Эльфийские богатства? Новые земельные наделы? Тайны остроухих технологий и науки? Озёрному краю, например, не помешали бы способы освоения заболоченных пространств. Эльфы ими делиться не спешили. Рыцарь знал о них только потому, что Светлый Лес просил у него разрешения провести исследования на юго-западе Северных земель. Но это как-то... Мелко.

— Милорд. — Нирия легонько сжала его локоть.

— Простите, миледи, я задумался об осушении болот.

— Великий лорд Арнау, — сказала магистр, улыбаясь не рыцарю, а светловолосому мужчине в расшитой золотом одежде.

— С такой спутницей я бы сам себя не замечал, — усмехнулся лорд Алинаса, отвешивая поклон, — а ты думаешь о болотах.

— И ты здесь, Арнау? А где Лайя?

— Ушла пудрить нос, — ответил Арнау. — Или мозги своим подружкам.

Настроение у южного лорда было, кажется, преотличным. И с чего это он решил отбросить великосветскую вежливость, да ещё и тыкает? Не потому ли, что его супруги не наблюдалось в пределах видимости?

Взгляд Арнау то и дело устремлялся в декольте Нирии. Видимо, пользовался случаем, пока мог. Впрочем, не устремляться туда было сложно.

— Великий герцог Рене, — хором сказали все трое, приветствуя подошедшего мужчину.

«Кажется, кто-то собирает свои сливки», — подумал Эйсгейр, глядя, как магистр куртуазно общается с герцогом и его сыном.

— Можно тебя отвлечь от этого прелестного декольте на минуту? — тихо сказал Арнау, уводя Эйсгейра подальше.

Они одновременно улыбнулись Нирии, которая на миг обернулась посмотреть на них, а потом продолжила любезничать со своими собеседниками. Рыцарь услышал, как Рене, герцог Междуречья, стал рассказывать об успехах сына.

— Да её пытаются сосватать, — усмехнулся Арнау, который тоже не мог не услышать этого. — Не мелковата ли сваталка?

Сыну Рене было всего-то семнадцать лет. А Нирии — уже за тридцать.

— Что хотел, Арнау? — проговорил Эйсгейр, слегка кланяясь кому-то, кого он даже не сразу узнал.

— Сущую мелочь, — сказал тот, ослепительно улыбнувшись. — Не мог бы ты принять

мою семью на время?

Вот так мелочь!

— Какого кракена?

— Что-то происходит. — Арнау снова расплылся в улыбке и отвесил кому-то поклон, и рыцарю пришлось повторить за ним. — И у меня ощущение, будто я проморгал всё на свете.

— Говори быстрее. И тише.

— Гилрау зачастил в Бергнес. И в Мирар. Мне это не нравится. Надеюсь, не надо объяснять почему.

Вот и Арнау в игре. Только, похоже, он ещё не знает, в какой именно, и думает, будто всё вертится вокруг вопроса о том, кто должен быть великим лордом Алинаса.

Эйсгейру вспомнился Шелан. А что если...

— Почему бы тебе не поговорить с герцогом Мирарским?

Арнау рассмеялся, будто рыцарь отмочил какую-то шутку.

— Что я могу предложить, если его уже купили свободой от Алинаса? — сказал он, широко улыбаясь.

— Даже если уже купили, поговорить стоит. Но будь умнее.

— Прежде чем говорить, я хочу обезопасить семью. Мне плевать, если я потеряю титул, земли или даже жизнь. Жена и дети мне важнее. Лайя идёт, — вдруг сказал он и махнул своей леди рукой. — Я заплачу за любое поместье, если нужно. Что угодно, пока буду разбира... Дорогая, зачем ты покидаешь меня так надолго?

— О, милорд! — воскликнула Лайя, увидев рыцаря. — Вы почтили своим присутствием сегодняшнее мероприятие! Это, безусловно, великая честь.

Пока она щебетала вежливости, рыцарь наблюдал за Арнау. Тот улыбался, то глядя на жену, то кланяясь разным господам, но в его голубых глазах плескалась тень.

«Океан-отец... Кракена на вас всех», — подумал Эйсгейр, принимая решение.

— Миледи, — обратился он к Лайе, — мне пришла в голову мысль, что я никогда не видел вас в Эйсстурме. Не хотите ли посмотреть, как живут на севере? Ваша дочь — иллиген, ей должен понравиться главный храм Иллитара, и, скажу честно, мы будем весьма рады, если она выберет Северную академию, когда придёт время учиться.

Лайя расцвела словно маргаритки, вышитые на её платье.

— Милорд, это... Это потрясающее предложение. — Она посмотрела на мужа, и взгляд её был просящим. — Мы ведь, правда, никогда не ездили на север.

Арнау, улыбаясь, кивнул. Сначала жене, а потом, чуть посерьёзнев, рыцарю.

— И смею вас заверить, миледи, — продолжил Эйсгейр, — вам не придётся утруждать себя ни прислугой, ни охраной. Эйсстурм примет вас по высшему разряду.

— Это так заманчиво, милорд, я... я просто не знаю, что сказать. Но боюсь, принимать решения и улаживать формальности не мне, — прошептала Лайя, беря мужа под руку.

— Уладим, — ответил Арнау, давая Эйсгейру понять, что понял условия.

Если он хочет безопасности для своей семьи, её обеспечат. Но пускать лишних солдат и непроверенных людей, возможных лазутчиков, рыцарь не собирался. У него и так полно змей да крыс...

Лайя тем временем сменила тему:

— Уже видели, с кем пришёл граф Кетел? О, госпожа Нирия!

При виде дерзкого наряда главы Всесвета, которая наконец отделалась от своих собеседников, глаза Лайи распахнулись, а носик чуть дрогнул от негодования. Кто-кто, а

леди Алинаса правила соблюдала неукоснительно — от и до. Арнау поспешил увести супругу после коротких, но необходимых проявлений вежливости.

— Еле отвязалась от герцога, — шепнула Нирия Эйсгейру. — Он никак не мог найти свои глаза у меня в декольте!

— Простите, миледи, — чуть рассмеялся Эйсгейр и позволил себе вольность, — но если вы надеваете такое платье, надо быть готовой к этому.

— Я готова, просто герцог пялился совсем уж неприлично, — почти фыркнула Нирия. Увидеть, кто явился с братом королевы на приём, они не успели.

«Кракен меня сожри, надо было сначала узнать, придёт ли он!» — мелькнуло у Эйсгейра в мыслях, прежде чем Тунор ринулся к ним, размахивая тростью.

— Ах ты отмороженный, — визжал старик, брызжа слюной.

«Ладно, маскарад в отношении себя...»

— Сам явился, так ещё и...

«... я потерплю...»

— ... эту шлюху приволок.

Нет. Оскорблять женщину вот так прилюдно в высшей степени непозволительно. Даже если она простолюдинка. Даже если отобрала у тебя целый город.

Эйсгейр загородил Нирию от Тунора и схватил занесённую трость. Вряд ли, конечно, хорёк собирался кого-то бить, но маскарад следовало поддержать. Хотя нет: рыцарь просто разозлился.

— Милорд, милорд, ах, что же вы, не надо! — затараторила спутница Тунора, вставая между Эйсгейром и стариком. — Отец, прошу, успокойтесь, — говорила она уже хорьку, — пойдёмте, не нужно. Ну как же так, отец, люди смотрят...

Она что-то шептала Тунору, пока Эйсгейр и тот бешено переглядывались. Через полминуты хорёк позволил себя увести.

Рыцарь повернулся к Нирии. Та явно погрузилась.

— Миледи, если хотите, мы уйдём.

Господа и дамы перешёптывались, ходили по залу, снова перешёптывались, косясь то на Тунора, то на Эйсгейра с Нирией. Вот же будет сплетен после этого вечера!

— Госпожа Нирия, — раздалось рядом щебетание Лайи, — ах, этот... эти... Это в высшей степени безобразно. Мне даже самой стыдно!

Пока жена Арнау успокаивала оскорблённую и расстроенную Нирию, рыцарь осматривался по сторонам. Брата королевы он пока не заметил. Через минуту к ним подошла спутница Тунора, в которой Эйсгейр наконец узнал младшую невестку хорька.

— Великий лорд Эйсгейр, от имени Зандерата я приношу извинения. Простите, — вздохнула она, — чем его милость старше, тем труднее с ним справляться.

Рыцарь заметил крохотный белый уголок в её правой руке. Платок?

— Кто должен решать, принимать извинения или нет, миледи, — запальчиво высказалась Лайя, — так это госпожа Нирия.

Арнау, оказавшийся тут как тут, сжал локоток супруги.

— Я принимаю извинения, — вздохнула Нирия.

Она, впрочем, не повеселела ни на каплю. Тут Лайя снова вставила гневное слово, проигнорировав сигналы Арнау и высказав резкое мнение о Туноре.

— Полноте, миледи, — остановила её магистр, — не надо разжигать этот глупый скандал ещё больше.

— Госпожа Нирия, не передать словами, как я ценю ваше великодушие. Вы совершенно правы, — тоже вздыхала невестка Тунора. — И простите меня лично. Это моя ошибка. Я не удосужилась узнать заранее, что вы и лорд Эйсгейр будете здесь.

— Если леди Нирия считает конфликт исчерпанным, — примирительно заявил Эйсгейр, — то и я так считаю. Миледи, мне очень жаль, что и вам вечер испортили, — сказал он, целуя невестке хорька руку.

В его ладони оказался клочок бумаги.

— Вы слишком добры, милорд, — сказала та и присела в реверансе. — Прошу извинить, мне следует покинуть вас, иначе его милость решит, будто я уже союзы заключаю от его имени.

Рыцарь с трудом не закатил глаза. Союзы заключаем, значит. Эти светские приёмы, кажется, не совсем бесполезны. Лишний повод не любить их ещё больше. Зато удалось получить поддержку Арнау в обмен на безопасность его семьи, хотя ещё неизвестно, какую поддержку тот сможет оказать, да и сможет ли вообще. Выяснился третий неизвестный. Нирия, кажется, тоже получила пользу в виде Лайи, которую поведение Тунора возмутило сильнее, чем дерзкий наряд магистра.

Теперь Эйсгейр хотел найти уже брата королевы, но к Нирии стали подходить дамы и господа, говорить утешительные вежливости, в ответ на которые та рассыпалась в благодарностях. Это казалось самым противным, ведь в сочувствии никакого сочувствия не имелось. Поделом ей, грязной селянке и низкой женщине! Даже королевский указ о даровании Нирии титула самой высокой степени вряд ли бы исправил такое отношение. Да и что надо ей сделать, чтобы такой указ заслужить?

Туно со своим маскарадом был тем не менее искреннее всех собравшихся: если он и не любит Нирию, то за отобранный Всесвет, а не за кровь не того цвета. Ну, и Лайя, известная своей добротой. Не подойди она, супруга великого лорда, к Нирии, никто бы этого не сделал. Но раз Лайя выразила сочувствие, то и тем, кто статусом ниже, положено сделать это.

Рыцарь негодуя ждал, когда всё это кончится. Идти в одиночку расшаркиваться с Кетелом ему не хотелось. Нирия прекрасно отвлекала внимание и отводила глаза собеседникам куда надо — в декольте! А Эйсгей в это время мог наблюдать. На миг ему стало капельку совестно: без спроса пользуется своей спутницей будто куклой. Но как не пользоваться такими прелестями?

— Великий лорд Эйсгейр, — поклонился ему Кетел, косясь на эти самые прелести.

Эйсгейр улыбнулся, и начался раздражающий обмен вежливостями. Рыцарю казалось, что от улыбок ему скоро сведёт челюсти, скулы и всё лицо. И мозги.

— Не представите ли нам вашего друга, граф Кетел?

Друг — не молодой, но ещё не пожилой мужчина в скромной просторной мантии — выглядел несколько потерянно и шурился, будто его только что выдернули из тени на свет. Вырвиглазный блеск зала, видимо, его ослепил. Да и лампы горели очень ярко.

Эйсгейр заметил, как Нирия посмотрела на спутника Кетела. Сочувствует, наверное. Нелегко им, простым рыбкам, среди благородных акул. Хоть глава Всесвета давно не была прямо уж простой, акулы-то этого не признавали.

— Это господин Тирмиани из Периама, милорд.

«Какое интересное имя, — удивился рыцарь: он немного знал периамский. — "Бремя", надо же».

— Под его руководством учёные-генасы из Ордена Жизни ведут исследования в Имперской академии.

«А не такая уж и простая рыбка...» — хмыкнул про себя Эйсгейр: Имперская академия, существовавшая ещё со времён Периамской империи была одним из старейших учебных заведений на Иалоне. А бы кому вести исследования в ней не позволяли.

— Собственно, в Имперской академии мы и познакомились два года назад.

«Два года, кракен меня сожри... — мысленно простонал рыцарь. — Мы пробулькали два года!»

Масштабы катастрофы ширились с каждым словом Кетела:

— Признаться, я никогда особо не интересовался ни религией, ни наукой. Но господин Тирмиани побудил меня задуматься. Ознакомившись с исследованиями, которыми занимаются в Имперской академии, я решил посмотреть, какие есть в нашей Королевской академии. И в итоге мы с её величеством королевой Танелой сочли необходимым поддержать некоторые из них. Так что, если бы не брат Тирмиани, меня сейчас не было бы здесь. Вот я и пригласил его насладиться вместе с нами этим знаменательным вечером. Тем более, господин Тирмиани любезно согласился остаться на какое-то время в столице — нам с её величеством показалось, что мы ещё многое не знаем и нуждаемся в научном советнике.

Вот и приплыли. Нет, Эйсгейр давно подозревал причастность Ордена Жизни к этой мутной игре с убийством эльфийского короля. Но чтобы вот так... Да Кетел почти признался, что без пяти минут солнцелобый.

Вернувшись в Эйсстурм и попросившись с Нирией, Эйсгейр вызвал Виркнуда. Был поздно, но главе разведчиков нормальный сон мог только... сниться. Глава разведчиков же.

Самому рыцарю пришлось выкинуть из головы явный намёк Нирии на продолжение вечера более приятное, чем сам вечер. Прощаясь, она осмелилась чмокнуть его в щёку и прижалась к нему куда теснее и дольше, чем требовали приличия.

Но зов прелестей Эйсгейр отверг даже не из-за ехидного взгляда Утреда: терять голову от женщины после трёх относительно близких встреч, да ещё и в смутное время? Так точно можно голову потерять, но в куда более неприятном смысле.

Поэтому Эйсгейр прошептал своей спутнице нежные извинения и попросил Утреда перенести её в особняк, который магистр сняла на время продаж своих штучек. Нирия заметно расстроилась, и рыцарь решил отправить ей подарок. Ох уж эти женщины!

— Куда делись сыновья Тунора? — спросил Эйсгейр, как только увидел Ярла Мурмярла на пороге кабинета.

— Старший вроде заявил, будто устал и не хочет заниматься политикой, милорд, — сказал появившийся следом за котом Виркнуд. — Живёт уединённо в своём поместье.

— А младший?

— Младший в Зандерате при отце, но тоже особо ничем не интересуется. Иногда выползает из своего крыла побыть сусликом на официальных приёмах или аудиенциях. Младшая невестка теперь правая рука хорька. Ходит за ним, как тень. И большая часть дел на ней и её детях.

— Пусть ребята разведают, что у них там стряслось. На, глянь-ка.

Виркнуд взял листок, который Эйсгейр получил от тени Тунора, и хмыкнул:

— Это что за художества, милорд?

Рыцарь уже посмотрел и разгадал каракули, будто нарисованные ребёнком не старше

пяти лет. Сверху красовались большие перечёркнутые буквы «Бс», меч с красными кляксами под ним, и снова буквы «Бс» с восклицательным знаком рядом.

— «Бс»? Если это Бергнес, то... герцога Бергнеса убили?

— Король умер, да здравствует король, — проговорил Эйсгейр кивая. — Только вместо короля подставить герцога Бергнеса.

— Но ведь он болел...

— Пусть наши там поосновательнее порыскают. Не мог ли Гилрау сам эдакое сострять? Если да, то не будет ли он стряпать ещё, чтобы стать единственным законным наследником Бергнеса. А там и Алинаса...

— Откуда эта записулька, милорд?

— Тень хорька дала. Смотри дальше.

Виркнуд хмурился, глядя на ребус: корона с жёлтым солнцем внутри, под короной три голубые кляксы.

— Если кляксы — Озёрный край, то мне это совсем не нравится, милорд.

— Мне тоже, — вздохнул рыцарь, — и если бы я сегодня не видел то, что видел, то не поверил бы.

— Подтверждение, что королева Танела связана с Орденом Жизни или солнцелобыми? Каким образом?

— Да самым простым. Угадай, кого привёл её братец, граф Кетел, на приём сегодня? Шишку из Ордена Жизни. Учёного орденского, по его словам.

— Но с чего вы взяли...

— Кетел называл его господином Тирмиани. Но пару раз оговорился, сказав «брат». Так ведь они в Ордене Жизни друг к другу обращаются? Да ещё он ляпнул, дескать, этот Тирмиани — их с королевой научный советник. — Эйсгейр покачал головой и вздохнул. — И теперь получается, у нас не государственная измена — у нас политика такая!

— Я думаю, милорд, может быть и другое.

— Что же?

— Они могут использовать королеву. Танела религиозна, часто ходит в храмы стихий поклониться Богине жизни. Если она подвержена внушению, то орден половину дел может делать через неё. Король её очень любит, это все знают. А любовь часто ослепляет. Может статься, он вообще не в курсе, какие дела за его спиной проворачивают. Молод же.

Эйсгейр только вздохнул. Что хуже: король, сознательно ведущий свою страну в пучину войны, или король, не ведающий, куда всё плывёт?

— Ладно, гляди на последнее...

Виркнуд посмотрел на самый нижний ребус: большая буква «З», знак сложения и три голубые кляксы.

— Тунор хочет себе Озёрный край?

— Совсем хорёк оборзел, правда?

Глава 7. Уверенность

Я сидела в полумраке повозки. После случившегося Малкир буквально запихал меня внутрь и ушёл. Что они там делают?

Наконец он вернулся.

— Ну и задала же ты нам хлопот, Молчунья.

Весь форт видел меня. Только слепой бы не понял, кто я.

— Идём. Командующий хочет с тобой поговорить.

Когда мы вышли во двор крепости, все высypали поглазеть.

— Многие из них никогда не видели эльфа, — шепнул Малкир, — ещё и на Тёмном Тракте. Фортовые хотели развернуть караван обратно. Нам сюда, — он пропустил меня в дверь какого-то здания.

Командующий фортом оказался суровым на вид мужчиной с проседью в тёмных волосах. Он кивком поздоровался со мной.

— Малкир, поди вон.

Нет-нет-нет! Я схватила Малкира за руку, и тот остановился.

— Тебе ничего не сделают, — тихо сказал он. — Я буду за дверью.

Без него, да ещё и не в повозке, я почувствовала себя беззащитной. К горлу подступил ком.

— Присядьте, госпожа. — Командующий кивнул на стул рядом со мной и продолжил говорить, когда я села. — Малкир мне такого наплёл, я даже не знаю, как ему верить. Поэтому ответьте мне вы: зачем вам в Периам?

Предки... Что Малкир ему наговорил? Почему мне ничего не сказал, пока мы шли? Предупредил бы хоть...

Командующий молча ждал моего ответа.

— Не... Я не еду в Периам, — наконец сказала я, не придумав ничего лучше.

— Вот как?

— Собираюсь уйти с Тракта после Змеиной Бочки.

— В Тёмные Чащи?

— Да, нужно мне в Тёмные Чащи.

Бредово звучит, правда? Командующий хмыкнул.

— С владельцем каравана у меня договор на услугу. Малкир выполняет свою часть сделки.

— Доставить вас в Чащи? Умереть хотите?

— Может, и так, — я старалась, чтобы голос не дрожал, и даже вздёрнула голову, — какое до этого дело вам?

— Есть много куда более простых способов свести счёты с жизнью. Да и... зачем ехать чуть ли не до Западного форта?

И что мне ещё сказать-то?

— Изве... Я знаю, что делаю, господин командующий. — Я постаралась говорить правильнее. — Если развернёте караван, я покину Тракт сразу, как выйду из форта. А Малкир приедет сюда снова, время потеряв, и, вероятно, весьма, людей.

— А причём здесь яашраги?

— Уговор у меня с ними. И попросили они его. Иначе он не взял бы меня ни за какую

плату.

Предки, моя полуложь хоть немного похожа на то, что говорил Малкир?!

— А чего это вы делали с теми кустами?

— Лечилась.

Командующий помолчал.

— Малкир! — вдруг громко позвал он.

Тот сразу же вошёл: и правда, стоял за дверью...

— Я отправлю с вами людей убедиться, что ты не везёшь её в Периам. Если она не уйдёт, её возьмут под защиту в Западном форте и приведут обратно с другим караваном.

Малкир кивнул и потянул меня к выходу.

— Разве есть законы, эльфам запрещающие ездить в Периам? — спросила я у Малкира, когда мы оказались в повозке. — Ну, поехал эльф туда по желанию своему, кому какое дело?

— Законов таких нет, но... Учитывая, что там эльфов почти сразу арестовывают, их перестали пропускать. Точнее, арестовывали: эльфы лет сорок не ездят в Периам. Там кучу законов понаделали и потихоньку заставили ваш народ убраться оттуда. Ну и солнцелобые там разгулялись ещё.

Видимо, на лице у меня отразилось непонимание, и он пояснил:

— Орден Жизни. Ты что... Ах да, проспала сто лет.

Орден Жизни?

— Что сказал ты ему?

— Правду. Почти, — Малкир говорил и взбивал подушки на постели. — Уж вряд ли бы у тебя получилось соврать. Что ящраги попросили позаботиться о тебе, поэтому я согласился везти тебя в Чащи. А о странных штуках, которые ты творила здесь, понятия не имею. Кстати, что это было?

— Сама толком не знаю. Знаю только, эти корни... лечат меня.

— Ясно. Значит, спишь сегодня на полу, — усмехнулся Малкир, расправившись с последней подушкой. — Меня ведь корни не лечили, я устал, потому забираю свою кровать обратно. — Он подошёл ко мне и коснулся спины. — Жаль, что ящраги-массаж тебе больше не нужен.

Исчезли ли шрамы?

— Малкир, — я повернулась и приподняла блузку сзади, — шрамы остались?

— Вся твоя спина — один сплошной шрам, Молчунья. Если и стало лучше, то я не вижу. Может, для этого нужно больше времени? — сказал он, опуская блузку.

Его руки проскользнули вперёд, охватывая мою талию. Сейчас прижмёт к себе и...

— Аирос, спи на кровати! — выпалил Малкир и ушёл, хлопнув дверью.

И вернулся только утром.

— Раз тут знают про тебя... — начал говорить он с порога и нахмурился, увидев, как я выползаю из-под одеяла на полу. — Почему не спала на кровати?

— Думала, вернёшься, — ответила я, вставая и поправляя одежду.

— Ясно. А теперь иди-ка своими прекрасными ножками за завтраком. Сама.

— Малкир. — Я ухватила его за руку, когда он собрался уходить. — Вчера сказал ты «может, нужно больше времени». Время нужно мне. Не только для шрамов.

— Я всё понимаю, Молчунья, но разве у тебя будет это время в Чащах? — Он ласково провёл пальцами по моей щеке. Потом хитро прищурился. — Хоть я всё понимаю, но это не значит, будто мне не хочется сделать всё то, что я делаю с тобой в голове. Аирос, ты так

смешно краснеешь! — Он засмеялся и вытолкнул меня из повозки. — Иди ешь.

Предки, вот же озабоченный...

Кухня оказалась на открытом воздухе. Если, конечно, не считать того, что была она под крышей форта. У большого, исходящего паром котла стояла сестра Капо. Кажется, Айла? Она приветливо улыбнулась и налила в чашку горячей похлёбки.

— Капо сказал, повар из их каравана ушёл, а Малыш готовит не очень. Держи, это, небось, повкуснее будет.

А сказал ли Капо, как именно и куда ушёл их повар? Ох, лучше об этом не думать. И кто такой Малыш?

Ничего не говоря, я уселась на один из деревянных чурбаков — вот вам и столовая — рядом с котлом. Завтрак оказался сытным и вкусным. Да... Гораздо лучше. Видимо, и ужин накануне готовила Айла.

— Капо ещё вчера весь вечер талдычил, что Малкира будто подменили, — сказала она и подмигнула. — Ворчал, дескать, одна синеглазка его погубит.

Вот женских разговоров мне ещё не хватало...

— Они все заметили. Кому-то всё равно, кому-то нет, но все сходятся на том, что последние несколько дней он сам не свой. — Айла лукаво улыбнулась. — Малкир, в общем-то, хороший, хоть его иногда и немного заносит.

Заносит? О чём она? Вырезать без разбору весь залив, убивать и калечить людей за малейшую кражу или за то, что Малкир сочтёт посягательством на его собственность, — это называется «немного заносит»? Или другое?

Видимо, что-то такое отразилось на моём лице.

— Он спас всех нас, — неожиданно серьёзно проговорила Айла. — И меня, и Капо тоже. Большая часть его караванов — люди, которых он спас. В Ортхире и после.

Рабы. В том заливе Малкир освобождал рабов. Его люди...

— Думала, все наёмники, — пробормотала я, отправляя ложку в рот.

— Караваны Малкира, наверное, единственные, хозяину которых нет необходимости брать много наёмников. Нужно, конечно, но в основном это его собственные люди.

Хм, а что сказал бы Малкир, услышав, как Айла назвала бывших рабов его собственными людьми? Но ладно, понятно, что она имела в виду.

— Многие сами захотели остаться с ним. Ну а я... — Голос её снова стал весёлым и беззаботным. — Меня охмурил высокий, статный воин с белоснежной улыбкой и увёз сюда.

— И Капо отпустил?

— А как бы он запретил? — рассмеявшись, спросила Айла. — Ругался, конечно, долго, но смирился. И вообще, сам вечно таскается тенью за Малкиром по Тракту, а это куда опаснее, чем в форте сидеть.

— Как здесь живёте вы?

— Непросто, но справляемся. — Айла лучезарно улыбалась всем, разливая горячий завтрак. — Продовольствие и всё необходимое доставляют из Зандерата. А нам остаётся только следить за конями, повозками и защищать форт.

Словно в подтверждение её слов пальнул один из стреломётов, потом второй, третий, и солдаты рядом с ними радостно заулюлюкали — Тварь убили.

Я снова посмотрела на сестру Капо. Ей было не больше двадцати пяти лет, и она, кажется, полная противоположность хмурому иллигену. И, наверное, знать не знает, что творится в караване Малкира, когда того «немного заносит». Внезапно Айла снова

подмигнула, и через несколько секунд ко мне подсел он сам, уже облачённый в доспехи.

— Плащ бросать на дороге? — тихо спросил Малкир. — Мне кажется, больше нет смысла. Фортовые будут нас сопровождать. Если кому-то захочется выяснить, когда и где ты ушла, он с лёгкостью это узнает.

— Ничем не грозит это тебе? — спросила я вздохнув.

— Не думаю. А ты по-прежнему думаешь, что уйти в Чащи — это самый лучший вариант?

— А куда идти мне?

— Остайся здесь, подожди меня. Поживёшь у Айлы, я договорюсь.

— А если сюда заявятся люди из всесветского магистрата или эльфы? Найдут меня, потребуют выдать, как преступницу. Кого, говоришь, я там обчистила? Они же не отстанут от меня.

Это точно. И скорее всего, Главный Гад больше не будет полагаться на один магистрат — они уже меня упустили. Понадобится — отправит и эльфов, и наёмников-людей. Почему только из Всесвета меня не забрали сразу? Это было, наверное, самым странным во всём моём побеге.

Малкир хмурился и молчал.

— Нет, пути назад уже нет. — Я вздохнула. — Ждать тебя здесь тоже не могу. Да и... Что, по-твоему, мне делать в твоём караване? Сидеть в повозке и ждать тебя в постели? — Слова вылетели быстрее, чем я успела подумать.

Он странно взглянул на меня. Наверное, ничего не имеет против этого.

— Не могу, Малкир, — прошептала я. — Просто... не могу.

— А я просто не хочу, чтобы ты погибла.

— Не погибну.

— С чего ты это взяла, а?! — неожиданно зло сказал он.

Я и сама не знаю... Почему-то Чащи меня не пугают. Потому что долго жила с волками? Но ведь мне не нужно жить именно в Чащах. Просто буду поближе и прятаться в них в случае опасности.

— Знаешь, Молчунья, ты стала гораздо живее, после того как выговорила. Может, тебе не нужно оставаться одной? — Малкир встал. — Выезжаем, через полчаса.

Глава 8. Бабочка

8 день 4 месяца 524 года новой эпохи

— Ненавидишь Малкира за то, что твой отряд напал на его обоз?! Ты в своём уме?

Они сидели в кабинете Миррина. Наконец им обоим выпала свободная минутка, и теперь Эйсгейр слушал то, что потребовал рассказать. Конечно, предварительно поставив круг тишины.

— Да, они защищались! Но зачем убивать шестерых?!

— Убитого за убитого, как сказал Малкир. И ещё одного за... Океан-отец, Миррин, нападение на Тракте, это же... Да тебя за это всё королевство распнёт, даже убей ты Мясника! Что вообще твой отряд мог сделать? Малкир — один из лучших среди тех, кто ездит по Тракту.

— Я не приказывал вступать в бой. Просто захватить женщину и сразу уйти. Кто же знал, что этот ублюдок остановит караван и начнёт драться! Никто не останавливается на Тракте!

Эйсгейр вздохнул. Как ни крути, расчёт Миррина был верен, если бы не этот ушлый торговец: встать на Тракте ради одной эльфийки — уму непостижимо!

— Может, он сделал это потому, что темени не было, да и в самом начале всё произошло... — пробормотал рыцарь и вздохнул. — Как ты узнал о женщине?

— Таэриса убили у всесветского портала. В общем... Двое свидетелей рассказали про какую-то женщину, она осталась с Таэрисом наедине на несколько минут. Хозяин дома провёл расследование, но ничего и никого не нашёл. Другие следователи — тоже. Но мне удалось выяснить, что были раненые. Причём их ранили способом, похожим на тот, каким убили Таэриса. Вонзили в позвоночник иглы или нечто подобное.

— Так может, и Таэриса не хотели убивать? В чьём доме это произошло?

Миррин не ответил, и Эйсгейр понял: не может — это значило бы рассказать о местонахождении портала. Как минимум.

— Почему ты решил, будто та женщина прошла через портал?

— Я послал разведчиков во Всесвет, сразу, как только смог. Там стража искала эльфийку. Но в магистрате этого не подтвердили. — Миррин помолчал. — Её искал кто-то ещё. Мои солдаты слышали, как в караване Мясника разговаривали о нападении из-за эльфийки. А ещё эти мелкотравчатые поймали разведчика Леса, но не моего. Кто-то ещё послал отряд за этой женщиной. Подозреваю, что хозяин дома, где произошло убийство. Он ведь тоже не сразу начал расследование.

— Почему?

— По причине «нечто» в королевском дворце.

— Океан-отец, всё-таки восемь раз, — вздохнул Эйсгейр, — а я думал, тогда тебя срочно вызвали в Тал-Гилас из-за убийства Таэриса.

— Да, восемь. Из-за этого прошло почти двое суток, прежде чем я послал разведчиков.

— И за эти годы больше ничего не удалось выяснить?

Миррин покачал головой. Когда он ответил, брови Эйсгейра полезли на лоб.

— Она, вроде как, ушла в Чащи.

— Это же... Самоубийство.

— Угу... Но об этом болтали, наверное, во всех фортах: что Малкир провёз эльфийку по

Тракту, да там и оставил. Гниль мелкотравчатая...

Эйсгейр откинулся в кресле и потёр лоб. Дикая история. Одна стычка на Тракте чего стоила.

— Уж за восемь то лет ты мог бы рассказать...

Дверь внезапно открылась. Миррин убрал круг тишины.

— Прошу прощения, виркай, ваше высочество, — обратился к ним подчинённый Миррина. — Виркай Валиссин хочет встречи. Я долго стучался, но вы не открывали.

— Пригласи его, — ответил Миррин, и тот вышел. — Извините, милорд.

— Я понял, — сказал Эйсгейр вставая.

У самой двери он вдруг услышал тихое:

— Прости меня, Эйс. Я не должен был...

— Ваше высочество, — прервал его звучный голос Оронаэла, — я не против вашего присутствия.

Глава дома Валиссин прошёл внутрь — для этого ему пришлось пригнуться, чтобы не удариться о притолоку, — и огляделся. Миррин предпочитал во всём простую элегантность. Вычурные узоры, насыщенные цвета и сложные инкрустации противоречили его эстетическим чувствам. Поэтому Оронаэл в роскошных одеждах жёлтых оттенков своего клана, казался ярким пятном в светлом, почти безликом пространстве.

— Кто из нас поставит круг тишины? — осведомился он.

Миррин пожал плечами, а Эйсгейр промолчал, опасаясь ненароком нарушить какое-нибудь неизвестное ему правило вежливости.

— Милорд, не будете ли любезны? — попросил Оронаэл.

Пока Эйсгейр навёл защиту, тот устроился в кресле, в котором только что сидел рыцарь, поэтому ему пришлось занять другое.

— Виркай дома Тавеллан, я задам вопрос, который покажется необычным, — начал Оронаэл. — Что вы слышали о том, как ведётся назначенными советом следователями второе дело, касающееся пропажи Иллитее, служанки Арделор Валиссин? И что лично виркай дома Тавеллан думает о похищении Арделор Валиссин?

От витиевато-официального языка Оронаэла и кракен утопился бы.

— Я не слышал, занимаются ли следователи пропажей Иллитее, виркай дома Валиссин, — ответил Миррин. — Касательно же дела ле...

— И вы не находите это необычным? — не слишком вежливо перебил посла Оронаэл. — А вы, ваше высочество? Наблюдатели ничего вам не рассказывали?

Рыцарь хмыкнул. Эльфы не могли не заметить, как люди следят за ними, но Эйсгейр не мог не отдать такой приказ: и чтобы быть в курсе, и чтобы гости не переусердствовали. Как Миррин.

— Мои люди тоже ничего не говорили о том, как ведётся дело Иллит...

«Милорд, нашли! — прожурчал голос Ротьофа у него в голове. — Леди Валиссин нашли!»

— Живую? — Эйсгейр даже не заметил, как сказал это и вслух.

Оронаэл и Миррин одновременно подскочили как ошпаренные.

«Да, живую. Одрин переносит её во дворец. Утред и я — остальных».

Эйсгейр отправил себя и двух своих собеседников на первый этаж как раз в тот момент, когда там появились рыцари с эльфами. Но не Одрин. Дети Леса тут же переполошились, обнаружив, что Арделор с ними нет.

«Одрин, где вы?» — позвал Эйсгейр.

«На втором этаже. Она вряд ли хочет быть среди множества мужчин».

«Океан-отец...» — только и смог подумать рыцарь, заподозрив, что имела в виду Одрин.

— Виркай Валиссин, виркай Тавеллан, — обратился Эйсгейр к эльфам, которые взирали на него полубезумными глазами, — идёмте со мной. Арделор во дворце, этажом выше.

Рыцарь перелился с ними к дверям комнаты, где находилась Одрин и Арделор. Миррин хотел войти следом за Оронаэлом, но Эйсгейр удержал его. Послышалось тихое «дядя» и плач. Одрин вышла из комнаты и закрыла дверь. Эйсгейр мог поклясться: он никогда не видел жену Утреда настолько... Штормовой.

— Что там было? — спросил Миррин.

Одрин долго молчала, прежде чем ответить.

— Леди Валиссин и... Четверо мужчин. Точнее, трое. Один уже был труп. Милорд, её насильовали.

От этих слов Миррин мгновенно пришёл в ярость.

— Расскажи нормально!

— Эльфы обыскивали порт и доки. Потом начали обыскивать кварталы рядом. Её нашли в ближайшем к докам здании. Похитители пытались бежать. Это всё, что я видела.

— Как ты поняла, что её... — голос Миррина сбился, и он недоговорил.

— Одежда, состояние... Очевидно. Кто её будет допрашивать, милорд? Все следователи — мужчины.

Светлый Лес разрешил привлечь Одрин. Она говорила с Арделор, а следователи слушали всё в комнате рядом. После этого глава дома Валиссин запретил всем, кроме служанок Арделор, подходить к ней, и попросил Одрин охранять их.

Ближе к вечеру Оронаэл пришёл к Эйсгейру в кабинет. Там был и Миррин.

— Дом Валиссин хочет покинуть Эйсстурм. Следователи уйдут чуть позже, по окончании допросов преступников и завершении всех процедур. Мы не станем предъявлять великому лорду Северных земель и дому Тавеллан никаких обвинений.

«Но не Королевству людей?» — обеспокоился рыцарь.

— Твари чащобные, — вдруг выругался Оронаэл и положил на стол листы бумаги. — Посмотри её показания сейчас, Тавеллан.

— Я не могу, это против правил.

А Эйсгейр решил, раз уж он находится здесь и видит эти бумаги, то может и прочитать их. Рыцарь медленно вытянул руку, но никто ничего не сказал, и он придвинул листы к себе.

По словам Арделор, в ночь похищения она уже спала, когда кто-то проник в её комнату. Соппротивление — а леди Валиссин была весьма способным иллигеном — подавили, вколдовали что-то, из-за чего она утратила силы. По её мнению, похитители воспользовались илллаталом.

«Это что ещё за дрянь?» — подумал рыцарь.

Как смогла вспомнить Арделор, неизвестные появились в одном из углов комнаты.

Днём, когда она это сказала, группу эльфов тут же отправили в академию проверять всё снова. И о результатах проверки рыцарь уже знал: в толстой стене оказался каменный дуб. Точнее, тоннель из тонких дощечек. Сделали его искусно, зазоры между дощечками были мизерными. С такими почувствовать лишние элементы ферагенам было трудно, ведь

каменный дуб не поддаётся генакскому воздействию. А тоннель ещё и заполнили камнем. И никто ничего — а здание проверяли несколько раз в день, не только комнаты Арделор, — не заметил.

И щиты, которыми окружали этаж леди Валиссин, этот тоннель не затрагивали. Любой фераген смог бы пробраться к началу тоннеля, которое находилось там, где не было ни эльфийской защиты, ни стражей. Так Арделор и украли: обезвредили, усыпили и протащили сквозь стены. И подготовили всё это заранее.

Рыцарь вздохнул и продолжил читать.

Четверо мужчин, которые находились в доме вместе с Арделор, заявили ей, что ждут выкупа. Один из них успел изнасиловать её дважды, прежде чем Арделор, обнаружившая в себе каплю силы, не убила его крохотным ледяным лезвием в глаз, когда негодяй снова вознамерился воспользоваться беспомощной женщиной. После этого её сильно избили, но больше не трогали.

На шестой день в доме появился кто-то ещё и сказал, что требование о выкупе доставлено, обсудил с сообщниками разные мелочи и ушёл. Больше Арделор, сидевшая в отдельной комнате в компании трупа, ничего слышала.

По словам Одрин и Утреда, эльфы норовили голыми руками расправиться с похитителями, пытавшимися сбежать. И растерзали бы, не будь у них приказа брать всех живьём. Опытные солдаты — и так отреагировали на случившееся с их леди...

Пока Эйсгейр читал, Оронаэл и Миррин молчали. Как только рыцарь отложил показания в сторону, виркай Валиссин снова заговорил:

— Посмотри и ты, Тавеллан! Это не могли быть люди! Неужели не подозрительно: ты искал мою Лори целую неделю, а следователи пришли и сделали всё меньше, чем за два дня?

Миррин ничего не ответил на этот явно риторический вопрос.

— И невозможное требование о выкупе! Такое могли попросить только невежи, не знающие, что из себя представляет смола древесника. Но невежи не смогли бы и похитить Лори. Всё это было для отвода глаз!

— Что ты собираешься делать? — спросил наконец Миррин.

— На сторону тех, кто хочет войны, я не встану, если ты об этом. Но выскажу всё в совете! Я не идиот, Тавеллан. И знаю, для чего это всё.

— О чём ты?

— Не строй из себя дурачка. Кому-то нужно моё влияние или хотя бы бездействие. Я собираюсь узнать кому. И, клянусь кровью короля, я доберусь до всех, кто бы это ни был: Первый, Второй или кто-то ещё.

— Эмиэль не мог...

— Так думаешь ты. И я надеюсь, так оно и есть. Но даже Первый советник мог подстроить это, чтобы я, подумав на его противников, выбрал его сторону.

— Твари чащобные, Валиссин, не перегибай палку!

— Скажи это тем, кто сотворил такое, — Оронаэл кивнул на бумажки, — с моей дочерью, Тавеллан!

Эйсгейр видел, как плохо держит себя в руках Оронаэл, говоря о своей племяннице. Он глубоко вздохнул, прежде чем снова заговорить.

— Похищение хорошо продумали, но всё равно... Лори не дура. Да, капризная, но не дура. Она уверена... Твари чащобные, прочитай! Ей вкололи иллалат!

Миррин не говорил ни слова.

— Или ты, Тавеллан, думаешь, люди избрели иллалат или нечто похожее? Где же тогда они брали подопыт... — Оронаэл резко замолчал.

— Предки, — выдохнул Миррин, — ты придумал аргумент для сторонников войны!

Повисла звенящая тишина.

— Может, кто-нибудь расскажет мне про иллалат? — спросил Эйсгейр, пользуясь тем, что оба эльфа молчат.

— Жидкий вариант атала, — бросил Оронаэл.

Рыцарь хмыкнул: объяснение требовало объяснений.

— Вы не знаете? — спросил глава дома Валиссин и посмотрел на Миррина. — Ты ему не рассказывал?

Увидев, как тот отрицательно мотнул головой, Оронаэл явно удивился и несколько мгновений молчал.

— Предки, Тавеллан, что он вообще знает?

— Только то, о чём сам догадался.

Эйсгейр вздохнул: эти двое сидят и разговаривают так, будто его сейчас здесь нет. Причём его деревянность самую чуточку, но кривит душой.

— Но... Я был уверен — ты всё рассказываешь.

— Ты был уверен, что я совершил государственную измену? — съязвил Миррин.

Оронаэл долго молчал.

— Я не ожидал такого, дитя, — сказал он наконец.

Во взгляде главы дома Валиссин было столько уважения, что Эйсгейр удивился несоответствию слов и этого взгляда.

— Атал не позволяет генасам использовать силу, ваше высочество, — сказал Оронаэл рыцарю. — Это ошейник из особого материала. Сломать его невозможно, и тот, на кого его надели, сам снять ошейник не может. Его используют в судебно-исполнительных процедурах. Иллалат, как я уже сказал, жидкий вариант атала, вводящийся в кровь и действующий временно.

Пока Оронаэл говорил это, Миррин побелел, потом покраснел, затем снова побелел и, в конце концов, обмяк.

— Это... государственная измена, — прошептал он.

— Так ли, дитя? — Оронаэл пристально взглянул на шестисотлетнее «дитя», а потом продолжил говорить с рыцарем: — Жидкий атал не может действовать на людей или других двуногих, точно так же как на эльфов. Поэтому если люди придумали нечто похожее по свойствам, то им требовались Дети Леса в качестве подопытных.

По мнению Эйсгейра, показания и догадки Арделор всё равно не позволяли с полной уверенностью обвинить в похищении Детей Леса. Похитителей с пристрастием допросили и допрашивали до сих пор, но уже стало ясно: не они сами это организовали. Арделор утверждала, будто тем неизвестным, который приходил в дом, был эльф. На эту мысль её навела манера речи. А вот трое бандитов такими тонкими знаниями не обладали. И не могли сказать ничего, кроме того, что им предложили похитить знатную эльфийскую леди ради огромного выкупа, а они согласились. Но с поиском этого неизвестного даже следователи Леса зашли в тупик. Как его найти?

— Я должен хорошо подумать, о чём говорить совету. — Оронаэл выдохнул и поднялся из-за стола. — Но будьте уверены, все услышат мои сомнения и слова Лори. Ваше высочество, я не собираюсь выдвигать никаких обвинений и требований ни Северным

землям, ни Королевству людей.

— Но если это всё-таки люди похитили Арделор? — спросил рыцарь. — Сейчас наверняка утверждать всё равно нельзя.

— Тогда я надеюсь, вы приложите все усилия и найдёте причастных, — сказал Оронаэл, уже стоя у двери. — А требовать ответ с невиновных, или хуже того, развязывать войну против многих из-за преступлений немногих, я не желаю.

Оронаэл постоял, помолчал, потом обратился к Миррину:

— Виркай дома Тавеллан, я говорил с тобой, потому что знаю: ты в этом не участвовал. И знаю: ты всё расскажешь Эмиэлю. Но прошу, убедись сначала, что Первый советник ни при чём. И вспомни определение государственной измены, дитя, особенно его вторую часть, — сказал он и вышел.

Миррин белым полотном висел на спинке стула. Спрашивать, какое определение эльфы дали государственной измене, судя по всему, не было смысла. Показания Арделор остались на столе.

— Миррин?

Но он не ответил.

— Миррин, — снова сказал Эйсгейр, — почему Оронаэл назвал тебя «дитя»?

— Для него все дети, — пробормотал тот. — Он один из старейших эльфов Леса.

Рыцарь вдруг почувствовал, будто и сам «дитя» лишь немногим старше Миррина.

— Но почему он так назвал тебя?

— Он ведь использовал не обычное слово. Так говорят, когда старший хочет выразить особое уважение младшему. Предки, Эйс, неужели, все думают, что я выдаю тебе тайны Леса? Так может, я зря...

— Скажи мне всё-таки, почему Арделор считают героем?

Миррин опять долго молчал, но когда Эйсгейр уже и не надеялся получить ответ, всё же заговорил:

— Она рождает детей, Эйс. Чужих детей. Ни один сын Леса не может дать ей живое семя. Бесплодны не только женщины. Все. И лишь малая часть женщин способна выносить чужое дитя. Это тяжело, они ужасно себя чувствуют, иногда не могут встать с постели неделями. Рожают обычно с перерывами в два-три года. Но Арделор... Делает это каждый год. Ради Леса. Она родила девяносто одного ребёнка для женщин, которые успели... Этого не могу сказать, прости. В Эйсстурм Арделор приезжала на отдых. И... Эйс, пусть она капризничает, пусть хоть луну с неба попросит, я пойду за этой лунной. И не только я.

Миррин замолчал. Потом посмотрел на лист бумаги на столе. Несколько мгновений сверлил его взглядом, но не выдержал, сграбастал и впился глазами в аккуратные буквы. Решился-таки нарушить правила.

Пока Миррин читал, Эйсгейр видел, как на его лице проступает гнев. Не хотелось бы ему такому под руку попасться.

— С чего стали обыскивать порт и доки? Кто это предложил? — воскликнул Миррин, выскочил из-за стола и умчался прочь.

Дом Валиссин отбыл вечером восьмого дня четвёртого месяца. По просьбе Оронаэла и разрешению Светлого Леса портал открыли прямо в Дин-Валиссин, а не в Тал-Гилас Провожающих, кроме Миррина и Эйсгейра, не было.

От бабочки, что выпорхнула из портала две с лишним недели назад, осталась лишь

призрачная тень. Потухший, безжизненный взгляд. Ни кровинки на бледном, посеревшем лице. Эйсгейр видел багровые пятна на тонкой руке и пальцах, цеплявшихся за ладонь Оронаэла, который вёл племянницу к portalу. В роскошной мантии цветов своего дома Арделор выглядела неживой, мёртвой куклой. Бабочку втоптали в грязь.

Миррин не удержался и рванулся к ней, когда она уже почти ступила на лестницу, ведущую к portalу.

— Лори...

Эйсгейр видел, что он хотел взять её за руку, но не решился.

— Пусть Сердце леса укроет тебя, сын моего народа, — донёсся до рыцаря слабый, едва слышимый голос.

Глава 9. Мама

Последний древесник сдох, и чудовищный волк, наконец, остановился. Потом завыл. Его братья мертвы. Не все, но... Зверь повёл носом и ринулся к дольмену, странно подскакивая на трёх конечностях. Удар огромной когтистой лапы разбил щит Геррета вдребезги. А ведь тот поставил такой сильный, насколько смог.

— Уходим вглубь, — сказала Мильхэ. — Он не успокоится, пока чует чужих.

В этот момент чудовище снова потянуло носом воздух, его бешеные, налитые кровью глаза сфокусировались на Ирме. Что он думал и думал ли вообще, было неизвестно, но зверь то смотрел на Ирму, сидевшую на каменном полу, то на ледяную ведьму, то на Геррета с близнецами. Добраться до них он не мог.

Когда уродливая лапа протиснулась в узкий для неё лаз, Геррет вскинул кулак, но Мильхэ его остановила. Потянув Ирму за руку, она заставила её встать и уйти подальше — зверь начал со всей дури биться о стены дольмена.

— Надеюсь, Твари снова не придут, — тихо сказала Мильхэ.

— Вы чувствуете? — спросил Лорин.

Они находились в небольшой каменной комнате. Кроме коридора наружу, здесь был ещё один, и из него шёл неприятный запах. Точнее, трупная вонь. На самом деле она чувствовалась и раньше, но всем было не до этого.

— Пойдём пока проверим? — предложил Рейт.

— Нет, давайте подождём, — сказала Мильхэ. — Если Твари опять придут, Фаргрэн может понадобиться наша помощь. Поставь щит, Геррет.

Ещё несколько минут слышались вздохи и скуление, но потом стихли, и эльфийка отправилась посмотреть, что там снаружи.

— Эй, помогите мне, — позвала она напарников.

— Хочешь нести его внутрь? — воскликнул Рейт.

— Он уже человек, так что не опасен.

— Уверена?

— Да.

Волки зарычали, едва увидев двуногих на выходе из дольмена, и Мильхэ скрутила их ледяными оковами, предусмотрительно обезвредив хвосты. После схватки с Тварями оборотней осталось трое.

Вскоре Фаргрэн очутился внутри дольмена. Достав одежду и прикрыв ею голое тело, Мильхэ привела Фаргрэна в чувство, а он, даже не открыв глаз, стиснул её запястье железной хваткой. Над кулаком Геррета вспыхнул огонь, близнецы схватились за кинжалы.

— Фар, это Мильхэ, — спокойно сказала ледяная ведьма.

Рука его разжалась и упала на землю.

— Воды, — прохрипел он.

Мильхэ протянула ему фляжку и осмотрела израненное тело.

— Не надо ничего, — сказал ей Фаргрэн, — быстро пройдёт.

Он сел, оглядел всех и с облегчением вздохнул. Все живы, он никого не убил. Только Тварей.

— В Да-Раате знали? — спросила Мильхэ.

— Предполагали. Но я не превращался в... это при них.

— Но они сказали тебе?

Он просто кивнул.

— Там начали принимать сирот на время только потому, что у них был свой зверь. Меня отослали прочь, пока я не вошёл в полную силу.

— Гэн-аннадайр, а не зверь, — сказала Мильхэ, а потом прошептала: — Уж это ты точно не мог проконтролировать тогда.

Слышали все.

— Какая разница? — ответил Фар, натягивая одежду и стараясь не глядеть на Ирму. — Я всё равно убил их.

Мильхэ застыла, будто прислушиваясь.

— Ещё двое живых, один внутри. Сначала за тем, что снаружи, — сказала она, удержав Фаргрена, рванувшего было вглубь дольмена.

Это оказалась писклявоголосая волчица. Четыре человека и три волка напряжённо следили за тем, как оборотень и эльфийка тащат внутрь каменного купола тяжёлый комок из шерсти и крови. Чтобы приготовить снадобье из смолы, ледяной ведьме потребовалась пара минут. Рейт снова предложил проверить нутро дольмена.

— Условились не разделяться, — проледенила Мильхэ, даже не глядя на него. — У неё сломан позвоночник и несколько рёбер, — сказала она Фару. — Лёгкие проколоты. Но выжить должна. Ваш народ крепкий. — И тут же добавила, спохватившись: — Не знаю, правда, сможет ли ходить.

Закончив с волчицей, Мильхэ встала.

— Он точно в порядке? — спросил Рейт. — Не превратится опять?

— Нет, — отледенила эльфийка, — в это состояние впадают осознанно.

Фаргрэн криво усмехнулся. Вот и всё вернулось на круги своя. Ледяная ведьма леденит, а его опасаются и глядят с недоверием и страхом. Даже в Да-Раате многие смотрели на него так.

А вот Мильхэ... Не боится, знает, кто такие ар-вахану, знает о таких чудовищах, как он. Ну какого хррккла она отпустила тогда мальчишку?! И как со всем этим связана?

Наконец его мысли прервало другое. Запах. Почти такой же, как раньше, но только сейчас до Фаргрена дошло, что здесь запах сильнее. Гораздо сильнее. И он живой, хоть из-за смешан с вонью от разлагающихся тел.

— Идём, — нетерпеливо бросил Фар напарникам и не оглядываясь пошёл вглубь каменного коридора.

С раненой писклявкой остался один из волков.

Тёмный дольмен оказался не слишком сложным: несколько камер по кругу, последовательно соединённых коридорами, которые вели в самый центр. Геррет развешивал огоньки.

У стен стояли высокие каменные урны, расписанные выцветшими узорами в виде растений и животных. Те же узоры, только вырезанные, украшали стены от пола до потолка. Немало сосудов были разбиты. А может, рассыпались от времени, смешавшись с прахом, который хранили.

— Что это такое? — спросила шёпотом Ирма.

— Урны с пеплом, — ответила ледяная ведьма. — Обратни сжигают мёртвых.

— И всё? — Рейт мимоходом заглянул в одну из урн. — Нас ведь посылали за генасскими сокровищами.

— Да уж понятно, что на самом деле послали не для этого, — пробурчал Геррет.

Тоже шёпотом. Говорить в полный голос почему-то не хотелось. Как и вообще вести беседы.

В тишине, которая, казалось, поглощала даже звуки шагов, они шли к центру дольмена. Вонь усилилась настолько, что не только Фаргрена уже тошнило от неё. Двое волков, сопровождавших отряд, то и дело фыркали.

На входе в последнюю камеру все замерли.

В середине был каменный столб, поддерживавший свод дольмена. На столбе — женщина. Волосы космами спускались на грудь, лохмотья прикрывали болезненно худое тело. На глазах — повязка. Ногами женщина стояла на полу, который заваливали скелеты, разлагавшиеся кролики и части туш крупных животных.

— Я слышала звуки боя, — прохрипела женщина. — Скольких вы убили?

Тело её опутывали странные трубки. По ним текла тускло светящаяся жидкость из баков около стен.

Один из волков подошёл и, поскуливая, ткнулся ей в ладонь, и она погладила его чёрный нос. Прикованная к столбу, она, кажется, могла двигать только кистями рук.

Сквозь смрад Фар слышал её запах. Ту самую основу, которая имела у него и несчастных изуродованных волков. Женщина была высокой, а раньше была ещё выше. Как он. Волосы, хоть уже наполовину седые, — чёрные. Как у него.

Тело женщины окутала вода, омыла его и унесла вонь, хотя она ещё оставалась в воздухе. Запах... Почему у неё этот запах? Фар уже давно всё понял, но боялся ответа.

Женщина вдруг повернула голову к Фаргрену.

— Запах моего сына... Кто ты?

Слова у него застряли в горле. Он не видел, как расширились глаза напарников. Как Ирма прижала руки ко рту. Сердце разорвалось на тысячи кусков, и душа вымокла от крови насквозь. В ушах оглушительно застучало.

Это его мать. Родная.

— Когда-то давно у меня было два щенка. Дочка и сын. У тебя его запах. Значит, Фархании удалось убежать.

Имя давно погибшей сестры, которую он не знал, отозвалось болью, выдрав сердечные ошметки вон. На пропитанном кровью одеяле, в котором его нашли, было вышито «фар», и потому Фаргрену дали имя, начинающееся на этот слог. Значит, это одеяльце принадлежало ей?

— Меня. Подобрали люди. Я лежал рядом с... мёртвой девочкой, — глухо ответил Фаргрэн.

Слова вспороли сдавленное горло. Он не хотел причинять боль, но что толку скрывать?

— Ох, моя доченька... — прошептала женщина. — Но... Она смогла спасти тебя, Эрран.

Так вот как его зовут по-настоящему...

— Хоть ты жив. — Она тяжело вздохнула. — Посмотреть бы на тебя. Жаль, меня ослепили много лет назад.

— У меня чёрные волосы.

— И голос отца.

— Моя... Илайна, женщина, которая спасла меня... — Впервые в жизни Фаргрэн не стал называть её матерью. — Она говорила, нас нашли в лесу, и...

И он вдруг всё рассказал. Никто, кроме него, не знал этого. А ему рассказали приёмные родители.

Они нашли Фаргрена в лесу, когда он уже устал кричать от голода и холода. Просто лежал в грязных, пропитанных кровью и мочой пелёнках и еле хныкал. Рядом лежала маленькая волчица. Уже окоченевшая.

Что найдёныш — оборотень, его родители знали с самого начала. Всё знали. Не раз слышали истории, как порой маленькие оборотни убивают тех, кто их растил, как калечат детей, но... Спасли. Взяли младенца себе. Да ещё и провернули ради него целый спектакль: отправились в город, а приехав с ребёнком, рассказали всем, будто забрали его из большой бедняцкой семьи, которая не могла прокормиться.

Чтобы Фара не считали порченным. Чтобы не догадались, что он — волчий выродок.

Что это было: доброта или безумие? Или и то и другое?

Они забрали его, выходили, вырастили, скрывали, кто он на самом деле. И любили, так любили... А он...

Последнее Фар рассказать не смог. Незачем ей знать, как он отплатил своим спасителям. Как стал ар-вахану.

— Как... Как тебя зовут? — спросил Фаргрэн.

— Арана. А твоего отца звали Варраф. Тебе исполнилось двадцать восемь лет этой весной. Совсем уже взрослый. А когда я потеряла вас, тебе было всего семь месяцев.

— Я... Мы поможем тебе. Мильхэ, Гер!

— Я не знаю, что это, — откликнулся Геррет. — Я впервые такое вижу.

На щеках ледяной ведьмы Фаргрэн заметил слёзы. Она покачала головой, оглядывая всё вокруг.

— Я... Кое-что могу попробовать, но не знаю, поможет ли.

— Эрран, — прошептала Арана, — не надо. Я так долго ждала, боюсь, больше нечего спасать. Я стара, слепа и слаба. Просто похорони меня в Да-Мидрас. Там наше племя.

Да-Мидрас. Да-Мидрас, Твари его забери! Одно из двух племён оборотней, куда Фаргрэн так и не пошёл, отчаявшись найти место, где его примут. Где он будет своим после содеянного. Если бы он дошёл... Племя могло узнать его, сказать, куда направлялась его семья. Может, получилось бы найти Арану раньше?!

Родной запах почти одурял. Такого не было даже у... у приёмной матери, хотя её запах Фаргрэн помнил всегда. Всё существо сейчас твердило ему, что перед ним — его мать. Где он был, когда она так нуждалась в помощи?! Кто сотворил с ней это всё? Со всеми ними.

В сердце клокотала, бурлила ярость. Убить их, убить всех этих ублюдков!..

— Фар, — мягкий голос пробился в его сознание, — я осмотрю её.

Ярость требовала выхода.

— Попробую снять повязку. Предки... — выдохнула Мильхэ и поспешила надвинуть тряпицу обратно.

Глаз не было. Совсем.

Ярость вскипела.

Фаргрэн бросился на Мильхэ и прижал её к стене, сдавив тонкую шею. Он даже не понял, что эльфийка крепко ударилась затылком, не услышал, как вскрикнули его напарники, как взвизгнула Ирма.

Волки прижали уши, пригнулись, готовясь атаковать.

— Говори всё, что знаешь! Как ты с этим связана? Кто они?

В бирюзовых глазах он видел испуг. Мильхэ открыла рот, силясь вдохнуть и заговорить, но заговорила Арана. Её голос прозвучал неожиданно громко, хрипом разодрав повисшую тишину.

— С её сёстрами делают такое же. Я видела нескольких женщин Леса ещё до того, как меня ослепили.

Фаргрэн разжал руки и вернулся к матери. Мильхэ закашлялась, пытаясь отдышаться.

— Ты знаешь, где это было?

— Нет. Но где-то у моря. Воздух там всегда был солёный и влажный.

На многие вопросы Арана ответить не могла, но рассказала всё, что помнила.

Двадцать семь лет назад их семья возвращалась с севера в Да-Мидрас после оборотничьего праздника Летней луны. В дороге на них и напали. Арану пленили, и она несколько дней тряслась в тёмном вонючем ящике, а в конце пути услышала шум морского прибоя.

Так она, а вместе с ней несколько девочек-ар-вахану девяти-десяти лет, оказалась в какой-то крепости. Почти сразу Аране вручили младенца, мальчика-оборотня, которого ей пришлось кормить. Молоко у неё всё ещё было. Чтобы как-то справиться с горем и отчаянием, она заботилась о детях.

А потом, когда старшие девочки вошли в пору зрелости, их стали... Разводить. Как животных. Сама Арана узнала об этом намного позже. Сначала она не понимала, куда пропадают дети. Вместо них появлялись новые. А потом, когда её саму решили сделать племенной коровой, всё поняла.

Почему-то её поместили в камеру к эльфийкам. Но как догадывалась Арана, со всеми волчицами случилось то же самое: всех их обездвигили, утыкали руки и ноги трубками с этой жидкостью. И постоянно оплодотворяли. Искусственно. Беременности никогда не заканчивались естественным путём. Ни один её ребёнок из сорока двух — это число она знала точно — не был выношен положенный срок. Их всех вырезали раньше времени. И что с ними делали, Арана не знала до тех пор, пока не оказалась в этом дольмене.

— Те люди говорили, «псы будут защищать мать», — сказала она с горькой усмешкой. — И они защищали. Бедные дети. Не знаю, что именно с ними сделали, но они мучились.

Наверное, Арана плакала бы, если могла. Но плакать ей было нечем.

Фаргрэн взглянул под ноги. Эти... Это его братья. Притащили. Они охотились для матери, не понимая, что есть ей не надо.

Мильхэ произнесла несколько слов, которые никто не понял.

— На таком языке они говорили? — спросила она.

— Очень похоже.

— Это периамский? — прошептал Геррет.

— Старый периамский. Фар, что мне делать?

Он молчал. Что решить? Если попробовать освободить Арану, она, скорее всего, умрёт. Но ведь и бросить её так нельзя.

— Я не знаю, — сказал Фар в конце концов.

Арана решила сама.

— Уберите это. Лучше я умру, чем оставаться вот так.

Фаргрэну сдавило горло ещё сильнее. Лучше ли?

— Я попробую, — сказала Мильхэ. — Ирма, мне будет нужна вода. Много. Притянешь?

— Нет, стой, — остановил её Фар. — Просто... Дай побыть с ней ещё. Расскажи мне, — попросил он Арану, касаясь её щеки, — Расскажи немного о... Нашей семье.

Отчаянные надежды

Фари возвращался с рынка. Ему пришлось сбежать туда второй раз — забыл купить лимоны, а их из рецепта выкинуть никак нельзя. Да и не дело это, готовить блюдо впервые и тут же его переиначивать. Хорошо, хоть времени предостаточно — сам милорд дал целых два дня выходных! На побегушечной должности свободного времени не так много, и Фари ловил каждую минутку, чтобы учиться. Перевели-то с кухни не навсегда! Господин Кольреф сказал: пока эти девичьи страсти не улягутся.

Сейчас вспоминать об этом ему даже стыдно. Попал Фари сюда совсем зелёным. Честно сказать, ни разу не пробовавшим женщин. Ну и... Сорвало ему крышу по неопытности. С другой стороны, ведь и девчонки на кухне тоже не святые оказались. Считай, сами ему себя предлагали. А потом сами же начали ссориться между собой, выясняя, чей он. А он ничей. Сампосебешный. Пока. Так Фари им и сказал, и после этого вой поднялся... Вот его и перевели на побегушки.

Дойдя до маленькой улочки, Фари свернул туда, подумав, что давненько не бывал на своё любимое место в городе. Находилось оно почти под Мраморным утёсом, и оттуда открывался красивый вид на море. Улица-лестница, по которой спускался Фари, через пару сотен ступеней сворачивала направо. Но Фари, закинув мешочек с лимонами за спину, перемахнул через ограду в кусты и пробрался по еле заметной тропинке на небольшой выступ, который не было видно с той стороны.

Глядя на море и скалы оттуда, где стоял сейчас Фари, можно было подумать, будто никакого города и порта здесь и в помине нет. Справа густые кусты загораживали вид на южную часть города. Слева — только Мраморный утёс, который, выдаваясь далеко вперёд, разрезал залив на две части. Почему его называли мраморным, тогда как он — гранитный, Фари никак не мог понять. Утёс нависал над заливом и будто хотел упасть в море, но он стоял так уже много веков. Даже неизвестно сколько.

Фари посмотрел вверх. На утёсе располагался почти весь Верхний город, сердце Эйсстурма, его самая древняя часть, но отсюда нельзя было увидеть строений — выступ, на котором стоял Фари, находился гораздо ниже. Тем и нравилось ему это место: никого и ничего не видно, будто во всём мире есть только он, необъятное море и утёс.

Краем глаза Фари заметил движение слева. Он повернул голову и... потерял сознание от удара.

Лимоны жёлтыми мячиками поскакали в море.

Очнулся он от сильной боли. Болел затылок, левый висок, нос... Да всё болело. Фари попытался разлепить глаза. Получилось открыть только правый.

И тут же он окоченел от ужаса — прямо перед ним лежал труп. Даже если бы Фари хотел закричать, то не смог бы. Горло отказалось выпускать голос наружу.

— Ах ты ж! — ругнулся кто-то.

— Говорю же, иди вдоль шпата или слюды. Легче ведь.

— Да знаю я!

Фари осторожно повернул голову. В небольшой узкой пещере находилось ещё два человека. Неизвестные что-то делали у каменной стены.

— Закончить бы поскорее, — сказал один, — а то шпындают уже все кому не лень.

Сегодня вон, двух поймали.

— Осторожнее, не дави так силой. И не говори, уже с десятков трупов набрали.

— Хорошо, хоть не надо будет избавляться. После того как жажнет, никто ничего не найдёт.

Фари увидел, как от кучи, которую он сразу не заметил, потянулась то ли плеть, то ли нить.

«Гремучая соль!» — Он понял по запаху.

Это сын горняка мог опознать на раз. И чем занимаются эти двое, Фари тоже понял. Видел однажды, как работают землевики на подрывах. Даже знал теорию, отец объяснял. Генасы закладывали гремучку, пропитанную едкой водой, в узкие углубления в породе, да так плотно, что в маленькую щель помещалось гораздо больше обычного объёма. Иногда соль продвигали в мельчайшие внутренние полости или заменяли ею минеральные вкрапления. Так делали очень редко, обычно не требуется в горном деле таких ювелирных работ. А вот эти, кажется, как раз ювелирничали.

Где же они находятся? Сколько он пролежал без сознания?

Через какое-то время Фари казалось, будто он уже на всю жизнь запомнил труп перед собой. Дублет на мертвце выглядел старым и потёртым, а вот серый плащ с синей каймой — нет. Видимо, владелец недолго носил его. Судя по багровому пятну вместо половины лица, и его хорошенько ударили, как самого Фари. Он старался не думать о том, что, скорее всего, разделит участь неизвестного мужчины. И, кажется, не только его: под ногами чувствовалось что-то не очень твёрдое. Точно не камень и не гремучая соль. Посмотреть туда было страшно — для этого надо сдвинуться с места, а он не мог. И не хотел. Ведь заметят. Фари боялся лишней раз даже вдохнуть, не то что пошевелиться.

Внезапно стало светлее.

— Ну, как у вас тут дела?

В пещере появился третий человек.

— Почти закончили. Полчаса, и всё.

— Отлично. А у вас крыса живая, знаете? — сказал мужчина и пропал из виду.

Двое повернулись в сторону Фари. Он сжался от страха. Сейчас его убьют.

Один из мужчин поднялся. Вдруг оба застыли.

— Ты... Ты чувствуешь? — сказал поднявшийся. — Это... Поглоти меня земля, он поставил щит с замыканием на всю пещеру! Эти ублюдки решили похоронить нас здесь!

Мужчина начал грязно ругаться. Второй так и сидел у стены. Фари показалось, что он тихонько смеётся.

— Тебе весело? Мы сдохнем! Фитили проложены по другому карману! Мы не выйдем отсюда!

— Признаться, я ожидал чего-то такого.

Первый буквально ревел от ярости, и Фари казалось, будто стены дрожат.

— Успокойся уже, — сказал ему второй. — Ничего теперь не поделать. Такое замыкание силы мы не снимем.

Сыпавший проклятиями человек неожиданно ринулся на своего напарника, но тот одним плавным движением вскочил на ноги и увернулся. А потом с размаху впечатал напавшего головой в каменную стену. Тот мешком упал, и победивший свернул противнику шею. Потом посмотрел на Фари.

— Так ты жив, — сказал он, снова садясь у каменной стены. — Надо же, я думал, убил

тебя.

Фари вздрогнул.

— Ты уж прости, нельзя было, чтобы кто-то видел нас. Как тебя зовут?

Фари молчал.

— Ну да... Сам не знаю, зачем говорю с тобой. Но мы, как, может, ты понял, оба уже мертвецы, так почему бы и не поговорить. Знаешь, где мы?

Фари молчал.

— Внутри Мраморного утёса. Никогда не понимал, почему Мраморный, он же гранитный... Вот. А над нами, парень, Верхний город. А повыше и вот туда, — сказал он, показывая рукой направление, — Ледяной дворец. И когда вся эта гремучка бахнет, всё полетит вниз.

— Снежная Длань не позволит!

У Фари наконец-то прорезался голос, и он обнаружил, что говорить больно.

Мужчина покивал.

— Если бы нашёл, то да, не позволил бы. И он, кстати, ищет... Да только успеет ли? Интересно, додумался ли у него кто-нибудь посмотреть под ноги? Хотя слишком близко к поверхности мы гремучку не закладывали... Первый слой начинается на глубине с высоту дворца. А если уже и знают, то соль так быстро не достать. Жаль, конечно... Я, честно сказать, надеялся ведь, что всё обнаружат и лавочку эту прикроют.

Фари ничего не понимал.

— Вас казнили бы тогда.

— Дочка у меня... — неожиданно тихо и будто невпопад произнёс мужчина. — Больна смертельно, а лечить такое одни остроухие умеют, да в Унат-Хааре. Вот только денег у меня не было. Потому и согласился. Они заплатили много. Очень. Я ещё продал то, что смог. Отправил жену с Мией за море. Пусть живёт моё солнышко.

Мужчина улыбнулся и снял с руки браслет: странный, нелепый, из цветных бусин разного размера.

— Но почему вы не рассказали всё, когда отправили их?

— Сегодня ведь только и отправил. Платили-то частями. А почему не рассказал... Да надеялся после всего уехать за семьёй. На последнюю часть денег. А тебе, парень, не повезло, да? Не разведчик ты, не стражник. Лимоны при тебе были. Что вообще на скале той делал? Хотя... Мужик за тобой следил. Он под тобой, кстати, сейчас.

Фари сглотнул. Кто-то за ним следил? Он знал, что лорд Эйсгейр проверял всех слуг и не только, но не знал, по какой причине.

— Про слезку я не знал. Я... Гулял просто. Там красиво очень.

— Красиво, — согласился мужчина и замолк.

Больше они не говорили.

Сколько времени прошло, Фари не мог даже предположить. Он пытался пошевелиться, хотя бы слезть с трупа, но было очень больно, и силы мгновенно оставляли его. А даже если бы и мог он ползти? Из пещеры не выбраться.

«Мамочка, прости», — думал Фари, позабыв, что парню двадцати лет говорить «мамочка» как-то не положено.

Мать не хотела отпускать его в Эйсстурм. Боялась, погубит большой город её самого младшенького. Отец тоже не хотел: горняку до мозга костей не нравилось, что сын вознамерился из дома уехать, да ещё и бабьим делом заниматься. Фари часто ссорился с

ним. А теперь ему захотелось ещё раз услышать крепкую ругань отца и почувствовать ласковые объятия матери.

Мужчина внезапно встрепенулся, застыл, будто прислушиваясь. А Фари взмолился. Не Покровителям, не Богине жизни, а...

Часть IX.! Глава 1. Ледяная ведьма

Сидя на каменном полу вместе со всеми, Геррет слушал хриплый голос Араны. А слушать не хотелось. Она рассказывала сыну радостные воспоминания, полные тепла. Может, именно они помогли ей остаться в рассудке после всего, что с ней сделали. Но сейчас эти истории выжигали рассудок Геррету.

Он хотел поставить круг тишины сразу, как все только вышли из центральной камеры, оставив Фара с Араной. Но Мильхэ остановила Геррета, мотнув головой на Ирму. Хотела заставить её что-то понять? Он не знал. Теперь Ирма всхлипывала и тряслась. Как трясутся от холода. Или скорее, от ужаса. Ледяная ведьма плакала не стыдясь. Даже у Лорина с Рейтом глаза были на мокром месте.

Геррет глядел на холодные камни, а видел перед собой то, что было за стеной. Утыканная странными трубками, истерзанная многолетними страданиями женщина, почти все дети которой погибли, рассказывает сыну, что вырос без неё и все эти годы и знать не знал о матери, как его давно погибшая сестра таскала из погреба морковку для скорпикошек. Рассказывает, чуть смеясь.

Это должны быть весёлые семейные истории, которые начинают со слов «А помнишь?». Но никак не... это.

Геррет подумал о своей матери, и сердце его сжалось: сидит в Эйсстурме, ждёт непутёвого сына. По щеке Геррета скатилась слеза.

— Я больше не могу, — сказал он и наконец поставил круг тишины.

Так прошёл, наверное, ещё час. Никто не говорил. Да и о чём они могли говорить? Про себя Геррет радовался, что Ирма успокоилась и перестала плакать.

— Её правда нельзя спасти? — спросила она у Мильхэ.

— Я не знаю. С этой жидкостью сложно определить, насколько здоров её собственный организм.

— Ты видела такое? — спросил уже Рейт.

Мильхэ не ответила, но Геррет не сомневался — видела.

— Притяни побольше воды, — сказала Мильхэ Ирме.

Та, всё ещё шмыгая, прикрыла глаза и замерла. Через несколько минут в камеру вползла плеть воды, собираясь в большой ком льда.

— Кто это сделал? — вдруг тихо сказала Ирма. — Как такое можно делать?!

Никто ей не ответил. И как ответить-то?

— Я... Не знаю, что и думать, — Ирма снова всхлипнула. — Я ненавидела его все эти годы. Всегда всё было ясно: он убийца. Но сейчас...

— Сейчас всё не так, — глухо пробормотал Рейт.

— Нет, всё так! Он убил мою семью, это никак не изменишь, но... Я, что, должна простить его теперь? Как?

— Кроме тебя, этого никто не может решить, — вздохнула Мильхэ.

«Маатар, ведьма, это слишком жестокий урок», — внутренне прорычал Геррет.

Слишком жестокий для всех.

Геррет постарался отвлечься. Сейчас он — наёмник, связанный контрактом. Центральную камеру с Араной надо тщательно осмотреть и начать можно, не заходя внутрь. Геррет встал и подошёл ближе к входу в камеру. Он не слышал, о чём разговаривали мать и

сын, и старался не смотреть на их лица.

— Там две пирамидки. Вы видели?

Их положили в нишу в стене. Одна из них оказалась гораздо больше другой и тех, которые они нашли раньше.

— Я думаю, — сказала Мильхэ, — она быстрее привлекает Тварей. Мне кажется, отсюда и началось распространение Чащ. А оборотни здесь, чтобы защищать дольмен от случайных гостей, пока не собралось бы достаточно Тварей.

— А орки где были? — возразил Геррет. — Как такое проглядели?

— Кто знает, — вздохнула Мильхэ. — Может, они не успели понять в чём дело. Думали, просто Твари вылазят. Бывает же такое.

— На севере что-то прячут, — сказал Рейт, и все посмотрели на него. — Ну не просто так же тут сделали тварий заповедник! А в Чащи никто в здравом уме не полезет проверять.

— Мы полезли, — хмыкнул Лорин.

— Нам много денег заплатили.

«А ловят ли ещё оборотней, чтобы делать таких волков?» — подумал Геррет, а потом почувствовал, как у него начинается зуд.

Нет, зуд между лопаток он чувствовал постоянно из-за Ирмы, но уже почти привык. А сейчас у него чесались руки, шея и лодыжки. И спина. Вся.

— Кажется, у нас проблемы.

Воздух около Фаргрена замерцал и... Появился человек. Или не человек, но кто-то двуногий. Потом второй.

Первому один из волков выдрал горло, второго Фаргрэн отшвырнул, не контролируя себя, да с такой силой, что тот мешком рухнул на пол, ударившись головой о стену. Проклятье, нужен кто-то живьём!

— Надо проверить, что снаружи! — сказал он всем, а потом превратился: — Сестра! — рыкнул Фаргрэн брату. — «Какого хррккла мы оставили их там!»

Трое волков помчались к выходу.

— Там точно есть иллигены, — на бегу крикнул ему Геррет.

И Фаргрэн вдруг понял: Мильхэ с Ирмой остались позади. Эта ведьма: доверять ей или нет?.. Он помчался дальше.

Успели вовремя. Волк, остававшийся с писклявкой, уже схватился с кем-то, а над нею склонялась тень. Двое других волков атаковали тень. Несколько мгновений — и все трое, бросив растерзанных врагов, ринулись к выходу из дольмена.

Фаргрэн пытался остановить братьев, но тщетно. Писклявка — и та в ярости сучила передними лапами. Рыкнув ей не дёргаться, Фар тоже через миг оказался снаружи.

А там... Там уже были твари. Двуногие Твари. Иначе ублюдков, причастных к этому всему, Фар назвать не мог. Нет, даже Тварями их не стоит называть. Оскорбительно по отношению к чащобным созданиям.

Одного из волков убили сразу же — арбалетный болт попал ему в глаз.

Послышалась ругань:

— Какого хрена они пропустили их?

«Просто давным-давно кто-то плохо сделал свою работу», — подумал Фаргрэн, раздирая горло первому врагу.

Но их было слишком много. Фар увидел, как упал Рейт, когда сразу два клевца пробили ему доспех. Как Лорин полоснул противника кинжалом по шее. Как огненные шары Геррета

разнесли троих на куски.

Слишком много...

Фаргрэн уже готовился снова выпустить Зверя, как в зияющей пасти дольмена появилась Мильхэ и... Мир застыл. Так Фару показалось, но в следующий миг он понял — замерли только враги.

— Несколько секунд, — прохрипела ледяная ведьма, и из носа у неё потекла кровь.

Что ж, этого вполне достаточно.

Они сидели у стен дольмена. Зверь, мааген и безбашенный лучник. Мёртвый. Второй безбашенный лучник лежал рядом. Лежал и умирал. Котёнок прятался в темноте камней, как положено котяткам. Писклявка скулила и пищала, как положено писклявкам.

Ледяная ведьма тоже умерла.

Мильхэ была холоднее льдов Драакзана. Потратила всю себя на последний фокус и умерла. Сердце её не билось, грудь не дышала, а кожа казалась совсем белой из-за багровых дорожек, которые сбегали от носа к подбородку, от ушей на шею.

Смерть Мильхэ означала смерть для ещё живых. Первым умрёт Рейт с глубокими ранами на животе. Геррет с расшибленной головой, сломанной рукой и резаной раной на бедре погибнет, пытаясь выбраться из Чаш. Умрут котёнок, писклявка и старая волчица. Может, не в такой последовательности, но умрут. Потому что Зверь не сможет вытащить всех. А вот сам он, скорее всего, выживет. Но на какого хррккла тогда ему это сдалось?

И Зверь взвыл. Никто не слышал, но он взвыл. Кому он и сам не знал, но кто-то ведь должен услышать?

Услышала... ледяная ведьма.

Мильхэ вдруг вздохнула, закашлялась и свернулась клубком, как спящая аксолька. Полминуты она лежала, почти не дыша. А они сидели и не смели дышать, глядя на неё.

— Помогите мне, — наконец попросила она несостоявшихся мертвецов.

Мильхэ начала с Рейта. Сама она почти ничего не делала: руками её был Зверь, а силой — котёнок. Ведьма говорила, что делать, и они делали. Фаргрэн никогда в жизни не работал медицинской иглой, да ещё и по живой плоти. Ирма тянула воду для Мильхэ и помогала как-то ещё.

Когда они всё сделали, ледяная ведьма вручила Ирме шарик янтарного цвета.

— Дадите ему это, если... когда очнётся. Просто положите в рот, и пусть тает. В дольмен его. Медленно и осторожно. Больше ничего сделать нельзя.

Сама Мильхэ поползла к Лорину. Он сидел и, казалось, смотрел на кучу древесников, разорванных Фаром. Но взгляд у него был стеклянно-мёртвый.

— Он умер, — сказал Геррет, но Мильхэ всё равно что-то делала. — Ирма пыталась изо всех сил, но ничего не вышло.

— Почему он сидит? Если терял кровь, то...

— Он не хотел умирать мешком на земле. Сел, когда понял, что чуда не будет.

Мильхэ развернула побуревшие бинты на ногах Лорина, открыв глубокие раны.

— Яд, — изрекла она странно глухим голосом, — то есть, не совсем. Не даёт крови остановиться.

Геррет молчал. Медицинские подробности его не интересовали. Мягко говоря.

Мильхэ тонкими пальцами почти с нежностью закрыла Лорину мёртвые глаза. На мгновение замерла, плечи её дрогнули. Сделав глубокий и судорожный вздох, она подползла

к Геррету.

— Тебе повезло, — сказала Мильхэ, ощупывая его голову.

Со стороны могло показаться, будто сидит себе парочка и милуется. Он обнимает её, а она, прильнув к груди любимого, ласково играет с его волосами. Если бы не трупы вокруг и запёкшаяся корками кровь на Геррете. Он действительно обнимал её здоровой рукой. Просто потому, что держаться в хоть сколько-нибудь вертикальном положении ледяная ведьма не могла.

— Тошнит? — спросила Мильхэ.

— Тошнило.

А Геррет вдруг вспомнил: это был мару-кадал. Эльфийский, к Тварям его, мару-кадал, в который Дети Леса впадают, получая серьёзные ранения. Так у них есть небольшой шанс дожидаться помощи. Геррет знал об этом, только не доводилось сталкиваться вживую.

Ледяная ведьма не ожила. Такого не бывает. Просто она не умерла до конца. Как Мильхэ очнулась без всякого вмешательства со стороны — та ещё загадка. Как и то, что вообще она сделала со всеми нападавшими.

Но Геррет думал о другом: если бы он вспомнил о мару-кадал вовремя, они бы попытались привести Мильхэ в чувство, и тогда она... Тогда Лорин мог бы не умереть.

— Ирма сделала, всё как надо, — вдруг прошептала Мильхэ.

— Ей это скажи. Она даже дала смолу, смешанную с пустынным. Два раза.

— Что?! — Мильхэ отпрянула от Геррета, будто тот сказал гадость. — Сколько времени прошло?

— Откуда я знаю? Какая раз...

— Геррет! — удивительно, но ледяная ведьма ещё могла леденить. — Сколько времени прошло с того момента, как Ирма дала ему смолу второй раз?

Он прикрыл глаза думая.

— Не больше часа. С того древесника, — Геррет показал на одну из Тварей, — начало капать, и Лорин сказал, мы должны набрать этой сраной смолы и заработать кучу денег.

— Она может капать дольше часа, — сказала Мильхэ, глядя на древесника, с которого всё ещё сочилась тёмная, вязкая жидкость. Потом отодвинулась от Геррета. — Ладно, я попробую. Положи его на землю.

— Что ты...

— Делай! — рявкнула Мильхэ и тут же закашлялась. — И достань мне «слезу».

— Ты сама-то переживёшь это?

— Переживу.

Геррет даже не пытался встать — ползком добрался до Лорина, толкнул тело, а потом кое-как перевернул его на спину. И почувствовал, как кровотечение из раны на бедре усилилось и бинты намокли сильнее.

— Не умрёшь, — отрезала ведьма, разгадав немой вопрос Геррета. — Две склянки с синей пробкой из присланного снаряжения, и ещё часа через полтора повторишь.

Из дольмена вышли Фаргрэн и Ирма. Геррет видел, что та едва не плачет.

— Ирма, мне нужна вода. Фаргрэн, помоги Геррету перебраться в дольмен.

— Нет, я останусь!

У Мильхэ, видимо, не было сил спорить, и она промолчала. Потом начала... Геррет не мог сказать, что происходит. Да и никто не мог.

Над телом Лорина заструились водяные нити. От древесника, того самого, с которого

ещё сочилась смола, побежали в воздух багровые капли. Вода окрасилась красным и стала похожей на кровь.

Потом нити окутали тело Лорина, часть их вошла в раны.

— Что она делает? — прошептала Ирма.

— Понятия не... — ответил было Геррет, но Мильхэ его перебила:

— Вымываю яд.

— Свежую смолу ведь не используют...

— Как часто, Геррет, целители видят свежую смолу?

Он хмыкнул: нечасто... Если только это не целитель чащобного отряда.

— Но я слышал, свежая смола выжигает кровь.

— Выжигает. Но в Лорине крови почти не осталось.

Красные нити вдруг разорвались и упали на землю. В воздухе снова заструилась вода, и Мильхэ опять смешала её со смолой, добавила какое-то снадобье из своей бездонной сумки.

— Но ведь он умер... — еле слышно прошептала Ирма, глядя, как струйки вливаются в раны.

На этот раз вода со смолой полностью вошла в тело.

Мильхэ скорчилась рядом с Лорином и, казалось, ничего не делала, но губы её шевелились — она считала. До тридцати, небольшой перерыв — и заново. Долго ничего не происходило, а потом... Лорин будто кашлянул.

— Огонь всепоглощающий... — прошептал Геррет.

Лорин задышал. С небольшим присвистом и хрипом, но он дышал. Геррет положил руку ему на грудь — сердце билось.

— Предки великие, вот же везунчик! — вдруг сказала ведьма и повалилась мешком на землю без сил. — Ирма, прочисти и заново перебинтуй ему раны. И Геррету смени повязки.

— Что ты сделала? — спросил Геррет, не в силах убрать руку с Лорина: неужели, жив?

Как такое возможно?!

— В дольмен и Лорина, и Геррета.

— Нет, сожги тебя Маатар, хоть раз объясни! Объясни это! Он же умер!

Мильхэ вздохнула.

— Это называется первая смерть, — заговорила она, но всех уже не было сил удивляться. — Эльфы делят смерть на два вида: первая, обратимая, когда при должном мастерстве целитель может заставить сердце снова биться, вторая — окончательная, когда уже ничего нельзя сделать.

— Как ваш мару-кадал?

— Нет, мару-кадал это другое, он есть только у Детей Леса. А первая и вторая смерть — у всех. Но первая смерть очень короткая. Всего несколько минут. Некоторые вещи могут продлить это состояние. Низкая температура или...

— Смола.

— А ты думаешь, почему она так ценна? Вы дали ему снадобье из смолы, а она способна некоторое время защищать ткани и мозг от разрушения. Если бы не это, Лорина бы не получилось спасти. А теперь он даже живет Рейта.

— Но ведь он потерял кровь!

— Пока её заменяет раствор смолы. Постепенно кровь восстановится. Предки, Геррет, ты хочешь за минуту понять все секреты целительства? Тащите их обоих в дольмен.

— Да разве кто-то знает о таком?! — не успокаивался коротышка. — Как ты заставила

сердце биться?!

— Всех в дольмен! — приказала Мильхэ Ирме и Фаргрону. — Меня — последнюю.

Фаргрэн потащил Лорина, Ирма — помогала идти Геррету. И как только они оказались среди каменных стен, вход затянуло льдом.

— Сраный пепел! — прорычал Геррет. — Ирма, убери его!

— Я не могу! — всхлипнула девушка, пытаясь перетянуть на себя контроль.

У ледяной ведьмы. Конечно...

— Ещё бы, сожги её Маатар! — Геррет рассердился так, как не положено тяжелораненым. — Замыкание... Мильхэ, какой Твари ты творишь? — прокричал он, но ледяная ведьма не ответила.

Глава 2. То, что правильно

9 день 4 месяца 524 года новой эпохи

Виркнуд мастерски допросил хозяина дома, в котором нашли тело Иллитее. Эйсгейр, наблюдая за этим, думал, что на такое даже оборотни не все способны. Мало просто чуют пот и другие запахи. Надо следить за всеми реакциями, чувствовать, когда можно надавить, знать, когда стоит отвлечь внимание незначительными вопросами, и когда, наконец, прижать. Виркнуд всё это умел.

Такие таланты раскрылись в нём из-за тяжёлой юности: ради выживания маленькому ар-вахану пришлось научиться читать людей как книги. И даже лучше. Виркнуд скитался с пяти лет, после того как отчим увидел, что приёмный сын покрывается шерстью. А потом... Ребёнок очнулся рядом с уже холодным телом матери. Её убили на всякий случай, чтобы больше не родила зверья. Люди думали, волчонок тоже мёртв. Но он выжил. Эйсгейр не раз задавался вопросом, почему Виркнуд не озверел совсем от такого, как многие ар-вахану. И не находил ответа.

Хозяин дома оказался непричастен к убийству. Он, хоть и был «знающим», ни о каких грязных делах не знал. А вот его друг из общества — очень даже.

Миррин, наблюдавший за допросом второго, казалось, утратил всякое самообладание. Эйсгейру пришлось удерживать друга, иначе он ворвался бы в допросную и всё испортил.

В конце концов генас сознался и выдал своих подельников: Иллитее похитили для Ордена Жизни. Её собирались ввести в мару-кадал, а затем вылечить, но почему-то не получилось.

— Потому что вы криворукие ублюдки! — рычал Миррин, сидя рядом с Эйсгейром.

Зачем Иллитее нужна была солнцелобым, генас не имел ни малейшего понятия, но это явно знал Гилрау Лаэрдэт: он присутствовал при убийстве эльфийки и что-то сделал с её телом. Сразу после этого он покинул Эйсстурм, но оставил подробные инструкции. Каким образом ректор оказался на севере, не пользуясь порталом? До жути интересный вопрос, но он мерк на фоне целей «знающих»: они, не сумев вылечить Иллитее, решили использовать тело для провокации. Правда, похищение Арделор и начавшееся расследование спутали им все планы. Поэтому Иллитее на время спрятали. И если бы не наводка Малкира, возможно, тело не нашли бы до той самой провокации.

Получалось, Иллитее похитили люди, а Арделор... Если это действительно организовали Дети Леса, то становилось до страшного смешно: эльфы и люди совершают похищения с одной целью развязать войну и делают это одновременно в одном и том же месте. Поразительное единодушие!

Так если обе стороны жаждут войны, может, пусть воюют? Эйсгейру вдруг захотелось плюнуть на всё и умыть руки. Когда дерутся двое, лучше не кидаться разнимать их, иначе сам получишь и ещё виноватым останешься.

Но если двое — это два государства?

Эйсгейр мог не вмешиваться и оставить Северные земли в стороне. Да, они считались частью Королевства людей, но как и Периам, Север вошёл в состав государства на правах унии. И Снежная Длань вполне мог эту самую унию разорвать.

Тяжёлые мысли не оставляли рыцаря, когда он вернулся в свой кабинет.

Общество Знающих, точнее, Орден Жизни, хочет разжечь священную войну против

остроухой нечисти. Во имя рода людского. И судя по всему, стремится, чтобы эльфы сами начали конфликт: смотрите, эти изверги хотят уничтожить нас, но мы не позволим! А Дети Леса предпочтут удар на упреждение. Нападут, дабы защититься. И будут считать себя правыми.

Через некоторое время к Эйсгейру явился Миррин, сообщил, что собирается переправлять тело Иллитее в Светлый Лес. С похищением служанки уже всё выяснили, и не было смысла дальше скрывать её. По крайней мере, от дома Валиссин. Миррин планировал рассказать обо всём Оронаэлу и передать тело без огласки. И пусть виркай Валиссин сам решает, как поступить.

Но Миррина волновал

— Позвольте поговорить с Малкиром, милорд. Почему он сказал искать в Обществе Знающих?

— Ладно, — согласился Эйсгейр, подумав, что совсем забыл об этом.

Рыцарь чувствовал, будто тонет. Вместе с Эйсстурмом. Столько всего... Разные мелочи вылезали то тут, то там. Множество вопросов кружились в голове водоворотом, который грозил утащить на дно и там оставить.

Эйсгейр понимал: многое нужно препоручить подданным. Но кому можно верить? Особенно когда всё подозрительное оказывается связано с Обществом Знающих. Ещё надо приглядывать за разными господами. Тем же герцогом Шеланом, например: не примется ли он за активные действия?

И обычных дел никто не отменял. Эамонд взял на себя уже очень много и сам переложил половину на Ормунда. И только после того, как убедился, что это можно сделать. Старому наместнику было совестно следить за собственным сыном, но пришлось.

О чём ещё забыл рыцарь? Восемьсот лет, к сожалению, не давали идеальной памяти. Хотя, может, это и к лучшему. Эйсгейр покосился на Ярла Мурманла, который сегодня почему-то изволил прийти в кабинет даже без своего любимого разведчика.

— Вот цены бы не имела ваша пушистость, если бы вы могли работать! — упрекнул рыцарь сына диких полярных котов.

Тот, игнорируя незаслуженные нападки в свой адрес, гулял между стульев, иногда утыкаясь носом в пол. Потом с шипением отскочил от водного вихря: Утред нашёл и доставил Мясника в кабинет.

— С чего ты взял, что похищенных надо искать в Обществе Знающих? — спросил Эйсгейр, опередив Миррина, пока тот ставил круг тишины.

— Для высокородного вы не слишком вежливы, милорд, — слегка улыбаясь, сказал Малкир. — Не здороваются, тыкаете.

— Ты не король и не великий лорд, чтобы мне с тобой цацкаться.

— Ну, вообще-то, мы вместе работаем, насколько я помню.

— Малкир, не трать моё время зря. Свою вежливость я выразил, написав тебе и твоим людям пропуск.

— И то верно. А господин посол не ринется ли на меня, если я буду отвечать?

— Не ринется. — Эйсгейр опять успел вставить слово вперёд Миррина, и тот сердито зыркнул на рыцаря.

— Хоть и неловко говорить такое, но этого недостаточно. Письменное слово, господин посол, подобное слову милорда. Что меня отпустят, не будут преследовать, удерживать в заточении и так далее. Ни меня, ни моих людей.

Миррин надулся от злости.

— Я не могу писать такое от имени Светлого Леса, — сказал он.

— Мне хватит слова виркая из дома Тавеллан, — пошёл Малкир на компромисс, — засвидетельствованного печатью и подписью лорда Эйсгейра. Вы уж извините, но... — Он развёл руками. — Перестраховываюсь как могу. Поэтому или ваш указ, или никакого сотрудничества.

Миррин потянулся за бумагой и пером, но Малкир зацокал языком.

— Господин посол, не оскорбляйте моё повышенное чувство собственного достоинства тем, что думаете, будто я не знаю, на какой бумаге эльфы пишут документы.

Миррин посидел, посверлил глазами торговца.

— Милорд, — сказал он наконец, — чтобы мне не ходить туда обратно, не могли бы вы...

Маленький ледяной вихрь — и на столе лежала особая бумага, которую Светлый Лес использовал только для государственных дел. Рыцарь прекрасно знал, где она лежит.

— Я думал, ты меня отправишь, — пробормотал Миррин по-эльфийски, берясь за перо.

— Не хочу в одиночестве страдать от общества этого негодяя, — ответил Эйсгейр тоже по-эльфийски.

— Зачем ты вообще с ним согласился работать?

— Ну, как оказалось, не зря.

— Соль-то не нашли.

— Зато нашли Иллитее.

— Я смотрю, — вдруг заговорил на общем Малкир, — у вас, никак, крысы во дворце.

Рыцарь почти ужаснулся, что наглому торговцу известно даже об этой проблеме, но с облегчением понял — Малкир говорил о Мурмярле. Кот беспокойно ходил из стороны в сторону. Под кругом тишины его пушистость всегда чувствовал себя неудобно. Особенно если защиту наводил его деревянность.

Миррин написал, что просил Малкир, и тот взял бумагу.

— Сойдёт, — прочитав всё, сказал он, — но думаю, следует добавить сюда вариант на эльфийском, например...

И выдал заковыристую фразу, вроде тех, которые говорил Оронаэл Валиссин. На языке Детей Леса. С акцентом, но тем не менее. Через полминуты Миррин снял глаза со лба и безропотно, в совершеннейшем потрясении, дописал бумагу. После того как Малкир снова всё проверил, Эйсгейр добавил свою подпись.

Рыцарь был поражён не меньше. Главный ублюдок Иалона оказался ублюдком с кучей сюрпризов. Эйсгейр снова посмотрел на браслет, украшавший руку Малкира. Не жена ли научила его своему языку? Миррин, как оказалось, думал о том же.

— Какая дочь Леса дала тебе это? — спросил он торговца, взглядом показывая на раннэ.

На эльфийском получилось с густым намёком на оскорбление, вроде «что за шлюха это сделала». Малкир понял.

— Не обсуждаю личную жизнь на работе, господин посол, — ответил он, зло сощурившись.

Играть словами на неродном языке Малкир, видимо, не мог, зато в «господин посол» вложил столько издёвки, сколько влезло, и даже больше.

— Ладно, Малкир, — со вздохом проговорил Эйсгейр, — рассказывай.

И тот рассказал. А пока рассказывал, на Миррина было страшно смотреть, хотя сперва он, конечно, язвил.

— Возможно, убивать её не хотели, — начал Малкир. — Или хотели, но это не так важно. Что происходит, когда эльфа смертельно ранят, господин посол?

— Неужели умирает? — фыркнул Миррин.

— Это потом. А самое первое? Молчите? Я скажу. Эльф впадает в этот ваш мару-кадал. Как аксолька в спячку, чтобы пережить зиму.

— Всем известный факт.

— Не всем, но известный, — согласился Малкир, — в общем и целом. Но если в мару-кадал впадает женщина? У эльфиек он несколько отличается, ведь так?

Миррин побледнел.

— Отличается, господин посол? Скажите же, ну! Кажется, милорд не знает об этом.

Но господин посол словно лишился дара речи.

— Говори уже, Малкир, — произнёс рыцарь.

— В мару-кадал тело женщины первым делом сохраняет зародыш, если он есть, и превращает в нечто вроде семечка. Если женщина не беременна — то её эла-виал. И они могут так сохраниться даже дольше, чем тело, хоть и не бесконечно.

— Что такое эла-виал?

— То, с чем сливается мужское семя, и получается ребёнок.

Внезапно Эйсгейр понял, о чём не стал говорить Миррин, рассказывая об Арделор. Именно об этом. Вот откуда взялись дети, которых вынашивали способные рожать эльфийки. Видимо, удалось сохранить какое-то количество зародышей до того, как все стали бесплодны.

— Да откуда тебе это известно?! — взорвался Миррин. — Иллитар, милорд, этому ни в какой академии вне Леса не учат, даже на медицинских факультетах!

Кажется, он постоянно забывал о бело-синем раннэ Малкира, и Эйсгейр догадывался почему. Просто Миррин был не в силах принять, что хоть какая-то дочь Леса может быть замужем за Ортхирским Мясником.

— Миррин, подожди, — осадил посла рыцарь и взглянул на торговца. — Продолжай.

— Тело погибшей уже осмотрели, полагаю, но проверяли ли вы её эла-виал, господин посол?

— Какое...

— Общество Знающих забирает у эльфиек эла-виал. Иногда и самих эльфиек. Для Ордена Жизни. Только не говорите, будто вы не знали о связи между ними.

Не знали, но уже узнали...

— Но ты говорил, её не хотели убивать, — напомнил Эйсгейр.

— Возможно. Как я говорил, иногда им нужны и сами женщины. Может быть, перегнули палку, заставляя её тело начать мару-кадал. Возвращать из него ведь сложно. Поэтому они проделывают всё это сразу, чтобы не тащить живую эльфийку в Периам зря.

Миррин молчал, и спрашивать пришлось рыцарю.

— Откуда тебе это известно?

— Я одно время следил за Обществом Знающих. Больше ничего не могу сказать, — произнёс Малкир, и, видя, как злится посол, добавил: — Я пробовал сообщить об этом властям. Но кто я, чтобы меня послушали?

Эйсгейр вздохнул. Кто бы послушал Ортхирского Мясника? Слово бандита против слова

всеми уважаемого общества учёных...

— К тому же, есть подробности, раскрытие которых могло и может навредить тем, кого я защищаю, — добавил Малкир помолчав. — Поэтому больше я ничего не могу сказать. Пока.

«Даже у Мясника есть те, кого он любит», — подумал рыцарь.

— Но Иллитее не могла ни зачать, ни родить, — заговорил наконец Миррин. — Для чего тогда... Милорд, отправьте меня в комнату с телом.

Рыцарь перенёс всех троих. Миррин даже не обратил внимания, что вместе с ними оказался и Малкир. Эйсгейр сам себе не мог объяснить, почему не отправил торговца в другое место.

Миррин принялся за работу, которой давно не занимался. Он убрал покрывавшую тело ткань, снял лёд, в котором его хранили. Только сейчас Эйсгейр увидел ужасную рану поперёк живота. Иллитее могла не просто быстро потерять сознание, а мгновенно умереть. Потому-то у «знающих» не получилось вернуть её из мару-кадал. Действительно — криворукие ублюдки.

Всё, что рассказал Малкир, вписывалось в известное из допросов. Получалось, Гилрау Лаэрдэт забрал у Иллитее эла-виал. Эйсгейр уже планировал отправлять своих людей ловить скачущего по стране благородного ректора, усердно работающего во имя рода людского.

Но зачем Ордену Жизни эла-виал?

Миррин достал медицинские инструменты, которые находились здесь же, ведь Иллитее уже осматривали, и вооружился небольшим тонким ножом.

Рыцарь покосился на Малкира. Тот спокойно смотрел, что делает Миррин. Вряд ли Ортхирского Мясника можно было этим удивить. Эйсгейр внезапно подумал, что сам он за своё долгое существование отнял не меньше жизней, чем негодяй-торговец. Вот уж кого впору считать мясником. А если вспомнить, сколько погибло, выполняя его приказы... В чём тогда разница между ним и Малкиром?

— Иллитар милостивый, их нет, — выдохнул Миррин, распотрошив на кусочки орган, который извлёк из Иллитее. — Их нет, — повторил он и резко развернулся к Малкиру. — Зачем им это?

Тот с деланной опаской покосился на нож.

— Я не знаю, господин посол.

Миррин хотел было что-то сказать, но вдруг застыл. Стоял несколько мгновений, а потом шумно выдохнул и рассмеялся.

— Миррин?

— Твари чащобные, Эйс, я... Я столько лет работал на благо Леса. Я жизнь ему отдавал, хранил все секреты, как океан, я... Я делал это себе во вред, во вред своей жизни, во вред дружбе. Иллитар милостивый, для чего? — шептал он, глядя в никуда. — Чтобы какие-то ублюдки потешались надо мной, рассказывая об эла-виал? Чтобы остроухие твари отдавали дочерей моего народа на растерзание мелкотравчатым?

— Миррин...

— Знаешь, Эйс, кто подал идею обыскать порт и кварталы, где нашли Арделор? Следователь от Первого советника. — Миррин снова шумно выдохнул, будто наконец высказал то, что тревожило его сильнее всего. — Я всегда считал Эмиэля достойнейшим. Он мой друг с самого детства. Мы росли вместе. Мы пережили Чёрный день вместе. А теперь... Кому мне верить? Что я должен делать теперь?

Рыцарь не знал, как ответить, и ответил внезапно Ортхирский Мясник:

— Делайте то, что правильно, виркай из дома Тавеллан. Не то, что надо. А то, что правильно. Увы, это не всегда одно и то же.

Глава 3. Сахарная

Когда колонна выстроилась перед воротами, я забралась на подножку повозки Малкира. Он запретил мне садиться на лошадь, хоть я и полностью восстановилась.

— До Змеиной Бочки дольше ехать, устанешь и не сможешь ничего делать, — объяснял Малкир, крепя на подножку сумки с гранатами, чтобы они не упали от тряски. — И не геройствуй, ладно? Ортан, — сказал он вознице, — будь осторожнее.

Громадные быки — по трое с каждой стороны — начали тянуть огромные вращающиеся устройства и тяжёлые ворота крепости стали медленно открываться. Быки, кони, люди... Сколько же провизии требуется кормить такую прорву ртов? Товары Малкира перегрузили в почти полсотни повозок, а это в два раза больше лошадей. И их всех сменили... Да, обозы по Тёмному Тракту ездят не каждый день, и нужна только одна смена, но всё же...

Прозвучал сигнал, и караван тронулся.

Почти все верховые выстроились на правом фланге, как обычно делают на переходе между Башнями и Змеиной бочкой.

Сразу за воротами полотно дороги стало белым и не из-за снега. Наверное, все, кто хоть раз проезжал по Тёмному Тракту, задавались вопросом, из чего оно сделано. Это не каменный дуб. Невольно я взглянула налево, где высились Белые башни. Может ли быть, что они и дорога построены из одного материала?

Кони почти сразу же поднялись в рысь. Выехали мы спокойно, но через полчаса впереди послышались взрывы гранат. Три мантикоры попытались смять голову колонны, но копыта Капо отбросили их в сторону. Интересно, сколько генасов у Малкира? Ещё пара кошек, ослеплённые и оглушённые, трясли головами, и мощные арбалеты сопровождавших нас бойцов форта пригвоздили их болтами к земле. Убили?

А потом с левой стороны началась белая стена высотой в несколько человеческих ростов. А ведь и её, наверное, строили те, кто строил эту часть дороги и Башни... В любом случае спасибо неизвестным строителям: благодаря стене караванам легче здесь ездить.

Повозка резко дёрнулась в сторону. На коня чуть шлёпнулся большой кровавый ошмётток и упал. Фу, что это было?

Правый фланг дрогнул: в него врезался жнец. А потом ещё один, и ещё... Некоторых останавливали мерцающие щиты, но генасы не всегда успевали их поставить, и Твари оказывались в колонне. Чешуйчатые шкуры с наростами, уродливые морды с носами-топорами, налитые кровью глаза прикрыты костяными щитками. И страшные рога на головах, точнее, вокруг жнецовых шей. Длинные, мощные, больше похожие на жвалы хищного насекомого. Они раскрывались и захватывали жертву в смертельные силки: внутренняя их сторона была острой, словно лезвие хорошо заточенного меча.

Один из жнецов получил свою добычу: конь, которого он сбил с ног, поднялся уже без всадника. Рога-лезвия не разрезали доспех несчастного, но оставили его без ног и смяли корпус, будто бумагу. Кто это был? Откуда-то сзади волна камней ударила в Тварь. Жнец удержался на ногах, но ему в голову тут же ударила следующая волна. Кто-то метнул гранату, сверкнула вспышка яркого света, и чьи-то плети оттянули Тварь с пути.

Впереди, наперерез каравану неслись ещё жнецы. Издалека их можно даже принять за оленей, если бы не поблескивавшая на солнце чешуя. Некоторые звери были ещё крупнее того, что остался уже позади. Всадники в голове отряда швырнули дымовые шашки, и через

минуту жнецы влетели прямо в завесу, но из неё почему-то выбежало только трое. Зато самых больших.

Так, они бегут очень быстро, если заставить их споткнуться... Дотянусь ли? Ещё и в движении... Попробую. Водяная плеть успела ухватить только одного жнеца, и он свалился. Тут же свистнули арбалеты и в брюхо Твари впились болты. Две других почти добежали до каравана. Одного жнеца пробило ледяное копьё, второго ударили камни, и какой-то боец умудрился вонзить клинок ему в глаз. Тварь повалилась на Тракт. Строй колонны сломался, но как только кони объезжали тело, повозки возвращались на место.

Из леса мчались новые жнецы. Они влетали в чёрный дым, многие там и оставались. Самые крепкие неслись дальше. Некоторые выбегали на Тракт прямо перед колонной и шли в лобовую, где их ждал Капо. Из-за этого он не мог часто отвлекаться на фланг.

А мне не удавалось поймать плетями всех жнецов. Слишком они быстрые. Опять двое врезались в колонну, потом ещё и ещё.

Щит! Рога почти сомкнулись на одном всаднике! Я успела вовремя, и его клинок пронзил горло Твари. Чьи-то плети оттащили поверженного зверя в сторону. Кто-то поднимал на жнецов волны камней и земли, но они успели забрать двух или трёх человек, прежде чем их откинули в сторону. Коня без всадников помчались вперёд, нарушая строй. Туда, где они станут добычей леса: на них остались запах и кровь людей.

Один из жнецов снёс лошадь вместе с наездником. Возницы еле успели увести коней в сторону. Всаднику удалось соскочить с падающего скакуна и запрыгнуть на идущую мимо повозку. Рога-жвалы сомкнулись на лошади. Прорезать железную броню они не смогли, но вспороли обнажившееся от падения брюхо. Свистнули болты, и лоза оттащила жнеца с добычей вправо. Ноги коня ещё дёргались... Его всадник забрался на крышу одной из повозок, в руках у него появился арбалет. Такой же, как у фортовых.

— Воздух! — раздался громкий крик.

Предки... На белой стене сидели мантикоры. Пять, девять... Как много! Ещё и жнецы. А мы ведь даже половины пути не проехали. Я поспешно накинула на себя и Ортана защиту. Не хватало ещё получить ядовитый шип.

Правый фланг колонны сбился, и теперь повозки ехали незащищённые. Я посмотрела назад: всадники дрались со жнецами, потеряв скорость. Великие силы, где-то там Малкир! А из леса всё так же выходили новые Твари, срываясь в галоп с небольшого пригорка вниз. Иногда даже появлялись змееклювы. Теперь и возницы метали гранаты.

Да что же это я! Дура, только плетями кидаюсь. Если дотягиваюсь до жнецов, то дотянусь и до мантикор. Можно... Пришло озарение. Я накинула щит на морду ближайшей кошки, потом превратила его часть в остриё, которое пронзило глаз Твари. Крылатая бестия рухнула вниз. А потом и следующие три... Или четыре? Неважно! Главное, это гораздо легче, чем метать копьё с риском промахнуться.

Будь я на фланге, получилось бы атаковать жнецов заранее. Можно бы перебраться по повозкам, но они так далеко друг от друга...

— Ортан! Подведи ближе к той повозке!

— Нельзя! — прокричал Ортан и метнул гранату.

Проклятье! Хотя он прав. Разрежённый строй давал пространство для манёвра в случае внезапного препятствия. Мне с самого начала следовало быть на правом фланге!

Ещё одна мантикора рухнула вниз, сражённая моим щитом. Получалось с каждым разом всё лучше. Но на сколько меня хватит? Со жнецом такой фокус не прошёл. В глаза,

прикрытые костяными щитками, было сложно попасть. Нос! Игла хоть и нелегко, но вошла в ноздрю. Зверь по инерции пролетел немного вперёд и рухнул на дорогу. Ближайшую повозку чуть не перевернуло, но обошлось. Плети оттащили труп с пути каравана.

Я снова посмотрела назад. Всадники уже нагоняли колонну. Непонятно, стало ли их меньше или нет. Если да, то не очень. Я отыскала глазами броню ящраги.

— Малкир!

Нет, сейчас до него не докричатся. Придётся делать что могу отсюда.

Лес извергал из своих недр всё новых и новых жнецов, словно там внутри скрывалось бесконечное их количество.

Почему из дымовой завесы выбегают не все? Думать некогда! Четверо жнецов споткнулись о водяные плети и упали. Ещё один умер от иглы в нос. Остальных смела каменная волна, и их тут же закидали дымом и светом. И всё заново. Раз за разом. А волна камней не становится слабее... Сильный фераген. Я ему не ровня. Воды во фляжке не осталось. Где-то впереди Капо метал ледяные копья направо и налево. У Малкира хороший отряд. Стоит ли чего-то моя нелепая выдумка?

Наконец Чащи будто исчерпали свой тварий запас.

— Шагом! — прозвучал голос Малкира, и караван замедлился.

Прямо счастье, что Твари кончились, хоть отдохнуть немного можно.

Малкир, переместившийся с фланга к повозке, подал мне два бурдюка.

— Я не подумал, что тебе нужна вода. Надо было приготовить заранее. Привык, что в моём караване только Капо владеет водой.

— Сама не подумала. У меня просто мозги набекрень от... всего.

— Малыш говорит, некоторые жнецы и мантикоры падали от странных атак. Твоих ведь рук дело?

Надо же, заметили...

— А кто такой Малыш?

— Это тот обормот, который швыряет камни направо и налево.

— Что ж, это у него получается лучше, чем готовить.

Ортан рассмеялся, Малкир тоже прыснул.

— Мне лучше быть справа. Там я...

— Нет, — отрезал он.

— Я буду полезнее там!

Малкир подумал, но снова ответил отрицательно.

— Если ты будешь там, то риск не довезти тебя до обещанного места, гораздо выше. Поэтому — нет.

Я заметила, как возница неодобрительно поджал губы и нахмурился.

— Ортан, ты не согласен, да? Скажи ему, это глупо! На Тракте не бывает лишних бойцов.

— Ортан может быть сколько угодно не согласен со мной, — ответил вместо него Малкир, метнув хмурый взгляд на возницу, — и даже сказать мне это сам, но нет. Ты остаёшься здесь. Делай что можешь отсюда.

И вернулся на своё место.

Дранные хвосты! Какой упрямец... Тогда сама пересяду! Только я собралась это сделать, как Ортан схватил меня за руку.

— А ну, стой, куда пошла?! Я, может, и не согласен, что он носится с тобой, будто с

сахарной, но раз сказано сидеть здесь, вот и сиди здесь.

Сахарной? Так, значит, думают в караване? Обидно...

Около получаса кони двигались шагом. Потом снова раздалась команда Малкира, и они пошли рысью. Как он так громко кричит? Наверное, использует силу.

Сколько ещё ехать? Судя по солнцу, полдень давно миновал. Мы проехали половину пути или нет?

— Проехали, — коротко ответил Ортан, когда я задала ему этот вопрос.

Значит, ещё четыре-пять часов. Как только кони не устают... И что такого в дымовой завесе? Почему не все Твари проходят её? Мне казалось, это просто для прикрытия. Может, сто лет назад так и было, а потом придумали новое? Наверное, Твари стали сильнее. Сто лет — большой срок.

Взрывы гранат отвлекли меня от размышлений. Я встала и увидела, как жнецы влетают в чёрную завесу. Ладно, с этими я вроде наловчилась.

Плеть, плеть, щит... Снова плеть. Предки, когда же всё это кончится...

Я на секунду подняла голову вверх. Ничего себе! Солнце уже сместилось далеко к западу. Сколько ещё ехать? Я почти выдохлась. Один бурдюк пуст, воды во фляжке давно нет. А жнецы никак не кончались. К ним ещё и добавились древесники. И чем дальше, тем больше их становилось. Сами древесники двигаются небыстро, но вот их живые лозы-плети — ещё как! Со свистом они хлестали по земле, по Тракту и каравану. Три повозки на моих глазах перевернулись, две из них древесники утащили вместе с лошадьми. Третью Малыш земляной плетью успел поставить на колёса, и она снова покатила вперёд.

И как древесников бить? Это же просто какое-то скопище палок, ветвей и листьев! Слепящую гранату-то хотя бы куда кидать? Резать плети? Но они такие быстрые, а я уже устала. В одного из монстров, который был ближе всех к каравану, ударил огненный шар. У Малкира полный набор генасов, кажется. Почему они не атаковали раньше? Ладно, раз не знаю, что делать с древесниками, буду бить жнецов.

Плеть, плеть, плеть, щит... Великие силы, я больше не могу. Даже плети трудно создавать. Да и воды под рукой у меня уже почти не осталось.

Ферагены и маагены атаковали древесников, хлеставших узловатыми плетями куда ни попадя. От ударов живых лоз и волн камней сотрясалась земля. Какие живучие! Несколько огненных шаров ударили в конечность одному из них, и она с треском повалилась на землю. Жнецы рядом резко сменили направление и облепили упавшую часть древесника.

Э-э-э... Точно: даже Твари любят смолу! Это здорово помогало каравану: как только от древесника отрывался кусок, все звери неслись туда. Но сами древесники... Стоило лишиться одного из них конечности, как начинала формироваться новая. Хорошо, что их это замедляло, и они не пускали плети так часто. Стало чуточку легче...

— Змееклювы!

Рано радовалась. Из мрачных Чащ выползали огромные змеи с длинными клювами. Неожиданно пёстрые и яркие, они скрылись в чёрном дыму и выскочили снова, поредев числом. Волна камней сбила первых, но следующие бросились к всадникам, на которых замерцали щиты. Люди встретили змей сталью, камнями и огнём.

Прямо справа Айнар рубил топором по пёстрой чешуе. А немного позади летал чуть изогнутый меч Малкира, уже давно покрытый кровью.

— Слева! — раздался внезапный крик.

Предки, стена кончилась! С той стороны караван атаковала ещё одна орда змееклювов

вперемешку со жнецами. Замерцали щиты, земля ощерилась ледяными копьями, но змеи смогли достать колонну. Две повозки опрокинулись и скрылись под клубком гигантских гибких тел вместе с возницами и лошадьми.

Воды в обоих бурдюках совсем ничего. Я вобрала в себя остатки, чтобы чуть восстановиться.

Вдруг в Тварей на флангах откуда-то полетели стальные копья, огненные шары и камни. Форт! Ещё немного, совсем чуть-чуть! Ворота уже медленно открывались. Я посмотрела назад. Малкир был там, в самом конце обоза. Он ехал близко к раненому всаднику, поддерживая того, чтобы не упал.

На моих глазах земля внезапно вспучилась, и вырвавшиеся из неё лозы смели хвост колонны.

Глава 4. Отвлечься от всего

Выйти наружу они не могли.

У Геррета, сколько он ни пытался, не получалось снять со льда замыкание силы. И ни Ирма, ни Фар вообще не понимали, что это такое. Коротышка хотел пробить каменные стены силой, но Фаргрэн его остановил. Что бы ни творила ледяная ведьма, она делала это не просто так.

Так или иначе, теперь они сидели взаперти, в центральной камере с Араной, куда перетащили и близнецов с писклявкой.

— Что такое замыкание силы? — спросил Фар, стараясь хоть как-то отвлечься от... Всего.

— Это... Приём, который позволяет отпустить, например, лёд и не тратить сил на контроль. Не просто оставить, иначе лёд будет таять или кто-то другой сможет управлять им, а... Короче, сделать так, чтобы сила работала как бы сама по себе. Сложный приём. Даже у меня не всегда получается.

Геррет позволил втянуть себя в разговор, чтобы тоже отвлечься от всего.

— Она такие вещи вытворяет... — пробормотал он, очевидно, имея в виду Мильхэ.

— Что она сделала с теми людьми? Как остановила?

— Да не знаю я! Правда, слышал ещё в академии, будто иллигены могут брать под контроль чужое тело, используя воду в нём. Вроде того, как целители-иллигены управляют кровью. Но я не знаю никого, кто так умел бы. И не слышал ни об одном случае. За такое по головке не погладят. И этому не учат. По крайней мере, в людских академиях. Мильхэ говорила, у неё был хороший учитель. Кто, интересно знать? Кто научил её такому?! — сказал он мотнув головой на Лорина.

— Эльфы многое хранят в тайне, может, у них это в порядке вещей, — предположил Фаргрэн, глядя на Ирму.

Она сидела совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. Сидела около Рейта и тихонько плакала. Над ним висел, будто маленькое солнце, янтарный шарик замороженного снадобья. Мильхэ сказала дать его Рейту, если тот очнётся. Но очнётся ли? Даже Лорин, который, по словам той же Мильхэ, был теперь живее брата, ещё не приходил в себя.

«Дурочка, зачем же ты пошла с нами?» — подумал Фар и погладил сестру по голове.

Впервые она не отшатнулась, не отдёрнулась. Просто затихла на мгновение, а потом опять всхлипнула.

— Ничто не сближает так, как общие неприятности, — внезапно сказал Геррет, глядя на них.

Фаргрэн кривовато усмехнулся. Ледяная ведьма, чтоб её.

— Вы это о чём?

Твари чащобные, Ирма наконец заговорила! Теперь и её можно отвлечь от всего. Наверное.

Они рассказали, как Мильхэ убедила близнецов не убивать напарника, который неожиданно оказался немного хвостатым.

— Почему все ненавидят оборотней? — спросила Ирма. — То есть почему люди их ненавидят?

Вопрос на сотню склянок смолы древесника и тысячу печёнок змееклюва.

Фаргрэн решил, пусть лучше Геррет объясняет. Какую воспитательную беседу он провёл с близнецами в Дубках!

— Как минимум по той причине, по которой ты лишилась семьи.

— А почему оборотни не забирают сирот себе? Почему они ходят среди людей и... — Ирма покосилась на брата. — И плодятся. Собираются в стаи, грабят, убивают и всё такое? Байки ходят одна страшнее другой.

Фару аж челюсти свело. Почему ар-вахану ведут себя как звери? Почему большая часть их думает, будто им ничего другого не остаётся, как стать такими, какими их считают? Это вопрос уже на тысячу склянок смолы.

— Старая проблема, — вздохнул Геррет. — Как говорил один мерзопакостный бородатый дед, беда в том, что все... Тьфу, не скажу я так хорошо, как он. Короче, все думают как? Вот тебя ударили, значит, ты можешь ударить в ответ. Тебя обругали, значит, ты имеешь право сделать так же. Вот и выходит: оборотень убил, убил человек, а, значит, оборотень снова убивает и так далее. Замкнутый круг. Кто-то скажет, всё не так просто, и может быть, так оно и есть, но очаг проблемы, думаю, именно в этом.

— Ладно, это понятно, — как-то легко согласилась Ирма. — Но почему оборотни не забирают сирот?

— Из-за таких, как Фар, да? — Геррет глянул на него. — Боятся, что пришлый оборотень умудрится уничтожить всё племя.

Фаргрэн вздохнул, вспомнив Да-Раат. Там был свой Зверь, но сопливого волчонка всё равно опасались, когда стало известно о пятерых убитых. Точнее, четырёх, но ведь про Ирму Фар тогда не знал. Старейшины племени попросили его уйти раньше, чем просили других.

— Ты — Гэн-аннадайр?! — прохрипела Арана.

— Я... Да.

Она прошептала что-то и, потрясённая, затихла.

Все помолчали.

— Когда-то оборотни забирали сирот, — Фар продолжил отвечать на вопрос Ирмы, — но это было очень давно. Можно сказать, только легенды сохранились. Говорят, раньше было девять волчьих племён, но два уничтожили как раз Звери. Такие же пришлые волки, сироты. А ещё рассказывают, около ста лет назад одно из южных племён пострадало от чужого Зверя.

— Да-Мидрас пострадал от Хозяина леса, — сказала Арана. — Северные просто не поверили. Да и наши сами еле поняли. Но это точно был не Гэн-аннадайр.

— Что за Хозяин...

— Сраный пепел! Посмотри, Фар! — Геррет подполз на четвереньках к трупку гена, неизвестно как появившегося в дольмене и с которого началась почти смертельная для всех схватка, и дёрнул за воротник. — Посмотри!

На воротнике с внутренней стороны красовался небольшой вышитый знак: раскрытый глаз со свечой вместо зрачка. Символ известного, уважаемого на Иалоне объединения учёных и генов: Общества Знающих.

— Это... Маатар, хоть кто-то должен выбраться отсюда живым и рассказать всё! Фар, ты слышишь? Люди должны узнать, что «знающие» творят какую-то хрень! И лучше, чтобы ты пошёл в Эйсстурм!

Фаргрэн хотел было спросить, почему он, но не стал. И так понятно. Но... Бросить котёнка? Писклявку? Ма... Арану?

— Орден Жизни, эльфийские полукровки, дети-генасы... Дойди до Эйсстурма во что бы то ни стало!

— Почему туда?

— Потому что...

— Гер, ты чешешься, — сказала Ирма.

Точно. Геррет, сам того не замечая, уже расцарапал кожу на левой руке до ярко-красных полос. На руке.

— Сраный пепел...

Когда Фар волком примчался к входу, ледяная ведьма заползала внутрь.

— Полукровки, — прохрипела она, но Фаргрэн и сам уже видел.

У деревьев стояло двое. Взрослый и ребёнок лет пяти. Взрослый что-то сказал, и малыш улыбнулся. Потом из-за деревьев вышел ещё один ребёнок, потом ещё и ещё... В конце концов, все они уселись полукругом около деревьев и прямо напротив входа в дольмен. Восемь детей и четверо взрослых.

«Нам конец», — подумал Фаргрэн.

Прошло почти два часа, но враги ничего не предпринимали. Отряду, можно сказать, повезло — аирогена среди полукровок не оказалось. А может, он и был там, просто не атаковал. На этом везение кончилось. Да и остались-то... Почти мёртвый лучник, его чуть более живой брат, полудохлая ведьма, на три четверти живой мааген, лежащая писклявка, котёнок и Зверь. Противопоставить двенадцати сильным генасам нечего. Они здоровыми-то чуть не сдохли всего от пяти.

— Ты хочешь, чтобы я убила детей, — тихо сказала Мильхэ.

Фаргрэн предложил ей использовать ту атаку, какой она была жнецов. Остановить мир, как она сделала с первыми нападавшими, Мильхэ не могла. И умерла бы от попытки сделать это снова. Да она и так почти умерла.

— Эти дети прикончат нас не задумываясь.

Ему тоже не нравилось это, но что им делать?

— А если только взрослых? — спросил Геррет.

— Дети, я думаю, всё равно атакуют, — вздохнула Мильхэ. — Мне кажется, мы справились бы с тремя или четырьмя. Но их там двенадцать! И боюсь, как бы среди них ни оказалось аирогена или ферагена.

— Там одних иллигенов на рыцаря воды третьего ранга хватит. — Геррет скривился, расчёсывая шею.

Ирма шлёпнула его по руке.

— Вызывайте заказчика, дурачьё, — послышался тихий голос.

Они даже не сразу поняли, кто это сказал.

— Рейт! — Ирма бросилась к их полумёртвому напарнику.

Кусок янтарного льда влетел ему в рот, слегка звякнув о зубы.

— Где Лорин?

— Рядом с тобой.

Впрочем, было неизвестно, услышал ли Рейт ответ — он снова потерял сознание.

— А заказчик-то как поможет? — пробормотал Фаргрэн.

— Хоть какой-никакой шанс всё же, — прокрипел Геррет. — Он прислал нам «драконьи атаки» и связанных големов, помог Снежным Роцам. Может, у него ещё какой

фокус найдётся! Или даже рыцарь.

— Для переноса нужна сила не ниже третьего ранга, — заметила Мильхэ.

— Нет, ну а что ещё мы можем сделать-то?! Либо ты всех сразу... — Геррет не смог сказать «убить». — Либо...

— Всех сразу я не смогу, — ответила Мильхэ и закашлялась. — Мне бы ещё часа два-три, немного восстановиться. А лучше пару дней.

— Надо хотя бы рассказать обо всём, что тут творится!

— Ладно, давайте попробуем сначала.

Фаргрэн внимательно посмотрел на Мильхэ. Было ясно: она не хочет, не может принять план с убийством восьми детей.

— Говорить буду я, — сказала она.

Никто не возражал.

Мильхэ нажала на серединку ромбика, но ничего не произошло.

— Твари чащобные... — прошептала она, надавливая ещё раз.

Голем не появлялся.

— Мы в самом центре дольмена. Думаю, надо идти ближе к выходу, — сказала Мильхэ, кое-как поднимаясь.

Они проверили связной ромбик в каждой камере по пути наружу. Голем отреагировал только в последней. Но едва образовались льдинки, как их словно разметало порывом ветра.

Геррет грязно выругался.

— Это они. Нам не дадут использовать голема. Маатар, у меня ощущение, будто мы сейчас живое пособие по тактике измора.

Оттуда, где они стояли, было видно весь коридор до выхода и полукровок, так и сидевших на земле. За два часа они почти не сдвинулись с места. Кроме одного взрослого: тот подтащил плетями труп кого-то из нападавших, и что-то рассказывал детям.

— Их надо чем-то отвлечь, — сказал Фаргрэн.

Мильхэ достала из рюкзака пирамидки, на которых поблёскивали щиты Геррета.

— Может, их отвлекут Твари?

— Древесник может похоронить здесь всех нас, — пробурчал коротышка.

— Нужно отвлечь их ровно настолько, чтобы мы смогли связаться с заказчиком. Снимай щиты!

Они ждали, не зная, стоит ли вообще чего-то ждать. Через полчаса стены дольмена содрогнулись.

— Сраный пепел, — ругнулся Геррет. — Это фераген или древесник?

Перед выходом взвилась плеть, рассыпая комья земли. Всё-таки древесник. И какой большой!

Полукровки, кажется, не обеспокоились. Они всё также сидели на земле, а ледяные копыя кромсали чудище в щепки. Но на смену ему пришёл следующий, а потом ещё, и ещё. С восточной стороны вышли крупные жнецы и тут же ринулись на детей, не обращая внимания на части разодранных чудищ: насытились смолой ещё на рассвете. На западе показались богомолы.

Уже все полукровки повскакивали со своих мест. Четыре древесника атаковали их одновременно.

— Чтоб вас вашей же хренью, — мстительно прошипел Геррет.

Мильхэ попробовала притянуть осколок льда, которого внезапно стало очень много.

Никто ей не помешал, и она вытащила последний ромбик.

— Надеюсь, в этой свистопляске они не заметят.

Глава 5. Нет пути назад

Ноги сами соскочили с подножки. Все мчались к форту, а я — назад. Малкир, где Малкир?

На дорогу обрушилась огромная плеть, и я едва увернулась от неё.

Слева отчаянно дёргал ногами тяжеловоз. Опрокинутая повозка и второй в упряжке конь, уже мёртвый, не давали ему подняться. Тело! Нет, это не броня яашраги. Я бежала дальше. Предки, только бы он был жив... Попыталась почувствовать жидкость. Как же её много! Тонкие ручейки, бегущие из тел, целые лужи под повозками.

Малкир! Глаз приметил броню из сотен резных листочков. Предки, не шевелится... Шлема нет, лицо в крови, но жив! Великие силы, жив! Конь, придавивший его, тоже, но у него переломаны ноги. Я привела Малкира в чувство. Он непонимающе посмотрел на меня.

— Молчунья, ты... — Почти сразу же его взгляд прояснился. — Сраный дым, ты должна быть в крепости!

Я призвала воду, и плети потянули коня в сторону. Малкир рыкнул от боли. Только не... Нет, ноги целы, почти. Вывихнута левая лодыжка, но это не так страшно: наложить лёд вокруг, и он сможет идти. Водяные плети внезапно лишились своего груза. Коня утащил змееклюв. Или древесник.

— Вставай! — Я окружила нас щитом и помогла Малкиру подняться. — Надолго не хватит меня.

Конь, где тот конь? В щит ударился змееклюв. Потом ещё один. Только бы не жнецы, их уже я не выдержу. И не...

Малкир потащил меня к опрокинутой повозке. На место, где мы только что стояли, обрушилась живая плеть. Древесник нашёл нас. А может, просто хлестал по всему, что видел. Надо с ним разобраться, но змееклювы...

— Закрой глаза, — сказал Малкир.

Слепящая граната с шумом разорвалась рядом с нами, едва пропал щит.

— Слишком близко мы, и слепые они найдут нас.

Я тут же поставила защиту обратно. Руки дрожали, мои силы на исходе. Меч Малкира вонзился в голову змее, успевшей пробраться под купол, и та упала.

— Бежим, — он потянул меня за собой.

Едва мы домчались до следующей повозки, как плети снова обрушились на дорогу, прикончив и змей, которые ползли за нами.

— Там впереди был конь, может, ещё жив он.

— Мы никуда не уйдём, пока этот палочник тут гуляет. — Малкир осторожно выглянул из-за повозки. — Аирос, давно такого большого не видел!

Да уж... Копья, пару раз долетевшие от форта до чудища, казалось, не причинили ему никакого вреда, такой он был огромный.

Великие силы, мне нужна вода, а рядом... Умиравший, и его уже ничего не спасёт. Раздавлены обе ноги, рёбра проткнули лёгкие и сердце, руки нет. И до сих пор не умер? Я собрала кинжал из крови, и он пронзил затылок несчастного, прекратив его мучения. Ох, зачем? Сил и так мало... Точно, кровь! Использую её. Но куда ударить? Надо наверняка... Отрезать конечность. Древесник большой, но не выше стены. Я дотянусь!

Кровь собиралась под монстром в лужу. На мгновение я прервалась, чтобы превратить

ручейки, бежавшие под змеями, в ледяные кинжалы... Так их. Пусть замедлятся.

До нас донеслось ржание. Тот конь?

— Молчунья...

За моей спиной свистнул меч. Послышался звук падающего тела. Потом снова.

— Молчунья!

— Подожди!

Не время. Кровь собиралась мучительно медленно. Наконец, еёхватило на копьё. Хотя бы одну конечность я смогу отрезать? Пусть остальные Твари отвлекутся на неё.

Лёд пробил монстра. Как же трудно! Сил почти нет...

— А-а-а!

В голове будто что-то лопнуло. Ледяные ножи прошили древесника изнутри. С оглушающим треском чудовищная лапа рухнула вниз. Как же кружится голова...

— Давай, бежим!

Малкир потянул меня, заставляя подняться. Я еле шевелила ногами, и он чуть ли не тащил меня на себе. Конь каким-то чудом был жив и всё так же пытался подняться. Малкир освободил его от упряжи и умудрился удержать на месте. Потом помог мне сесть и сел сам. Скакуна даже не требовалось понукать — он сразу сорвался в галоп и понёс нас к воротам.

Ох, предки, моя голова сейчас треснет от этой скачки...

Я открыла глаза и увидела Малкира.

— Мы в Змеиной Бочке, — сразу сказал он.

Так тепло и спокойно... Я медленно подняла руку — её обвивали тонкие, слегка светящиеся корни. Стоило сесть, как они втянулись в землю, оставив на миг лёгкую грусть.

Мы сидели в одном из углов форта. Правда, назвать углом это сложно — стены были круглые. Форт по форме напоминал бочку, лежащую на боку. Гигантскую бочку, вокруг которой кишмя кишат змееклювы.

— Принёс ты сразу меня сюда? — спросила я оглядевшись.

Малкир кивнул.

— Капо сказал, ты использовала гораздо больше сил, чем можно. У тебя кровь бежала из носа и ушей ручьём.

Я поднесла руку к губам, и на пальцах остались липкие красные пятна.

— Пойдём, — Малкир помог мне подняться. — Побудешь в повозке, пока не приготовят ужин.

Рядом с нами шли четверо солдат из Призрачных Башен. Двое их товарищей стояли около яркого дома ящраги. Выполняют приказ охранять...

— Скоро приду, — сказал Малкир и ушёл, закрыв за собой дверь.

Приведя себя в порядок, я выглянула наружу: сидеть внутри не хотелось.

— Госпожа, вам лучше не ходить по форту, — сказал один из солдат, увидев меня. — Здесь есть служащие из Периама.

Вот, значит, как.

— Просто посижу здесь, — согласилась я, усаживаясь на подножке.

— Никогда не видел, — тихо сказал другой солдат, — чтобы кто-то вот так бежал против движения каравана, в самую гущу змей. Вам повезло.

Повезло? Да уж... Как я так умудрилась добежать до Малкира, не столкнувшись ни с одним змееклювом? Ладно, главное, он жив.

Мой черноволосый рыцарь стоял чуть поодаль, разговаривая с Айнармом, Капо и ещё одним мужчиной. Наверное, Дин? У всех такие мрачные лица. Потом они разошлись. Капо отправился к навесам, под которыми — как это я не сразу заметила? — лежали раненые. Не очень много... На Тракте ведь почти не бывает раненых. Вместе с Дином Малкир ушёл дальше к повозкам. Он сильно прихрамывал.

Айнар подошёл ко мне.

— Я, то есть, мы все хотели сказать тебе спасибо. За то, что спасла Малкира.

И ушёл.

Предки, а я ведь, ни капли не раздумывая, кинулась за ним... Точно — невероятно повезло. И как хватило сил отрезать лапу древеснику?

Малкир вернулся с горячим ужином. Когда мы оказались в повозке, он поставил тарелки на столик, а потом вдруг сжал меня в объятиях.

— Спасибо, Молчунья, ты спасла меня, — прошептал он и слегка улыбнулся. — Гордость моя, конечно, протестует, утверждая, что я и сам бы справился, но я знаю — не смог бы. Спасибо.

Его губы коснулись моих пальцев.

— Спас ты первый меня.

Он снова улыбнулся.

— Но не так героично. Ладно, давай поедим.

— Скольких человек потеряли вы? — спросила я, придвинув к себе тарелку, и Малкир разом помрачнел.

— Девятнадцать. Четырнадцать наёмников и пятерых наших — Берта, Шэвана, Сири, Крэма и Эйса. Если бы не тот древесник перед фортом, было бы гораздо меньше.

— Мне жаль, — сказала я, накрыв его руку своей.

Он сжал мои пальцы. Потом вздохнул.

— На Тракте такое может случиться в любой момент с любым из нас, мы это знаем, сами такую жизнь выбрали.

— Может, надо помочь Капо?

— Поешь сначала, потом спросишь у него. — Он улыбнулся. — А наши по-другому теперь на тебя смотрят. Уважают.

— А раньше?

— Раньше... — Кажется, Малкир смутился. — Так не думали.

— Сказал Орган, носишься ты со мной, как с сахарной.

— Вот как? — хмыкнул он, и в его чёрных глазах мелькнула усмешка. — Уверен, он уже нашёл для тебя другой эпитет. Кстати, — Малкир опять стал серьёзным, — я видел, что ты сделала с древесником. То копьё из крови. Ты, может, не знаешь, но это... Не считают приемлемым.

— Давно?

— Понятия не имею. Мне об этом Капо рассказывал, но он не говорил, что раньше было по-другому.

— А дым из гранат... В него стали добавлять что-то?

— На моей памяти дымовая завеса всегда была с парализующим воздействием. Что-то вспомнила?

— Не уверена, но мне казалось, это просто маскировка.

— Думаешь, сто лет назад такого не было?

— Вероятно. А почему не вступали твои маагены в бой, когда было много жнецов.

— Они на жнецах всегда занимаются защитой, чтобы осталось больше сил на древесников. У меня только Капо и Малыш могут почти без передышки сражаться всю дорогу.

Да уж, редкий генас на такое способен.

Меня интересовало ещё кое-что — умения Малкира. Нет, понятно, он аироген, громкие команды кричит с помощью силы, на языке яашраги говорит, тоже пользуясь силой. Но что-то не давало мне покоя.

— Скажи что-нибудь на языке яашраги.

Малкир, кажется, удивился, но просьбу выполнил.

— Ещё! Говори долго!

Он говорил, и я слушала. Предки, я... Понимаю, как он это делает. Чувствую, как движется воздух, проходя через горло, как Малкир будто... мнёт его! Это же... Невозможно.

Я попыталась произнести последнюю фразу. Малкир замер.

— Аирос... — выдохнул он, — ты... Как?!

А я вдруг вспомнила свой побег. Тогда мне удалось оглушить двух солдат у портала. И только сейчас пришло осознание — я сделала это воздушной волной. Великие силы... Никто не управляет двумя стихиями!

— Только не рассказывай никому.

— Аирос, и не подумаю, но...

— Я сама ничего не понимаю.

— А поймёшь ли, если уйдёшь в Чащи?

Опять он за своё!

Остаток ужина прошёл в молчании. Иногда Малкир порывался заговорить, но, видимо, не находил слов.

Поев, я отправилась к Капо. Двое фортовых солдат шли на шаг позади меня. Периамцев было видно по презрительно-хмурым взглядам в мою сторону. Почему эти люди так плохо относятся к эльфам?

— Нет, я уже всё сделал, — сказал Капо, когда я спросила, нужна ли помощь, — но спасибо.

— Можно, я всё же посмотрю? Вдруг пойму, что умею.

Брови у Капо дёрнулись вверх. Удивился? Малкир не говорил ему, что я потеряла память?

Осматривая раненых, я вспоминала строение людей, как лечить похожие травмы. Первое вспомнилось легко, а вот второе... Нет, я в целом понимала, что сделал Капо и почему, но некоторые вещи казались необычными.

— Капо, где ты учился?

— В Эйсстурме, — ответил он.

Да, там лучшее на Иалоне образование для иллигенов и водородённых. По крайней мере, сто лет назад так было. Может, я тоже там училась?

— А ты знаешь, как восстанавливать память?

Капо удивился ещё больше.

— Нет. Может, конечно, и учил что-то такое, да только мне это ни разу не требовалось. Поэтому если и знал, то забыл.

Ладно, ему и правда моя помощь не нужна. Да и в фортах тоже целители есть. Они

могли ему помочь, пока я лежала без сознания в корнях. Лучше вернуться в повозку. Можно почитать — успею закончить «Новейшую историю Иалона». Оставлю Малкиру, хотя вряд ли она ему нужна.

Что-то вдруг схватило меня за лодыжку, и я, споткнувшись, упала прямо в руки своему спасителю, который как раз подошёл.

— Ноги не держат? — с улыбкой спросил Малкир.

Что это было? Плеть ферагена? Не успела я ответить, как о мою щёку шмякнулся и сразу упал мягкий ком. Я посмотрела вниз. Лошадиное...

— Дерьмо! — выругался Малкир.

Фу-у... Я поспешно призвала воду, чтобы очистить лицо от ещё тёплого навоза.

— Ты это сделал?

Малкир уже стоял перед каким-то солдатом. Внезапно воздух над ним будто сгустился, и солдат рухнул на колени. Мгновение, и чуть ли не все фортовые оказались рядом. Как и люди Малкира. Предки... Надо его остановить!

— Госпожа, нет! — воскликнул один из моих сопровождающих.

Удержать меня он не успел.

— Малкир! — позвала я, пробегая между набычившихся бойцов его каравана. — Малкир, не надо!

Он стоял, схватив упавшего на колени солдата за руку, и выворачивал её. Сломает же! Почему все просто стоят?!

— Отпусти его!

Моя водяная плеть сдавила предплечье Малкиру, и его пальцы разжались. Он обернулся — на лице застыл гнев.

— Не надо, не стоит оно того.

Малкир, кажется, расслабился, повернулся к солдату:

— Тебе повезло, что она вступилась за тебя. — И пошёл было ко мне, но резко развернувшись, ударил солдата в лицо.

Дранные хвосты!

Через мгновение Капо оказался рядом, и его руки окутала вода. Позади него Ганн и Айнар взяли за топоры. Фортовые солдаты схватились за мечи. Сумасшествие!

— Стоять! — прокричал чей-то властный голос, и те, кто чуть не бросился в драку, замерли.

Из толпы вышел мужчина лет сорока с коротко стриженным ёжиком светлых волос.

— Угомони своих придурков, Вин! — процедил Малкир.

— Тебя бы самого кто угомонил, — усмехнулся тот. — Пусть лучше не ходит здесь, — сказал он, едва взглянув на меня.

Малкир позволил увести себя. Позади командующий раздал короткие приказы, и толпа начала расходиться. Капо ушёл под навес к раненым. Люди из каравана тоже вернулись к своим делам.

— Совсем сумасшедший ты, — сказала я, когда мы остались одни в повозке.

— «Ты совсем сумасшедший», — не преминул поправить меня Малкир.

— Зачем ударил? Из-за этого могла драка случиться!

— Не случилась бы. Я видел, что Вин рядом. А тому идиоту за дело досталось. Он не службе, вообще-то, и всем отдан приказ не трогать тебя. Вин с него ещё три шкуры сдерёт.

— Сломал ты ему руку почти!

— И сломал бы! Чтобы не повадно бы... — Малкир изменился в лице. — Аирос, я не подумал. Тебе ведь тоже... — Он нежно взял мои руки и поцеловал пальцы. — Прости.

— Да разве в этом дело? — Или в этом? — Это... неправильно!

— Неправильно? Да если бы они не получили приказ, дело не ограничилось бы комком дерьма в лицо!

— Но ведь ограничилось! И вообще, наказывать должен командующий. Не ты! Это не твой караван! Разве было у тебя право?

— Что ты хочешь от меня услышать? Что я был не прав? — повысил он голос. — Да мне плевать! Этот ублюдок посмел тронуть тебя!

— Малкир...

— Сиди в повозке, если не хочешь, чтобы я ещё кого-то прибил из-за тебя!

Он вышел и хлопнул дверью. Твари заberi его вспыльчивость... Хорошо, что всё обошлось.

Попробую почитать, как хотела. Сев на пол, я открыла книгу, но никак не могла сосредоточиться. Малкир всё же угадал. Я не думала о том, правильно ли он поступает. При виде того, как выворачивается рука солдата, в голове пронеслись совсем другие мысли... Нет, не вспоминай.

Через час Малкир вернулся в повозку. Молча прошёл внутрь, сел на кровать. Он долго глядел, как я читаю, а потом всё же заговорил:

— Завтра поедешь в самом конце каравана. — И тихо добавил: — Извини за сегодня.

Предки...

— Меня просто с ума сводит, что ты уйдёшь, ещё и в Чащи. Я так хотел тебя отговорить. — Он вдруг оказался рядом на полу и сжал моё лицо в ладонях. — Видимо, плохо пытался, да?

— Малкир...

— Иногда я даже подумывал запереть тебя в повозке или опять запихать под кровать, но... — Он усмехнулся, но в глазах плескалась грусть. — Аирос, не уходи!

— Не могу я остаться...

Малкир с жаром прижал меня к себе и поцеловал. Предки, что он делает? Что мне делать? Через пару мгновений он со вздохом отстранился.

— Я настолько тебе противен?

— Что?

— Стоит мне коснуться тебя, как ты цепенеешь. Так боишься меня? Или... — Его чёрные глаза вдруг расширились. — Мужчин? Аирос, они...

— Нет, Малкир, нет.

Руки Главного Гада, его взгляд... Нет. Не вспоминай.

— Я уж подумал... — сказал он, облегчённо вздохнув.

— Такого не было. Успела я сбежать... до этого.

— Хорошо. — Он нежно гладил, перебирал мои волосы.

— Малкир, не могу я остаться. Просто хочу уйти подальше от этого всего.

— Даже от меня?

Предки, что сказать... Я ведь слышала пару раз, как то ли Ганн, то ли Капо говорили, будто Малкир влюбился без памяти, как глупый мальчишка. А я сама? Не знаю...

— Не хочу подвергать тебя риску.

— За себя я могу постоять. И за тебя.

Сколько в нём уверенности. Мне бы хоть капельку её.

— Малкир, нужно мне... время. Хотя бы просто успокоиться и не вздрагивать от любого шороха.

— Аирос, Молчунья, разве это можно сделать в Чашах?

— И нужно время затаиться, — продолжала я. — Не смогу я сделать этого в твоём караване. И так уже рискуешь ты гораздо сильнее, чем раньше. Известно всем, что была я с тобой. У тебя ещё будут ночные гости, как тогда.

— Я не боюсь. И не хочу, чтобы ты погибла. Оттуда нет пути назад, знаешь ли.

Глава 6. Крыса и жгучая вода

10 день 4 месяца 524 года новой эпохи

Подумав немного, Эйсгейр слил всех ярлов, требовавших участия Ледяного дворца в решении их проблем, Ормунду. Тот сначала удивился, а потом рассердился — на нём, кроме прочего, лежали дела по благоустройству Главных палат и других целительских заведений. А ещё переданное ему Эамондом.

— Жаловался, что старики всем заправляют? Вот заправляй теперь ты! — тоже рассердился рыцарь на своего отпрыска в каком-то там колене. — Или думаешь, не по статусу забота? Так уж прости, мы с Эамондом этим тоже занимались! Работай, Ормунд!

«Молодому» — всего-то пятидесяти лет — сыну наместника ничего не оставалось, как подчиниться и ночевать в Ледяном дворце, хотя у него имелся собственный особняк. Но море дел и потоки просителей заставляли Ормунда работать до ночи. Зато у Эйсгейра и Эамонда появилась возможность чуть-чуть отдохнуть и как следует заняться делами поважнее межевых и наследственных споров.

Сейчас рыцарь намеревался просмотреть донесения разведчиков и подумать обо всём почти отдохнувшей головой.

Было ясно — дела идут совсем паршиво. Проблемы шире океана, а Эйсгейр медленно ворочается, будто тысячелетний кракен. Давно нужно было придумать, как обезопасить северные границы в случае... всего. С того злосчастного разговора, подслушанного в королевском дворце, прошло два месяца. Два! А ещё ничего толком не сделано.

Почему крысой Тунора до сих пор не занялись как следует?! Ведь хорёк не из воды узнал, что Эйсгейр следит за Гилрау. Парни Виркнуда наблюдали за дворцом, но не заметили никого подозрительного. Значит, крысой заделался кто-то из слуг или вхожих во дворец.

В дверь постучали, и на пороге показался служка.

— М-милорд, наместник Эамонд прислал сообщить, что будет на обеде.

Эйсгейр поблагодарил его, отчего парень просиял, и разрешил идти.

— Постой, — остановил его рыцарь и пригляделся.

Это же новичок, который месяц назад чуть не падал от одного вида легендарного лорда!

— А скажи-ка, парень, откуда ты родом?

— Из Айс-сена, м-милорд, — ответил парнишка и попятился от взгляда рыцаря.

Вместе со слугой Эйсгейр перелился к дворецкому. Тот даже не вздрогнул: к внезапным появлениям привык за годы службы.

— Кольреф, расскажи мне об этом мальце. Как работает и прочее.

— Хорошо работает, милорд. Нареканий никаких, старательный. Два года прослужил вне дворца, потом его взял сюда. На кухню, но там ему девки прохода не давали, поэтому пока на побегушках. Не генас, родом из Айсена...

Слушая дворецкого, Эйсгейр расслабился. Он уж думал, парень и есть крыса, но не похоже. Вероятность, конечно, оставалась, поэтому хотя бы ненадолго, но надо приставить к нему человека.

— Я понял, Кольреф. Но посмотри, парень бледный, как зимняя аксоль. Когда он отдыхал в последний раз?

— Э-э, милорд, я не совсем...

— Дай ему отдых, замордовали уже. Тебя, малец, как зовут?

— Ф-фари, м-милорд.

— Так, Фари, отдохни-ка два дня, завтра и послезавтра, понял? А то прозрачный скоро станешь.

Служка просиял будто весеннее солнце. Эйсгейр отпустил его, и тот уплыл работать, явно предвкушая, как проведёт неожиданно выпавшие выходные.

— Милорд, вы не подумайте, я не... — начал оправдываться дворецкий.

— Успокойся, не бери в голову. Новые работники, кроме этого, за последние год-два были?

— Не очень много, милорд. Человек пять.

После разговора с Кольрефом рыцарь вернулся в кабинет. Как найти крысу? Прополоскать всех, как он сам говорил Эамонду, ни людей не хватит, ни времени. А уж если учесть, что надо и ярлов пощупать...

— Мяу!

Ярл Мурмярл пушистым облаком сидел на полу у стола.

— Вот не ты ли крыс ловить должен, а, ярл?

Кот сосредоточенно разглядывал кошачьи невидимости на полу. Эйсгейр усмехнулся, вспомнив, как и Малкир говорил о крысах. Потом вдруг подумал: его пушистость крысами сроду не интересовался. Почему тогда оказывает полу такое внимание?

— Правда, что ли, крысы завел...

Рыцарь замер от собственной догадки.

— Умница, Мурмярл, — прошептал он, тоже глядя на пол, — а я болван...

Эйсгейр неожиданно чётко вспомнил — часто во время бесед с Виркнудом, когда уже стоял круг тишины, Мурмярл мяукал, играя в свои гляделки с камнями. Такого не бывает, если защиту наводит Миррин, — кот просто начинает беспокойно расхаживать по кабинету. С рыцарем же ведёт себя иначе — будто что-то вынюхивает, охотится... А ведь Эйсгейр, как и все болваны, по привычке ставит круг тишины стеной, не особо думая, что там под ногами.

«Восемьсот тринадцать раз болван», — обругал себя рыцарь и перелился вниз, в архив.

Какой-то человек вскрикнул и чуть не грохнулся со стола. А должен бы сидеть на стуле.

— Ты кто такой? — спросил Эйсгейр.

Тот хватал ртом воздух и не мог сказать ни слова от удивления и испуга.

Эйсгейр оценил расстояние между столом и потолком крохотного кабинета. В архиве потолки вообще не очень высокие. Если встать на стол, то можно ухо приставить к камню. А эта крыса архивная явно придумала что-то себе в помощь: в руках молодой парень держал странную трубку. Видимо, Ярл Мурмярл слышал, как она шоркает по камню, или как двигается сам шпион по кабинету.

— Милорд?

Это пришёл главный архивариус Хелгар, услышав шум. За его спиной собирались оторванные от своих свитков и книг писцы.

— Кто здесь работает кроме него?

— Никто, милорд.

— Заберу-ка я этого парня на время, Хелгар. А может, и не на время.

Крыса, хоть её и поймали на горячем, держалась стойко. Времени наблюдать за допросом у Эйсгейра не было, и он вернулся во дворец, оставив писца на попечение

рыцарям, следившим за холодушкой.

В кабинете его ждал Эамонд.

Глядя на серебряного кракена в волосах своего потомка, Эйсгейр осознал, что наместник уже совсем седой.

«Океан-отец, скоро всё их поколение уйдёт...» — поразила рыцаря горькая мысль.

Эамонду семьдесят, Хелгару даже больше. Да почти всем главным фигурам в его людском окружении за шестьдесят, как Сигсону. Виркнуд был самым молодым, приближаясь к полувековому рубежу. Как и Ормунд. Рыцарь в ужасе подумал, что вполне вероятно ему придётся менять паруса в разгар шторма.

— Милорд, — заговорил Эамонд, отвлекая своего владыку от печальных размышлений, — разведчик из Бергнеса прислал отчёт.

— Так скоро? Недели вроде не прошло.

— Да, милорд, — ответил наместник и подал рыцарю бумаги. — Он решил отправить раньше.

Эйсгейр взглянул на листы и нахмурился: буквы все были родные, но вот складывались в совершеннейшую тарабарщину.

— Это что?

— Записи подслушанного.

— Он просто писал всё нашими буквами? На слух?

— Судя по всему, да.

— Да языковеды половину академии отдали бы за этого парня! — восхитился рыцарь.

Он смотрел на письма со странными значками. Расшифровка их приводилась тут же — обозначения разных звуков, смягчение или что-то, чего не было в общем или северном языке. Получалось, разведчик сходу выдумал, как записывать непонятную ему речь. Да ещё в каких условиях!

— Да он гений какой-то!

— Ну, судить не берусь, но слух у него хороший и воздухом одарён.

Эйсгей пробегался взглядом по записям. Да, парень достоин награды! Ещё и выделил часто повторяющиеся слова.

— Я решил сначала показать вам, прежде чем привлекать кого-либо. Это наречие разведчик не учил, но некоторые слова ему показались знакомыми и подозрительными, поэтому он стал запоминать и записывать фразы с ними. Всё, конечно, не смог, но написал много.

— Подозрительными?

— Посмотрите на часто повторяющиеся слова, милорд. Их отдельно выписали сюда.

Рыцарь прочитал первое слово, и у него ёкнуло сердце. «Лашге». Напоминало «лашагед» из доимперского энуби. «Север». И правда, подозрительно...

— Кого привлечём к расшифровке, Эамонд?

— Может, эльфов попросить?

Да, уж у них знатоки всех видов энуби найдутся, и в Общество Знающих они не побегут, но... Стоит ли доверять Детям Леса, если и среди них не так спокойно, как кажется со стороны?

— А из наших?

Оба ненадолго замолчали.

— Хелгар, — сказал Эамонд.

«Эльвейг», — подумал рыцарь.

Его последняя жена, как и нынешний главный архивариус, занималась историей и языками. В её личной библиотеке было много всего. В том числе словари разных наречий энуби, которые Эльвейг составляла сама.

Они и пригодятся Хелгару в расшифровке записей. Чем можно соблазнить учёного в преклонных летах, уже вырастившего и детей, и внуков, и правнуков, жившего в достатке подле владыки Северных земель, ни Эйсгейр, ни Эамонд придумать не смогли. Хелгару доверять можно.

Рыцарь перелился в архив, опять переполошив писцов. Невозмутимый главный архивариус как ни в чём не бывало поправил очки и поклонился.

— Хелгар, где библиотека Эльвейг из её особняка?

— Она ещё здесь, милорд. Мы всё рассортировали. Ждём ответа от Второго архива с копиях. И переписываем то, что имелось в единственном экземпляре.

Дела архивные вершились не быстро. Сейчас это даже радовало.

— Покажи мне словари.

— Да, милорд, сюда. — Хелгар повёл рыцаря между столов и стеллажей. — Я, признаться, посмотрел её последние работы. Она великолепным языковедом была. Один словарь доимперского энуби чего стоит, милорд. Не знаю, почему и половины не опубликовала. Жаль, ушла так рано...

«Ну конечно, она занималась энуби! — подумал Эйсгейр, вспомнив, как Эльвейг долгими вечерами что-то писала, обложившись со всех сторон свитками и бумагами. — И другими периаемскими языками».

— А может, милорд разрешит опубликовать словари? Найдём, кто доработает, и...

— Посмотрим, Хелгар, посмотрим. Мне нужна твоя помощь.

— Конечно, милорд, приказывайте.

Рыцарь отдал архивариусу записи разведчика и наказал сделать перевод в строжайшей тайне. Но сначала попросил найти слова из списка разведчика. Хелгар попутно восхищался словарями Эльвейг.

— Вы не понимаете, милорд. Так никто раньше не делал.

— Верю, Хелгар. Она просто не успела довести работу до конца.

«Почему тогда не нашла помощника? — с лёгкой грустью подумал рыцарь о жене, умершей, когда ей не было даже шестидесяти. — Ведь не могла не знать, что произведёт фурор своими словарями».

Найденные значения слов вывели все мысли об Эльвейг.

— Хелгар, переводы остальное. Первоочередная задача. И никто не должен знать!

Возвращаясь к себе в кабинет, рыцарь думал об этих словах. Про «лашге» он догадался правильно. Но в разговорах было два разных «севера». Одно в сочетании со словом «орки», другое — с «городом». В первом случае добавлялось «пять», «волк», «чудища». Во втором — «жгучая вода». Что бы это всё значило? И сколько времени уйдёт у Хелгара на перевод?

— Север, город, жгучая вода... — бормотал Эйсгейр себе под нос. — Север, город, жгу...

Он замер: а если не жгучая, а едкая?

«Сигсона ко мне и Виркнуда!»

Рыцари старших рангов вздрогнули от рёва, раздавшегося в их головах. Обычно так врывалась в мозги Одрин, и они не сразу осознали, что это был Эйсгейр.

«И наместника. И Ортхирского Мясника, сожри его кракен!»

Глава 7. Отделённая

Я сидела на подножке повозки. Не яшраги, а обычной трактовой в самом конце колонны. Позади стояли только солдаты из Белых Башен.

Малкир проверял караван перед отправлением и раздавал указания.

Ко мне подошёл Капо:

— Может, не надо? Останься, а то он с ума сойдёт.

— Капо, в караване я всего-то неделю. Слишком мало, чтобы сойти с ума.

— Ты просто не знаешь его. И я вчера первый раз увидел, как кто-то смог уговорить его остановиться, — сказал Капо и пошёл в голову колонны.

Это называется «остановиться»?

Когда раздался сигнал, и караван тронулся, Малкир поехал рядом. Лицо его было мрачнее Тёмных Чаш.

— Фортовые говорят, вокруг почти нет змееклювов, — сказал он хмурясь. — Если повезёт, проедем до Западного форта без особых приключений.

Что-то похожее я услышала перед выездом из Восточного. Это всего два дня назад случилось. Даже десяти дней не прошло, как я сбежала. А кажется, будто уже целую вечность в караване...

Интересно, получится ли у Малкира выяснить что-то о моём похищении? Или о тех женщинах, которых провезли по Тракту другие торговцы? Вчера Малкир долго расспрашивал меня о всяком, я рассказала, что помнила. По его мнению, этого было слишком мало, но он пообещал сделать всё, что сможет.

Кони поднялись в рысь, и повозки загрохотали по Тракту. Дорога снова была тёмной, из каменного дуба. В самом начале недалеко от форта столкнулись со змееклювами, но разделались с ними без особых усилий. Позже встретилось несколько жнецов. И всё. Видимо, у Малкира отличное чутьё, если оба раза его предсказания сбылись.

Солнце уже сместилось из зенита к западу, когда дорога стала спускаться с пологого холма. Внизу показалась крепость. Западный форт. Хоть его и видно отсюда, но ехать ещё часа два. В любом случае мне уже пора. Солдаты Призрачных Башен хмуро переглядывались между собой и посматривали на меня. Сомневаетесь, что я уйду, да? Собственные сомнения от слов Капо, я отогнала куда подальше. Если останусь, ни к чему хорошему это не приведёт.

— Малкир, — позвала я, поправляя рюкзак за спиной. — Всё.

Малкир помрачнел ещё больше и попросил возницу замедлиться. Как только я спрыгнула, рысак быстро набрал скорость и нагнал караван. Малкир остановился.

— Что делаешь ты?

На Тракте не останавливаются! А он уже дважды это сделал. Солдаты из Белых Башен замедлились и тоже остановились, удивлённо и неуверенно посматривая то друг на друга, то на нас.

— Прощаюсь. — Малкир нагнулся и поцеловал меня, потом нехотя оторвался. — Постарайся умереть не слишком быстро, Молчунья, — прошептал мой спаситель. — Иди.

— Малкир, спасибо.

Его сильная рука развернула меня и подтолкнула в сторону леса.

— Иди.

Я старалась идти как можно быстрее, но оборачивалась чуть ли не каждую минуту.

Малкир всё так же стоял, глядя мне вслед. Только когда я дошла до опушки, он сдвинулся с места и пришпорил скакуна, нагоняя фортовых солдат и караван.

Сев прямо в снег, я сидела до тех пор, пока стук колёс и копыт не стих вдали. Потом, достав ошмётки плаща некой Нирии, раскидала их на расстоянии друг от друга, одновременно уходя вглубь леса. Может, и зря, но не хранить же это теперь. Идти в эту сторону нельзя — все видели, как я пошла на север. Значит, отправлюсь на юг. Подняв силой лёгкий снег, я замела следы.

Вернувшись назад за холм, чтобы Западный форт скрылся из виду, я перебежала тракт. Может, надо было сделать это в темноте, но лучше не рисковать, оставаясь долго на одном месте. Добежав до опушки, я постояла, осматривая зимний мрачный лес, а потом двинулась вперёд. Обойду Западный форт и выйду из Чащ как можно южнее от него. И как можно быстрее, чтобы не попасться Тварям.

Ух, а сегодня всё-таки морозно: нос даже пощипывает от холода.

Так, идти надо осторожно и не шуметь. Мало ли кто меня услышит. Какой-нибудь змееклов или, того хуже, древесник. И всё же, снег и ветки под ним, казалось, оглушительно хрустели на весь лес. Шорох заставил меня остановиться. Предки... На поляну впереди вышел жнец. Как только он повернул голову в мою сторону, я накинула на его морду щит. Мерцающая игла вошла в нос, и зверь рухнул на белый снег. Сердце чуть не выпрыгивало из груди от испуга. Надо быстрее уходить!

Через пару часов пришлось сделать передышку. Идти по дремучему заснеженному лесу оказалось нелегко. Уже и холода не ощущалось, даже пришлось снять верхний тёплый плащ, чтобы остыть. Усевшись под большим деревом, я достала свёрток с едой. Малкир попросил фортового повара наготовить мне запас на несколько дней. Рюкзак, и правда, очень хорош: столько положили, а вес почти не чувствуется.

Послышался тихий гул. Он нарастал, и через пару мгновений мои ноги обвили корни, заползая под одежду. Усталость ушла. Интересно, если они восстанавливают меня, я смогу идти без сна, пока не выйду из Чащ? Наверное, так и попробую. У самой земли распустился милихалиэн, радуя глаз яркими тычинками-бусинками.

Хм... Чем я буду питаться в Чащах? Сейчас ведь зима... Охотиться на птиц? Кроликов? Я достала хлеб с мясом и разделила порцию пополам. Что мне известно об охоте на кроликов? Ладно, можно подумать об этом потом. В любом случае корни не дадут мне умереть от голода. Они вообще, наверное, не дадут мне умереть. Из-за них я так уверена, что не погибну в Чащах?

Пора двигаться дальше! Сложно, конечно, идти в лесу без тропинок и вообще просто на юг. Вот бы сюда Крепкие Когти. Или Старейшину — вмиг доведёт куда надо. А в лесу так хорошо... Спокойно и тихо. И уж сюда точно никто не сунется. По снегу вилась еле видная хмарь, напоминая, что я в Тёмных Чащах и расслабляться нельзя.

Внезапно ветка под ногой сломалась, я оступилась и кубарем полетела в овраг. Ох, вся в снегу! И синяков теперь будет... Я встала отряхиваясь. Даже за шиворот попало. Вот дура! Не Твари меня прикончат, а шею себе сломаю где-нибудь. Совсем страх поте...

Из тёмной пещеры в склоне оврага на меня смотрели жёлтые глаза.

Сердце вылилось в пятки. Всё, я труп...

Предки! Почти не думая, я накинула щит на морду мантикоры. Но... Так, она ведь заметила меня гораздо раньше, чем я её. Почему я до сих пор жива? В глубине пещеры шевельнулась тень. Вторая мантикора! Я отошла подальше. Твари беспокойно мяукали,

будто переговаривались.

Почему они не нападают?!

Я сняла щит с мантикоры. Что творю...

Обе Твари сверкающими жёлтыми глазами оглядели меня с ног до головы, недовольно дёргая хвостами, и... ушли в пещеру.

Великие силы, как такое может быть? Я сделала шаг за ними. Совсем с ума сошла. Огонёк осветил кошачье логово, не очень большое, даже не пещера, а просто нора, выкопанная в склоне под корнями дерева. Одна мантикора улеглась и... Ого, это детёныши? Кошка лапами окружила ворох из хвостиков, лап, крошечных крыльев и мордочек. Когда я сделала ещё шаг, взрослые мантикоры зарычали. Кажется, это предупреждение...

Уже выбравшись из оврага, куда скатилась по собственной глупости, я всё ещё не могла поверить, что мантикоры не разорвали меня на кусочки. Тем более, у них же потомство, разве они не должны быть агрессивнее, чем обычно? А может... Я зря убила того жнеца? И... Предки, именно поэтому получилось спасти Малкира?! Потому что Твари на меня не нападали? Бежала ведь через самую гущу... Но я же ходила на богомолы вместе с волками! Нет... Если подумать, то и тогда богомолы не атаквали меня. Они меня даже не видели.

Неужели... Так, надо найти кого-нибудь. Точно умом тронулась — сама хочу найти Тварь чашобную. Я поискала следы силы. Почему никого не видно, если их так много? Выбрав самый яркий, я пошла по нему. Такой чёткий, наверное, совсем свежий и от большого зверя. След утолщался и становился ярче. Кажется, уже близко. Я осмотрелась. Среди деревьев вроде никого... О! Сквозь лес плыли большие рога-лезвия. Жнец. Огромный. Я пошла следом, готовясь в любую минуту убить его, если он ринется ко мне.

Внезапно Тварь остановилась, прыжком развернулась, глаза её засверкали, голова склонилась перед атакой. Шаг, второй и... Вместо того чтобы кинуться на меня, жнец остановился. А потом по-оленьи фыркнул и пошёл восвояси.

Ноги подогнулись, и я села в сугроб.

Не нападают. Предки, Твари Чаш на меня не нападают! Что это? Ещё один дар Хозяина леса?

Отделённая... Так называли меня мар-даан-лаид и яашраги. Отделённая от чего? Или от кого? От Светлого Леса, и поэтому я могу жить вне его? От Тварей, и поэтому они не нападают на меня? Не знаю точно, что это значит, но ясно хотя бы одно: я не погибну в Чашах.

Я упала спиной в снег. Великие силы, у меня получилось! Без помощи Малкира, конечно, ничего бы не вышло. Но сейчас я одна, в лесу, где меня никто не найдёт. Теперь Главный Гад пусть хоть утопится, пусть хоть все леса облазит. Далеко его прихвостни не пройдут. А вот я при любом намёке на опасность могу уйти под защиту Тварей и Тёмных Чаш. За это спасибо Хозяину леса, кем бы он ни был. И Малкиру.

По небу плыли большие пушистые облака, похожие на стадо серых барашков. Кажется, скоро пойдёт снег. Бросив последний взгляд в пасмурную высь, я поднялась. Надо идти к границе леса и искать место для логова. Зимы в южных Чашах снежные.

Глава 8. Ар-вахану

Струйки воды потянулись от центра связного ромбика вверх.

Пока они собирались в голема, все следили за безумием снаружи. Древесники не церемонились, и стены дольмена шатались, скрипели, угрожая похоронить отряд. Ирма умыкнула вражеский лёд, который никто не держал, и укрепила камни, как сумела. Немного, но помогло.

— Океан-отец, — слышалось от голема, — еле отделаешься от этих... Говори.

— Квак-раздрасарат! — выпалил Геррет, прежде чем Мильхэ открыла рот, и покраснел от глупой фразы.

Пару секунд голем молчал.

— Квак-андалодрис, — наконец произнёс он и разразился бранью: — Геррет, опивок малолетний, ты там как оказался?! Что я твоей матери скажу, случись чего?!

Не успел Фаргрэн обеспокоиться, что их услышат, как звуки боя отрезало — Мильхэ поставила круг тишины.

— Думать надо было перед тем, как в гильдию тащиться, — огрызнулся «опивок». — У нас огромная проблема, дядя.

Дядя?

— Говори.

Геррет в общих словах описал ситуацию, торопясь успеть, пока враги не заметили связного голема.

Мильхэ следила за полукровками. Фаргрэн тоже. Он смотрел на детей-генасов и видел, что действуют они не очень умело. Многие удары пропадали впустую. Фару, насмотревшемуся на фокусы ледяной ведьмы, подумалось, что, скорее всего, эти полукровки нечасто имели дело с Тварями. В конце концов, большая часть из них — дети не старше восьми лет.

— Гери, я хотел как можно дольше хранить в тайне своё участие в этом, — сказал голем, выслушав генаса.

— Так ты объяснишь маме, почему я не вернулся с задания?

— Гери...

— Прости, дядя, но выбор у нас не очень большой.

— Я думаю, Геррет, думаю.

— Об орках? Так их тут нет. Чащобный туман сдвинулся далеко на восток. Пришли помощь. Или сам помоги.

— Ладно, там достаточно места? Отправляю Одрин. Есть куда перелиться?

— Пусть метит точно в связного. Эй, отойдите-ка все подальше.

Голем внезапно превратился в ледяной вихрь. Он рос, обдавая всех мелкими льдинками, и, казалось, грозил поглотить всё, как вдруг исчез. На его месте осталась невысокая темноволосая женщина в расшитом снежными узорами платье. Глаза её были неестественно синими. Она слегка поклонилась Геррету.

— Милорд Тэрин.

— Брось, Одрин, лучше глянь, что у нас снаружи.

Руки женщины покрылись льдом и снегом.

— Дети? — она сильно удивилась, выглянув из дольмена.

Фаргрэн удивился совсем другому. Вокруг них высилось кольцо ледяных стен. Двойных. Между ними оказались полукровки и Твари, нападающие на них. Некоторые монстры угодили в лёд, но полукровки могли двигаться.

— Ага. Маагены, думаю, разнесли бы твоего Утреда на угольки.

Взгляд её на миг стал отстранённым.

— Милорд приказал отправить их к нему.

— Так отправляй, только потом вернись. И забери Рейта с Лорином в Палаты!

Последнее Геррет почти прокричал.

Взвились тринадцать вихрей и опали капельками воды на землю. Полукровок на их месте больше не было. Одрин тоже исчезла. Твари мотали головами, не понимая, куда делся враг. Потом увидели оставшихся двуногих у дольмена, но ледяная стена мешала им добраться до желаемого.

Рыцарь опять вернулась в вихре льда и снега.

— Леди Одрин, — обратилась к ней Мильхэ, — у тех взрослых в крови какой-то яд. Они могут умереть от него за пару минут.

Взгляд женщины снова стал рассеянным.

— Я передала милорду, — кивнула она через мгновение. — Раненые уже в Главных Палатах.

А потом Одрин отправилась в центральную камеру дольмена. Фаргрэн отправился было за ней, но Мильхэ остановила его и сунула в руки клочок бумаги.

— Что это?

— Это для целителей, — прошептала Мильхэ. — На всякий случай.

Одрин, осмотрев камеру с Араной, решила забрать всё, что там было: волчицу, писклявку, баки с непонятной жидкостью, пирамидки. Сделать это за один раз Одрин не смогла, понадобилось три переноса.

Фаргрэн наблюдал за всем, находясь будто в тумане. В его голове билась только одна мысль: ему не пришлось бросать котёнка, писклявку и... И мать.

Это слово казалось горьким на вкус. Он почти не вспоминал его, считая себя недостойным, но... Как ему ещё называть Арану? А Илайну?

Ледяная ведьма в очередной раз начудила. Когда Одрин переносила всех, та взяла... И не перенеслась. Рыцарь с круглыми глазами отправилась обратно, обыскала всё рядом с дольменом, но эльфийку не нашла.

Переполох поднялся неслабый. А Фаргрэну было плевать. Ну их, эти генасские штучки. Всё равно ему не понять большую часть. А то, что ледяная ведьма — уникальная ледяная ведьма, это он уяснил давно.

— Так не бывает, Фар, — пытался ему объяснить Геррет. — Перенос рыцаря — окончателен и бесповоротен. По крайней мере, всегда так считалось. Сраный пепел, у меня так много вопросов к ней осталось.

Что ж, задать их лорд Геррет Тэрин, девятнадцатый в очереди на эйсстурмский престол, теперь не мог. Мерзопакостным бородатым дедом, которого он упоминал, оказался сам легендарный рыцарь воды первого ранга, владыка Северных земель. Его Геррет и называл дядей. Чудила. Предок в каком-то там колене, а не дядя.

Коротышка пришёл навестить всех на второй день, как отряд перенесли в Эйсстурм.

Сейчас Фаргрэн и Геррет сидели напротив палат близнецов и Араны. Писклявку

положили к матери. По просьбе Геррета и приказу Эйгейра им предоставили лучших врачей. Впрочем, лучшие врачи сами были не прочь заниматься ими. Такое они видели впервые: оборотня, превращённого в Тварь, и оборотня, превращённого в... в нечто, существующее без крови.

Лечить Арану собирались, взяв за основу идею, описанную в бумажке, которую им отдал Фаргрэн. И у лучших врачей было много вопросов к автору этого гениального медицинского трактата, написанного на коленке за минуту, но автор пожелал остаться неизвестным. Вопросы касались и Рейта с Лорином. Всё, что с ними сделала Мильхэ, не поддавалось простому объяснению.

Лорин действительно оказался живее брата — пришёл в себя раньше, попытался встать, но целители запретили ему двигаться и даже держали на снотворных, решив, что так кровь быстрее заменится. Или, скорее, что так неутомимый больной не навредит сам себе.

Фар и Геррет увидели, как Ирма тонкими пальчиками сжала ладонь Рейта.

— Фар, матерью прошу, не мешай им.

— Сколько ему лет, Гер?

— Двадцать семь или двадцать девять. Я точно не помню.

— Хочешь сказать, он её старше или на восемь, или на десять лет?

— Если им будет неважно, то какая разница?

Фаргрэн не ответил. Факт, что Ирме понравился безбашенный блондин, его удивил. Не разве Фар может чему-то мешать? Право быть братом в полном смысле этого слова он потерял много лет назад, став ар-вахану. Но если котёнок будет плакать, он просто голову Рейту оторвёт и всё.

— Знаешь, почему он такой безбашенный? — тихо спросил Геррет и продолжил, не дожидаясь ответа: — Даже Лорин не такой, он Рейту в основном мозги на место и вкручивает. — Геррет помолчал. — У него была жена и ребёнок. Погибли. Ночной грабитель. Рейт, наверное, сам себя убил бы, если бы Лорин не уговорил его пойти в Гильдию наёмников зарабатывать младшей сестре на Королевскую академию. Она у них айроген. Они накопили денег на полный срок обучения контракт назад. Так что... Может, в твоей сестре он снова найдёт счастье? Сраный пепел, Фар, пусть попытаются.

— А если он ей сердце разобьёт?

— Думаешь, можно уберечь от разбитого сердца?

Фаргрэн молчал, глядя, как сестра оправляет одеяло на постели Рейта.

Сейчас Ирма отлучалась из палат только по нужде. Она ухаживала и за близнецами, и за Араной с писклявкой.

Последнее казалось Фару почти невозможным. Дочь женщины, которую он убил, ухаживала за женщиной, которая его родила. Самого Фаргрэна девушка всё ещё сторонилась. Но ненавидящий взгляд куда-то исчез.

— Что сказал лорд Эйсгейр о наших находках? — спросил Фар, решив сменить тему.

— Он будет разбираться. Тут такое творится. И тоже Общество Знающих пригорело к этому. Только сначала одну проблему решат. Не опоздать бы.

Об этой проблеме Фаргрэн слышал вполуха. Искали, вроде как, едкую воду и гремучую соль. Он подумал, что сможет быть полезным. Едкая вода не пахнет, но соль... А здесь о его родных позаботятся.

— Слушай, Гер, может, смогу помочь?

Он встал и хотел было идти за Герретом, но взгляд его снова упал на Ирму.

Та ушла от близнецов в палату к Аране. Что-то ей сказала, проверила медицинские трубки, поправила кровать, улыбнулась писклявке, хотя та вряд ли что-то понимала и вообще рычала на всех.

У Фара в горле вспух ком. Он медленно сделал два шага к сестре, а потом не выдержал и бросился перед ней на колени. Обнял её ноги. Ирма тихо ойкнула. И провела рукой по его волосам.

Уже идя вслед за Герретом, Фаргрэн подумал, что у него полжизни не было родных. А вот теперь есть.

Глава 9. Рыцарь первого ранга

11 день 4 месяца 524 года новой эпохи

Эйсгейр плохо спал. Да и как можно спокойно спать, если даже Ортхирский Мясник сказал: дело дрянь! Малкир, конечно, добавил сразу, что лучше подождать полного перевода, но...

Рыцарю казалось, будто весь Эйсстурм превратился в гору гремучей соли, политой едкой водой. Осталось ткнуть факелом. И ведь не только факелами можно тыкать во взрывчатку! Жаль, все источники огня в Эйсстурме не изъять.

Под утро рыцарь оставил жалкие попытки уснуть и вернулся в кабинет. Не высидев там и минуты, он перелился в архив. Вчера главному архивариусу наказали работать перво-наперво с записями, в которых имелась «жгучая вода». И рыцарь попросил известить, как только всё будет готово, или станет ясно, о чём речь. Хелгар пока ещё никого не присылал.

В архиве было тихо. Слишком рано для писцов. И темно. Сердце рыцаря уткнулось в пятки. Хелгар не мог уйти, не закончив работы, а если закончил, то сказал бы...

Кулаки Эйсгейра покрылись снегом, рукава заледенели. Стражники, которые несли караул снаружи, выпучив глаза, смотрели, как холодная стена окружает Ледяной дворец. Теперь никто не уйдёт. Но тяжёлое предчувствие подсказывало рыцарю, что уже поздно. Поздно для Хелгара.

Главный архивариус нашёлся в своём кабинете. Старик сидел за столом и будто дремал. А на полу под ним стыла лужа крови.

— И почему я никогда не ставил стражу у дверей архива? — с горечью прошептал рыцарь, проводя рукой по седой голове верного Хелгара.

А верным он был. Ещё каким. И умным. Обыск показал: и записи разведчика, которые рыцарь отдал архивариусу, и перевод исчезли. Остались лишь чистые листы на столе. Но Хелгар, зная о важности дела, решил по-своему подстраховаться: писал, сильно давя пером на бумагу, подкладывая под каждый лист ещё один.

Это заметил Виркнуд. И когда бумагу, лежавшую на столе Хелгара, обработали мелкой сажой, выяснилось, что архивариус перевёл если не всё, то самое важное.

Эйсгейр был готов рвать и морозить. Если верить переводу — а причин не верить не имелось — выходило, что едкая вода уже в Эйсстурме. И для Эйсстурма!

Зачем «знающим» понадобилась здесь собственная ложа, если с самого начала планировалось устроить хаос и беспредел? Ведь соль стали привозить до того, как общество пришло с прошением к Эйсгейру. Видимо, у «знающих» имелись далекоидущие планы, которые не ограничивались взрывами и устранением самых важных лиц Севера. С этим согласился и Виркнуд, и Эамонд.

Ещё рыцаря мучил вопрос: кто в его дворце — враг? Кто убил Хелгара? Шпиона из архива раскололи — он работал на Зандерат. Тунор, как оказалось, соблазнил его мёдом всеобщего признания и, конечно, деньгами. Эйсгейр отправил хорьку весточку с просьбой больше так не делать, раз уж у них, так сказать, союз. И подкрепил просьбу намёком на то, что от этого зависит, получит ли Тунор желаемое в виде Озёрного края.

Но у шпиона хорька не было причин убивать Хелгара. Да и как мог он это сделать, находясь в холодушке под присмотром рыцарей воды?

Крысы и змеи теперь чудились всюду.

Эйсгейр поступил по-простому: вышвырнул из дворца всех. Почти. Нет, не вышвырнул, конечно, просто закрыл дворец на время следствия, разрешив пускать только самых приближённых лиц. Через мощную и высокую ледяную стену теперь не проник бы никто. У такого решения был один недостаток: поваров и кухонную челядь тоже не пускали. Впрочем, дворецкий быстро придумал, как кормить дворец, и развернул почти походную кухню в парке рядом.

— Милорд.

— Да, Эамонд.

Эйсгейр только что перелился в свой кабинет — прятал драгоценные словари Эльвейг, решив, что они ещё пригодятся.

— У Ормунда проблемы.

«Океан-отец, мы идём ко дну», — мысленно простонал рыцарь.

— Некоторые ярлы недовольны им и требуют вас, милорд. Или меня. Но мне кажется, лучше бы вы их приструнили. Я видел решения Ормунда. Всё прекрасно. Но люди недовольны тем, что они не ваши и не мои.

— Понял, Эамонд. Пойду прямо сейчас.

Вихрем он перенёсся в особняк Ормунда, который после закрытия Ледяного дворца стал местом приёма благородных и не очень просителей. Те малость струхнули, увидев так внезапно заявившегося владыку Северных земель. Ормунд удивился.

— Милорд?

— Что у тебя тут? — Эйсгейр взял со стола указ, лежавший перед сыном наместника. — Чьё дело?

— Ярлов из Нивельйорда. Делят землю между притоками Исельвы.

Рыцарь помнил об этом споре. Возникал он чуть ли не каждые пятьдесят лет. Не то чтобы этот клочок земли был большим и хорошим, но спорить из-за него ярлам почему-то нравилось, а разбивать один кусок на два они не хотели. Ормунд сделал право владения переходящим между кланами по числу лет или урожаев. Решение Эйсгейру понравилось.

«Утоплю я эту землю, если опять явятся», — подумал он и посмотрел на просителей.

Нашёл взглядом тех самых ярлов.

— Чем вам не нравятся решения моего сына?

От сурового тона все будто сделались чуть ниже, чем были.

— Я поставил его решать вопросы. Его решения — мои решения. Против меня восстаёте?

Рыцарю вспомнилось, что когда Эамонд стал наместником, у него возникли похожие трудности. Эйсгейр махнул указом.

— Решение окончательное. Как и все остальные, которые примет мой сын.

Толпа вскинулась волной вопросов, как только рыцарь замолчал. А Эйсгейру нужно было срочно уединиться: связной голем требовал внимания. Поэтому он попросту рявкнул и повторил — всё решает Ормунд.

— Океан-отец, еле отделаешься от этих... — пробормотал рыцарь, перелившись во дворец, — Говори, — приказал он голему.

12-13 день 4 месяца 524 года новой эпохи

Волна проблем грозила снести Эйсстурм до основания и его создателя вместе с ним. Уж

чего-чего, а причастности Общества Знающих и Ордена Жизни к странному вторжению Тёмных Чаш, он не ожидал совсем.

Решать и выяснять предстояло многое. Что это за пирамидки, привлекающие Тварей? Откуда эти изуродованные оборотни? Геррет сказал, где-то к северу от дольмена должно быть что-то прячут. К такому выводу пришёл он и его напарники. И что же там спрятали? Эльфийские полукровки, дети-генасы, загадочная наёмница, которая ускользнула от переноса Одрин... Вопросы накрыли волной и затопили всё вокруг.

Но всё это не сейчас. Первостепенной задачей была куда-то испарившаяся едкая вода. Стража, разведчики, люди Малкира рыскали по городу в поисках её и гремучей соли. И не находили.

В первую очередь снова обыскали дома «знающих». Ничего. Обыскали аптеки и лавки. Пусто. Перевернули Северную академию вверх дном в очередной раз. Не нашли даже самой заваливающей склянки. То есть, конечно, нашли. Но такие смехотворные запасы, что их можно было в расчёт не брать: не хватило бы даже на подрыв Ледяного дворца. Но ведь соли привезли в город до ужаса много. И она тоже неизвестно где.

Виркнуд вёл допросы лично, не скупясь на запугивание и угрозы. Но бóльшая часть «знающих» ничего не знала. Да, они согласились помогать, да, принимали грузы. Многие по несколько раз. Но они даже не имели понятия, что внутри. И уж точно не знали, для чего всё это. Просто принимали посылки, а потом за ними приходили какие-то люди.

Когда обнаружилось, что соль отдавали тем, кто показывал медальон — белый цветок на красном поле, — стало ясно: это были не люди, а полукровки. Эльфийские полукровки. Как те, которые чуть не уничтожили отряд наёмников, посланных к дольмену. Как те, которых доставила Одрин и которые умерли страшной смертью от какого-то яда. Как дети, которые сейчас находились в одном из поместий за городом, и никто не знал, что с ними делать.

Всё это поднимало волну таких вопросов, за которые и Миррин уже был готов рвать всем глотки. Если Ордену жизни нужны эла-виал и эльфийки, как говорил Малкир, то не солнцелобые ли вырастили этих полукровок? Но как, если почти у всех дочерей Леса эла-виал мертвы?

Но и это сейчас не главное. Главное — соль. И то, что едкую воду вообще никто из «знающих» в глаза не видел.

Сигсон перевернул бумаги за последние три года — за это время даже суммарно не ввозили едкой воды в таких количествах.

Миррину Эйсгейр приказал возвращать эльфов и всё посольство в Светлый Лес. Отправил послов в Алинас сказать Арнау, что с приездом его семьи придётся подождать. Наведался к Нирии и попросил её покинуть Эйсстурм как можно скорее.

Но куда деть целый город, самый большой на всём Иалоне?

Рыцарь усилием воли заставлял себя читать донесения разведчиков. Все до единого, потому что Виркнуд занимался поисками и допросами и не мог выполнять свои обычные обязанности. К делу привлекли даже оборотня из наёмников, которые ходили к дольмену. Искали уже не просто места хранения гремучей соли и едкой воды, а то, где её могли заложить. Проверяли главные здания города. Начали, конечно, с Ледяного дворца. Ферагены углубились в утёс на пару человеческих ростов, но ничего не нашли, и, в конце концов, рыцарь приказал им проверять другие места.

В его сердце волной вздымался страх. Не за себя. Убить рыцаря за восемьсот с лишним

лет не смог никто, хотя в первом ранге он пробыл всего двести. А вот лишить жизни людей, служащих ему, — легко. И мирное население...

— Милорд! — примчался начальник городской стражи, весь взмыленный и взбудораженный. — Под Главными Палатами нашли соль!

— Океан-отец, направили уже туда ферагенов?

— Да, милорд, но говорят, там соли много, дня два-три придётся вытаскивать, и она уже с едкой водой смешана.

Эйсгейр тут же перелился к Главным Палатам. Да, теперь больше никаких следов не найти, но к кракену эти следы — в палатах море людей, которые сами себя не спасут.

Когда генасы подробно описали ему, что, где и как, рыцарь поставил мощный щит, какой бы ни смог снять никто, кроме него самого.

«Милорд, — Ротьоф ворвался в мысли Эйсгейра, когда он переносил людей из Палат в безопасное место, — господин Виркнуд говорит, под особняком наместника заложена соль».

«Скажи ему, пусть выводят оттуда всех. И пусть обыщут там всё!» — приказал рыцарь и тут же, подумал, что им не хватит ферагенов: этих генасов всегда было меньше других.

«Одрин, — позвал Эйсгейр, — давай к ярлу Айсена, возьми у него генасов и побольше!»

Утреда он отправил с приказами к Северному Кольцу.

К концу дня обнаружилось ещё несколько мест с заложённой гремучкой. Рыцарь не знал, ужасаться ему — там было столько соли, что при взрыве разнесло бы всё в радиусе нескольких кварталов, или радоваться — дело сдвинулось с мёртвой точки, и хоть что-то они да нашли. Но всё равно этого было мало. В город привезли гораздо больше.

Эйсгейр уже и не помнил, когда ещё так носился по городу. По большей части он служил тягловой лошадьё и порталом. Зато там, где понадобились бы несколько суток работы и море людей, они справились за полдня.

После, уставший, он вернулся во дворец. Но и там отдыхать не пришлось — донесения. Когда рыцарь разобрался с ними, ему сообщили, что с особняком Общества Знающих уже закончили: изучили от и до, собрали множество бумаг и мутных писем, требовавших подробного рассмотрения.

Эйсгейр перелился туда, хоть и ужасно устал. Он всегда так делал, когда его люди заканчивали важную работу: приходил отдельно ото всех, чтобы подвести, так сказать, итоги. Всё равно, ничего другого ему не оставалось.

От любимого гнёздышка Эльвейг не осталось и следа. Только пустые комнаты, холодные стены и мусор, который посчитали бесполезным.

«И зачем я сюда пришёл?» — со вздохом подумал Эйсгейр и хотел уже перелиться обратно во дворец.

Но не перелился. Взгляд рыцаря зацепился за жёлтое пятнышко в углу комнаты, которая раньше была его с Эльвейг спальней.

Это оказалась маленькая крышечка. Такие делали для женских флаконов под духи и крема. Эйсгейру подумал, будто где-то он уже видел похожие. Рыцарь положил крышечку в карман и устало потёр глаза. С этим дурдомом ему опять не удавалось нормально поспать. А ведь следовало бы: уже и голова думать отказывается. Хотя кое-что, связанное с орками, Эйсгейр предпринял. Хоть что-то. Ладно, он попробует отдохнуть, а если не получится, то снова займётся делами.

Эйсгейр спал. Ему с трудом удалось заснуть, но прометавшись целый час, рыцарь всё же погрузился в сон.

Ему снился кракен. Когда-то давно, ещё даже не будучи рыцарем воды, он охотился на них. Но умные, по-своему красивые животные покорили его, и он отказался от их убийства. Кракен играл с огромной жёлтой крышечкой от женского флакончика, перекидывая её между щупальцами. Что же это за крышечка...

Внезапный грохот вырвал его из тяжёлого забытья. Не успев толком проснуться, Эйсгейр увидел, как на него падает потолок собственной спальни. Он прикрылся льдом и почувствовал, что весь дворец пришёл в движение. Снежный вихрь перенёс его в сад, но рыцарь не нашёл земли, там, где она всегда была, и перелился в залив.

На его глазах Ледяной дворец, а вместе с ним и весь Мраморный утёс, пятая часть Эйсстурма, с оглушающим рокотом рушились в море. Эйсгейр попытался удержать на месте хоть что-то... И не смог. Огромная сила куда больше его собственной, рвала на части камни, на которых века назад рыцарь возвёл свой дворец.

Где-то ещё гремели взрывы. Незыблемый Мраморный утёс крошился в тёмную пучину будто мел. Хрустальная башня со звоном обратилась в битое стекло. Её колокола падали в море. Сталкиваясь между собой и с обломками стен, они гулко гудели, отбивая запоздалый набат.

Сам рыцарь ещё не видел этого. Он переносил тех, кого мог, на безопасную песчаную отмель рядом. Но рыцарь первого ранга плохо чувствовал крохотные источники влаги, какими были люди. А потом он ощутил воду. И очень хорошо.

Взрыв создал гигантский заплеск. Обнажилось даже дно, куда сыпался Верхний город. Разъярённая вода волной в несколько человеческих ростов торопилась обратно. Она сметёт всё...

Эйсгейр кинулся в море и застыл, призывая всю свою мощь. Сейчас она действительно нужна ему вся. Вся без остатка. От напряжения на его висках запульсировали жилки, на руках вздулись вены. Рыцарь давным-давно позабыл, что вода может быть такой яростной, такой непослушной. Она напирала на него, сопротивлялась, давила, грозя уничтожить восставшего против неё крошечного безумца.

Но безумец не сдавался. Мгновение — и волна остановилась, два, три — и тёмные воды начали отступать.

Эйсгейр Снежная Длань, рыцарь воды первого ранга, подвинул океан.

Он понимал, что этого мало. Его мало. Даже он не сможет удержать растревоженное море вот так. Нужно другое. И рыцарь начал возводить ледяную стену, отделяя море от города. Отделяя себя.

Вдруг он почувствовал, что стало на каплю легче.

— Одрин!

Штормовая Одрин влетела в толщу воды по правую руку от него и направила его силу как надо, добавив свою. Лёд там, где она находилась, покрылся инеистым узором.

Через миг стало ещё чуть легче.

— Утред!

Ласковый Утред продолжил стену слева, отдавая всего себя морю. Лёд вокруг него потемнел сине-зелёными разводами.

По обе стороны от Эйсгейра дети Океана вставали в стену льда. Она росла, не давая

воде разрушить порт, доки, затопить жилые районы ниже Мраморного утёса.

Но Эйсстурм захлёбывался криками. На месте Ледяного дворца, Мраморного утёса и Верхнего города было... ничего. Люди ещё этого не увидели и не поняли. Не видели они и внушающей страх ледяной стены перед уже несуществующим утёсом.

Ударная волна обрушила и повредила строения недалеко от места взрыва, выбила окна в нескольких кварталах вокруг, разметала совсем недавно посаженные цветы на клумбах и в парках. Множество жителей погибли в постелях от осколков. Тысячи умирали прямо сейчас. Живые же, оглушённые, потрясённые, выползали на улицы, едва сознавая, что происходит. Что произошло.

Город воды и льда встретил рассвет заревом пожаров и запахом гари.

Эйсгейр чувствовал, как Ротьюф носится туда и сюда, перемещая раненых из-под завалов. Чувствовал, как помогают иллигены и рыцари младших рангов, неспособные на перенос. А потом увидел, как далеко на северо-западе полыхнуло яркое зарево. Через несколько мгновений донёсся звук.

«Северное Кольцо...» — понял Эйсгейр, но ему было не до этого.

Он продержался сколько смог. Младшие рыцари помогли изменить форму стены, оградив от воды только самое необходимое.

Он не знал, сколько времени прошло. Но понял: уже можно отпустить. И отпустил. Волны ринулись в место, которое веками принадлежало им, погребая в своей пучине то, что веками принадлежало ему.

Он выдернул из льда до сих пор помогавших Одрин и Утреда, вынес их волной на берег, а сам...

«Океан-отец!» — воззвал он и...!

Конец второй книги